

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*225 лет
со дня рождения
А. С. Пушкина*

СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ОБРАЗА
РУССКОГО БАРИНА-АНГЛОМАНА МУРОМСКОГО
В ПУШКИНСКОЙ ПОВЕСТИ
«БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»

«ИГРА С ЧИТАТЕЛЕМ» КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ А. С. ПУШКИНА
(К ПРОБЛЕМЕ «ПУШКИН И РОКОКО»)

2024 / № 3. Т. 2

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 3. Т. 2

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 3. Vol. 2

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадаский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2024. — № 3. Т. 2 — 114 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":

Federal State University of Education

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2024. – No. 3. Vol. 2 – 114 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

225 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

Представляем тему номера. 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Герасименко Н. А. Отношение Пушкина к персонажам поэмы «Полтава»: Мария и Мазепа 8

Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Средства характеристики образа русского барина-англомана Муромского в пушкинской повести «Барышня-крестьянка» 16

Шаталова О. В. Смысловая многоплановость лексической единицы *взор* в поэтическом языке А. С. Пушкина 24

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексеева Л. Ф. А. С. Пушкин на литературных страницах 1920–1930-х годов и некоторые локальные аспекты перманентного пушкиноведения 32

Алтатова Т. А. «Игра с читателем» как средство реализации историко-литературной концепции А. С. Пушкина (к проблеме «Пушкин и рококо») 42

Дергачева И. В. Итальянский текст Пушкина 52

Киселева И. А., Поташова К. А. Отзвуки поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в художественном мире М. Ю. Лермонтова. 66

Крутова М. С. Антропологический эскиз академика Д. Н. Анучина об А. С. Пушкине и подготовительные рукописные материалы к нему в отделе рукописей РГБ 77

Махмудова С. М. К вопросу о кавказском периоде творчества Пушкина. 89

Яковлев М. В. Генезис и трансформация образа Мадонны в поэзии А. С. Пушкина 96

РЕЦЕНЗИИ

Шевцова Л. И. Поэтика батального образа в литературе пушкинской эпохи (о книге К. А. Поташовой «Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX века». М.: Постатор, 2023. 240 с.) 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Степченкова В. Н., Антропова А. О. «Мы рождены для вдохновения...»: хроники пушкинских дней в Государственном университете просвещения 110

CONTENTS

225TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. S. PUSHKIN

Introducing the Theme of the Issue. 6

LINGUISTIC STUDIES

N. Gerasimenko. Pushkin's Attitude to the Characters of the Poem "Poltava":
Maria and Mazepa 8
V. Ledeneva, T. Shapovalova. Means of Characterization of the Image of the Russian
Anglomaniac Gentleman Muromsky in Pushkin's Story "The Peasant Lady" 16
O. Shatalova. Semantic Diversity of the Lexical Unit Gaze in the Poetic Language
of A. S. Pushkin. 24

LITERARY STUDIES

L. Alexeeva. A. S. Pushkin on the Literary Pages of the 1920–1930s and Some Local Aspects
of Permanent Pushkin Studies 32
T. Alpatova. Game with the Reader as a Means of Implementing the Historical and Literary
Concept of A. S. Pushkin (On the Problem "Pushkin and Rococo") 42
I. Dergacheva. Italian Text of Pushkin 52
I. Kiseleva, K. Potashova. Echoes of A. S. Pushkin's Poem "The Fountain of Bakhchisarai"
in the Artistic World of M. Y. Lermontov 66
M. Krutova. Anthropological Sketch of Academic D. N. Anuchin about A. S. Pushkin
and its Preparatory Handwritten Materials in the Department of Manuscripts of the Russian
State Library. 77
S. Makhmudova. On the Question of the Caucasian Period of Pushkin's Work. 89
M. Yakovlev. The Genesis and Transformation of Madonna's Image in the Poetry
of A. S. Pushkin. 96

REVIEWS

L. Shevtsova. The Poetics of the Battle Image in the Literature of the Pushkin Era (About
the Book by K. A. Potashova "The Poetics of the Visible in the Military Art of the XVIII –
First Third of the XIX Century". Moscow, Postator Publ., 2023. 240 p.) 106

SCIENTIFIC LIFE

V. Stepchenkova, A. Antropova. "We Were Born For Inspiration...": Chronicles Of Pushkin's
Days At The State University Of Education 110

225 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

Шестого июня исполнилось 225 лет со дня рождения гения, «солнца русской поэзии» – Александра Сергеевича Пушкина. К этой дате в нашей стране и за рубежом были подготовлены многочисленные театральные премьеры, выставки и совместные проекты музеев разных городов и стран, экранизации и анимационные ролики по пушкинским произведениям, проведены творческие фестивали, научные чтения и конференции, опубликованы монографии, состоялись концерты музыкальных коллективов, конкурсы чтецов и переводов текстов... Прошли церемонии возложения цветов к памятникам поэта.

Весь мир читал, читает и будет читать Пушкина.

О том, как проходили Пушкинские дни в Государственном университете просвещения, на факультете русской филологии, можно прочесть на страницах этого тематического номера нашего журнала, приуроченного к знаменательному юбилею.

Учёные-лингвисты с синтаксических позиций выявляют отношение поэта к персонажам поэмы «Полтава», исследуют ключевые средства создания и оценки образа русского барина-англомана Григория Ивановича Муромского в тексте повести «Барышня-крестьянка», рассматривают единство семантического и стилистического в смысловой структуре слова *взор* в поэтических пушкинских контекстах.

Литературоведы освещают эффект присутствия образа А. С. Пушкина в литературном процессе 1920–1930-х гг., анализируют специфику организации творческого диалога с читателем в структуре незавершённой прозы А. С. Пушкина, выявляют значение итальянской культуры для личности поэта, раскрывают влияние поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» на художественный мир Лермонтова, представляют материал об архивной пушкиниане Д. Н. Анучина, дают характеристику кавказского периода творчества А. С. Пушкина с позиций межкультурного взаимодействия народов России, устанавливают эстетическую функцию религиозного символа в формировании аксиологической системы поздней лирики А. С. Пушкина.

Для современного осмысления языка, стиля, мироощущения, духовных поисков гениального поэта нет преград.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-8-15

ОТНОШЕНИЕ ПУШКИНА К ПЕРСОНАЖАМ ПОЭМЫ «ПОЛТАВА»: МАРИЯ И МАЗЕПА

Герасименко Н. А.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить отражение отношения А. С. Пушкина к персонажам поэмы «Полтава» в синтаксическом построении текста.

Процедура и методы. Методом нацеленной выборки собран и проанализирован языковой материал из поэмы «Полтава». С применением структурно-семантического метода исследования выявлено взаимодействие синтаксического построения поэмы и её содержания.

Результаты. Установлено, что поэма А. С. Пушкина «Полтава» построена на принципе противопоставления, что формирует цельность и единство новой поэтики Пушкина и отражается в использовании синтаксических конструкций. Противопоставление образов Марии как воплощения любви и верности и гетмана Мазепы как олицетворения лжи и предательства реализуется через использование неглагольных и глагольных предложений, конструкций экспрессивного синтаксиса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты дополняют теорию функционирования синтаксических единиц в поэтическом тексте, сведения об идиостиле А. С. Пушкина.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, глагольные предложения, неглагольные предложения, образ Мазепы, образ Марии, оценка, поэма «Полтава», синтаксис, ценности

PUSHKIN'S ATTITUDE TO THE CHARACTERS OF THE POEM "POLTAVA": MARIA AND MAZEPA

N. Gerasimenko*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the reflection of A. S. Pushkin's attitude to the characters of the poem "Poltava" in the syntactic structure of the text.

Methodology. The linguistic material from the poem "Poltava" was collected and analyzed using the targeted sampling method. Using the structural and semantic research method, the interaction of the syntactic construction of the poem and its content was revealed.

Results. It is established that A. S. Pushkin's poem "Poltava" is based on the principle of opposition, which forms the integrity and unity of Pushkin's new poetics and is reflected in the use of syntactic constructions. The juxtaposition of the images of Mary as the embodiment of love and fidelity and Hetman Mazepa as the personification of lies and betrayal is realized through the use of non-verbal and verbal sentences, constructions of expressive syntax.

Research implications. The results obtained complement the theory of the functioning of syntactic units in a poetic text and information about Pushkin's idiosyncrasies.

Keywords: A. S. Pushkin, verbal sentences, non-verbal sentences, the image of Mazepa, the image of Mary, values, the poem "Poltava", syntax, evaluation

Введение

Актуальность работы определяется, во-первых, постоянным интересом читателей к творчеству гениального поэта, который в своих произведениях не только отразил многие исторические события в России, но говорил об общечеловеческих ценностях, о вечном: о любви, семье, доме, родной природе, о верности и предательстве. Во-вторых, А. С. Пушкин внёс неограниченный вклад в развитие русского литературного языка как теоретик, исследовавший основы и тенденции, формирующиеся в языке, так и как практик, реализовавший новые приёмы использования языка в поэзии, прозе, драматургии, публицистике. В-третьих, несмотря на обилие научных работ, посвящённых художественным произведениям А. С. Пушкина, синтаксические особенности отдельных его произведений и идиостиля в целом изучены недостаточно.

Цель этой статьи – выявить отражение отношения А. С. Пушкина к персонажам поэмы «Полтава» в синтаксическом построении текста.

Среди поставленных **задач** основными являются: исследование функционирования неглагольных и глагольных предложений в тексте поэмы; определение авторского отношения к персонажам через синтаксическое построение текста; выявление ценностей А. С. Пушкина, отражённых в поэме «Полтава».

Научных работ, посвящённых жизни и творчеству А. С. Пушкина, множество, что не удивительно. Поэт, прозаик, мыслитель, драматург, публицист, он отразил в творчестве самые главные ценности русского народа, преобразовал русский язык и придал ему новое звучание, не устаревающее в своей основе до настоящего времени. О Пушкине думали, говорили, вспоминали такие поэты и писатели, как А. А. Ахматова, В. В. Вересаев, М. И. Цветаева и мн. др. [2; 5; 14]. Выдающиеся филологи В. В. Виноградов, Ю. М. Лотман [6; 11] анализировали произведения А. С. Пушкина, выявляли осо-

бенности его идиостиля и определяли роль поэта в развитии русского языка и литературы. Немало работ посвящено влиянию А. С. Пушкина на становление творческого метода других писателей [см., напр.: 10; 13]. Литературоведы (П. В. Анненков, С. Г. Бочаров, Б. В. Томашевский и др.) изучали биографию поэта, определяли место творчества Пушкина в системе современных ему литературных направлений и течений, отмечая его уникальность; исследовали особенности его стиха и прозы [1; 3; 12]. Лингвисты тоже не оставляли своим вниманием творчество А. С. Пушкина. Так, например, глубокое лингвистическое исследование синтаксиса романа «Евгений Онегин» написано Л. Д. Беднарской [4]; о судьбе русского просторечия (в том числе на материале произведений А. С. Пушкина) рассуждала К. А. Войлова [7]. Разговорные единицы в поэме «Полтава» описывала как средство народности языка художественных произведений Е. А. Кувшинова [9]. Лексические единицы в целом привлекали больше внимания лингвистов. Однако взаимодействие синтаксического устройства текста и его основных смыслов изучено недостаточно.

Поэма «Полтава» была написана в 1829 г. и стала свидетельством нового этапа в творчестве А. С. Пушкина. Романтизм соединился в ней с классицизмом на фоне глубоких раздумий автора о роли исторических процессов в жизни личности. По мнению Ю. М. Лотмана, поэма «Полтава» явилась «плодом первого этапа пушкинского историзма». «Сюжет позволил столкнуть драматический любовный конфликт и одно из решающих событий в истории России. Не только сюжетно, но и стилистически поэма построена на переплетении и контрасте лирико-романтической и ориентированной на поэтику XVIII в. одической струй. Для Пушкина это было принципиально важно, так как символизировало столкновение эгоистической личности с исторической закономерностью» [11, с. 199].

Современная поэту критика не поняла творческого замысла автора и осыпала его

множеством частных замечаний. Пушкин дал глубокую и конкретную отповедь своим оппонентам¹.

Процедура и методы исследования.

Основным методом исследования в данной работе является современный структурно-семантический метод, включающий анализ функционирования синтаксической единицы в тексте [8]. Используются также общенаучные методы наблюдения, квалификации и систематизации, компонентного анализа.

Поэма «Полтава» построена на противопоставлениях. Они пронизывают весь сюжет. Исследователи отмечали, что главной мыслью поэмы является противопоставление Петра и Мазепы, что, безусловно, верно в историческом плане. В этом противопоставлении проявляется идея предательства и возмездия. «Конфликт романтического эгоизма, воплощённого в поэме в образе Мазепы (ассоциативно связанном с одноимёнными героями Байрона и Рылеева), и законов истории, “России молодой”, персонифицированной в лице Петра, безоговорочно решён в пользу последнего. Более того, в исторической перспективе не сила страстей и даже не величие личности, а слитность с историческими законами сохраняет имя человека в народной памяти», – писал Ю. М. Лотман [11, с. 199].

Этому главному противопоставлению *Мазепа – Пётр* сопутствуют другие: *Мазепа – Кочубей*, *молодые приспешники Мазепы – Мазепа – старик* и др. На наш взгляд, важную роль в развитии сюжета играет неявное противопоставление *Мария – Мазепа*. В нём отчётливо проявляется отношение Пушкина к персонажам и выявляются духовные ценности поэта. Любовь и верность для него – ценности безусловные; предательство и ложь – антиценности. Остановимся здесь на романтической линии поэмы и отражении отношения автора к этим персонажам средствами синтаксиса.

А. С. Пушкин сам пишет о том, как возникла у него мысль описать историю

предательства Мазепы и победы Петра: «Прочитав в первый раз в «Войнаровском» (поэма К. Ф. Рылеева. – Н. Г.) сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщённую их дочь, –

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства². Романтическая линия любви юной девушки к старому гетману стала отправной точкой в развитии сюжета.

Мария

Пушкин высоко ценил женскую красоту и умел её показать в своих произведениях. Нежные, пронзительные строки посвящены Марии:

*«Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна»³.*

Поэтический облик Марии передаётся с помощью субстантивно-адъективных предложений, в которых позицию предиката занимает краткая форма прилагательного в сочетании с нулевой формой связи *быть*. Нулевая форма этой связи выражает неотмеченное настоящее синтаксическое время [см. подр.: 15, с. 15], которое характерно для описания как типа речи. Настоящее время в русском языке не имеет временных ограничений, оно может служить как для обозначения признаков актуальных (совпадающих с моментом речи), так и для выражения постоянных, вневременных и подобных значений, выходящих за рамки момента речи.

*«Её движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья»⁴.*

¹ Пушкин А. С. Опровержения на критики // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М.: Правда, 1981. С. 131–133.

² Там же. С. 133.

³ Пушкин А. С. Полтава // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Правда, 1981. С. 172.

⁴ Там же.

Использование в простом бисубстантивном предложении ряда однородных связочно-субстантивных сказуемых со сравнительным значением (связка *напоминают*) позволяют отразить противоположные стороны характера Марии: с одной стороны, она обладает спокойным, тихим характером (*плавный ход лебедя*), с другой – порывистым и страстным (*лани быстрые стремленья*).

Но не только красотой отличается Мария. «Везде прославилась она Девницей скромной и разумной»¹. Мария предстаёт перед читателем идеальной девушкой, красота, скромность и разумность которой известны не только на Украине, но и в России: «завидных женихов Ей шлёт Украйна и Россия»². Однако Мария полюбила гетмана и отвергла всех женихов. Для Пушкина любовный пыл, страсть – высокие чувства, которые он понимает, не осуждает и находит им оправдание:

«Не только первый пух ланит
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,
Рубицы чела, власы седые
В воображенье красоты
Влагают страстные мечты».³

Любовь, считает Пушкин, «есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте»⁴.

В изображении Марии преобладают неглагольные двусоставные предложения, синтаксис находится в единстве с художественным замыслом. В. В. Виноградов писал: «Пушкин понимает поэтическое слово как художественно обобщённое отражение действительности и выражение внутреннего содержания личности и общества» [6, с. 23]. Неглагольные предложения статичны, они позволяют описать внешность пер-

сонажа, его характер, постоянные качества. Мария сохраняет любовь на всю жизнь: «Я позабыла всё на свете, Навек однажды полюбя, Одно имела я в предмете: Твою любовь»⁵. Она гордится гетманом, восхищается, желает ему стать царём. «Ты будешь царь земли родной! Твоим седидам как пристанет Корона царская!»⁶; «Всем, всем готова Тебе я жертвовать, поверь»⁷. Верность в любви, постоянство и преданность Марии восхищают Пушкина, он разделяет эти духовные ценности и с нежностью и глубоким сочувствием описывает свою героиню.

Гетман Мазепа

Но Пушкин – поэт глагольный. Процесс, действие, активность свойственны как характеру поэта, так и его художественному стилю. В поэме «Полтава» глагольные предложения составляют большую часть высказываний, и в описании характера Мазепы преобладают предложения глагольные:

«Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах,
Со старцами, старик болтливый,
Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слёзы льёт,
С глумцом разумну речь ведёт!»⁸

Резко меняется ритм повествования, появляются эмоционально окрашенные предложения с отрицательным оценочным значением, формирующимся в контексте. Высказывания наполняются оценочной лексикой (*самовластно, лживый, болтливый, своевольный, недовольный*). Хитрость и двуличие Мазепы подчёркиваются ав-

¹ Пушкин А. С. Полтава // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Правда, 1981. С. 173.

² Там же.

³ Там же. С. 174.

⁴ Пушкин А. С. Опровержения на критики // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М.: Правда, 1981. С. 131.

⁵ Пушкин А. С. Полтава // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Правда, 1981. С. 185.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 189.

⁸ Там же. С. 177.

торским комментарием в виде несобственно-вопросительных (вопросительно-отрицательных) предложений со значением невозможности. Грамматическая парадоксальность вопросительно-отрицательных предложений заключается в том, что формально в них присутствует вопросительное слово, но вопроса они не содержат. Одновременно они выражают отрицание, хотя средств выражения отрицания в них нет. Формируется семантика невозможности. Этот грамматический парадокс делает вопросительно-отрицательные предложения средством экспрессивного синтаксиса, что позволяет А. С. Пушкину выразить крайне негативное отношение к персонажу. Невозможно проникнуть в чёрную душу изменника, в которой «замысел давнишних дней, быть может, зреет одиноко»¹.

*«Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной?»²*

Коварная душа – это бездна, способная поглотить всего человека. И Мазепа с его коварной душой получает развёрнутую характеристику поэта:

*«Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно, и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды,
С тех пор, как жив, не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирает;
Что он не ведаёт святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него»³.*

Сложноподчинённое предложение с целым рядом однородных придаточных частей, выражающих изъяснительно-объектные отношения, построено по принципу особой синтаксической конструкции – периода. Период обладает высокой воздействующей силой, которая формируется за счёт многократного повтора однотипных частей. Нанизывание предикативных частей, построенных по одной модели, создаёт в поэтическом тексте напряжённость, которая усиливается к концу периода, последняя часть которого выражает главную мысль – нет отчизны для Мазепы. Период – очень мощное средство выразительности, хотя оно не часто встречается в поэзии, и Пушкин, используя это средство, добивается такого же мощного воздействия на читателя. Характеризуя стиль А. С. Пушкина, В. В. Виноградов отмечал: «Смелость выражений определяется Пушкиным как способ ясного выражения мысли при помощи смелого образа. Этого рода смелость обозначений, сопоставлений, изображений должна быть подчинена единству творческого замысла, внутренней цельности индивидуального выражения» [8, с. 24].

Неглагольные предложения появляются в тексте и в характеристике гетмана, но исходят эти характеристики из уст потерявшей рассудок Марии, которая даже в безумии понимает, что обманута Мазепой:

*«Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь.
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь!..»⁴*

И здесь Пушкин использует противопоставление, уже внутреннее, в душе Марии, которая воспринимает любимого человека как прекрасного, любящего, нежного, но видит перед собой ужасного и безобраз-

¹ Пушкин А. С. Полтава // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Правда, 1981. С. 177.

² Там же.

³ Там же. С. 177–178.

⁴ Там же. С. 209.

ного старика. Отношение А. С. Пушкина к изменнику гетману выражается в поэме однозначно как резко отрицательное. Он не принимает антиценности Мазепы, прямо выражает гневное осуждение низких черт его характера, используя для этого возможности экспрессивного синтаксиса.

Сам Пушкин писал об образе гетмана: «Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было ещё непростительнее. Однако ж какой отвратительный предмет! Ни одного доброго, благосклонного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Дельвиг дивился, как я мог заняться таковым предметом. Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. “Полтаву” написал я в несколько дней, долее не мог бы ею заниматься и бросил бы всё»¹.

В этой оценке Мазепы отразилась вся ненависть Пушкина к подлости и предательству, лживости и жестокости гетмана.

Проведённый анализ синтаксических средств выражения отношения автора к персонажу в поэме «Полтава» показал, что приём противопоставления, заложенный в основу поэмы, реализуется и на уровне синтаксического устройства текста. Неглагольные предложения используются преимущественно для описания внешности персонажа, черт его характера, глагольные – для описания поведения, действий (в том числе ментальных), характеристик.

Заключение

При анализе текста поэмы А. С. Пушкина «Полтава» с целью выявления авторского отношения к персонажу через использование синтаксических средств определены некоторые синтак-

сические особенности стиля автора. При описании внешности Марии Пушкин использует преимущественно неглагольные предложения, грамматическая статичность которых позволяет отразить постоянство характерных признаков героини: красоту, умиротворённость, душевную тишину, с одной стороны, силу характера, страстность и верность любви, с другой. Автор использует поэтические сравнения *с плавностью лебедя и порывистостью лани*, подчёркивая эти стороны характера Марии.

Пушкин разделяет ценности героини – любовь, верность, самоотверженность – и с большим сочувствием показывает, как обман, жестокость и зло разрушают жизнь и разум Марии.

Противоположное отношение к Мазепе отражается в активном использовании при его описании экспрессивных синтаксических структур. Полное отвержение ценностей гетмана – мстительности, злопамятности, жестокости – реализуется через использование глагольных предложений, в которых отражаются процессы – действия и помыслы персонажа. Экспрессивную отрицательную оценку Пушкин выражает через использование грамматических повторов, сложных синтаксических образований (сложноподчинённое предложение с несколькими однотипными придаточными частями, приобретающее градационную семантику), наполнение синтаксических моделей эмоционально-экспрессивной лексикой с отрицательными коннотациями. Прямая характеризующая оценка персонажа даётся в периоде – синтаксической конструкции, выражающей постепенное усиление негативной оценки и завершающейся высшей степенью отрицания *«нет отчизны для него»*².

Отношение автора к персонажам – важнейшая часть художественного произведения. В нём отражаются ценности, которые разделяет автор, и антиценности, которые он не принимает. В поэме «Полтава» об-

¹ Пушкин А. С. Опровержения на критики // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М.: Правда, 1981. С. 133.

² Пушкин А. С. Полтава // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Правда, 1981. С. 178.

наруживаются открыто высказанные сочувственно-доброе отношение к Марии и гневно-протестующее отношение к гетману Мазепе. Синтаксическое устройство текста поэмы отражает отношение Пушкина к персонажам.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении знаний об участии синтаксических структур в выраже-

нии важных смыслов художественного произведения.

Результаты исследования могут найти применение в преподавании курса «Язык художественной литературы», могут быть интересны филологам, изучающим творчество А. С. Пушкина.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 481 с.
2. Ахматова А. А. Анна Ахматова о Пушкине. Статьи и заметки. Л.: Советский писатель, 1977. 318 с.
3. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. М.: Наука, 1974. 208 с.
4. Беднарская Л. Д. Синтаксис романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Орёл: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2008. 372 с.
5. Вересаев В. В. О Пушкине: избранные статьи. М.: Юрайт, 2024. 181 с.
6. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941. 620 с.
7. Войлова К. А. Судьба просторечия в русском языке. М.: Московский педагогический университет, 2000. 304 с.
8. Герасименко Н. А. Предложения, отражающие ментальную деятельность человека // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Постатор, 2022. С. 33–41.
9. Кувшинова Е. А. Разговорные единицы как средство народности языка художественных произведений А. С. Пушкина (на примере поэмы «Полтава») // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. Вып. II / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Московский государственный областной университет, 2014. С. 88–94.
10. Леденёва В. В. Имя А. С. Пушкина на страницах прозы Н. С. Лескова // Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Постатор, 2024. С. 96–100.
11. Лотман Ю. М. Пушкин: биография писателя; статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. 847 с.
12. Томашевский Б. В. Пушкин: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. 2-е изд.
13. Турбин В. Н. Традиции Пушкина в творчестве Есенина: «Евгений Онегин» и «Анна Снегина» // В мире Есенина: сборник статей / сост. А. А. Михайлов, С. С. Лесневский. М.: Советский писатель, 1986. 656 с.
14. Цветаева М. И. Мой Пушкин. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1981. 234 с.
15. Шаповалова Т. Е. Имперфективное значение синтаксического настоящего времени (на материале лирических произведений Ф. И. Тютчева) // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Леденёва. М.: Московский государственный областной университет, 2022. 328 с.

REFERENCES

1. Annenkov P. V. *Materialy dlya biografii A. S. Pushkina* [Materials for the Biography of A. S. Pushkin]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. 481 p.
2. Ahmatova A. A. *Anna Ahmatova o Pushkine. Stat'i i zametki* [Anna Akhmatova about Pushkin. Articles and Notes]. Leningrad, Sovetskij pisatel Publ., 1977. 318 p.
3. Bocharov S. G. *Poetika Pushkina* [Poetics of Pushkin]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 208 p.
4. Bednarskaya L. D. *Sintaksis romana A. S. Pushkina "Evgenij Onegin"* [Syntax of A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin"]. Oryol, Oryol State University named after I. S. Turgenev Publ., 2008. 372 p.
5. Veresaev V. V. *O Pushkine: izbrannye stat'i* [About Pushkin: Selected Articles]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 181 p.
6. Vinogradov V. V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's Style]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1941. 620 p.

7. Voilova K. A. *Sud'ba prostorechiya v russkom yazyke* [The Fate of Common Speech in the Russian Language]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 2000. 304 p.
8. Gerasimenko N. A. [Sentences Reflecting Human Mental Activity]. In: Shapovalova T. E., ed. *Sintaksicheskie sredstva kak ekspressivnyj resurs teksta* [Syntactic Means as an Expressive Resource of the Text]. Moscow, Postator Publ., 2022, pp. 33–41.
9. Kuvshinova E. A. [Conversational Units as a Means of the National Language of Artistic Works of A. S. Pushkin (Using the Example of the Poem “Poltava”)]. In: Shatalova O. V., ed. *Russkij yazyk v slavyanskoj mezhekul'turnoj kommunikacii: istoriya i sovremennost'. Vyp. II* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: History and Modernity. Vol. II]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2014, pp. 88–94.
10. Ledeneva V. V. [The Name of A. S. Pushkin on the Pages of N. S. Leskov's Prose]. In: Shapovalova T. E., ed. *Nominaciya i predikaciya v sovremennom russkom yazyke* [Nomination and Predication in the Modern Russian Language]. Moscow, Postator Publ., 2024, pp. 96–100.
11. Lotman Yu. M. *Pushkin: biografiya pisatelya; stat'i i zametki, 1960–1990; “Evgenij Onegin”: Kommentarij* [Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1995. 847 p.
12. Tomashevsky B. V. *Pushkin* [Pushkin]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1990.
13. Turbin V. N. [Pushkin's Traditions in Yesenin's Works: “Eugene Onegin” and “Anna Snegina”]. In: *V mire Esenina: sbornik statej* [In Yesenin's World: Collection of Articles]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1986. 656 p.
14. Tsvetaeva M. I. *Moj Pushkin* [My Pushkin]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1981. 234 p.
15. Shapovalova T. E. [Imperfective Meaning of the Syntactic Present Tense (Based on the Lyrical Works of F. I. Tyutchev)]. In: Shapovalova T. E. *Etyudy o vremeni. Izbrannye stat'i* [Etudes about Time. Selected Articles]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022. 328 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;

e-mail: natalyger11@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gerasimenko Natalya Arkadyevna – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;

e-mail: natalyger11@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н. А. Отношение Пушкина к персонажам поэмы «Полтава»: Мария и Мазепа // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 8–15.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-8-15

FOR CITATION

Gerasimenko N. A. Pushkin's Attitude to the Characters of the Poem “Poltava”: Maria and Mazepa. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 8–15.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-8-15

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-16-23

СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ОБРАЗА РУССКОГО БАРИНА-АНГЛОМАНА МУРОМСКОГО В ПУШКИНСКОЙ ПОВЕСТИ «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»

Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование ключевых средств создания и оценки в тексте повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» образа Григория Ивановича Муромского – русского барина-англомана.

Процедура и методы. На основе нацеленной выборки из текста единиц создания образа Григория Ивановича Муромского определяется круг ключевых, выступающих в функции предикатов, характеризующих героя как англомана и русского барина, средств. В качестве методов анализа использованы описание семантики ресурсов с привлечением лексикографических источников, интерпретация, элементы компонентного анализа, функционально-семантический.

Результаты. Анализ средств предикации, форм и способов выражения сказуемого, использования возможностей приписывать добавочные предикативные признаки с помощью вторичной предикации позволил показать, что А. С. Пушкин стремился создать динамичный образ персонажа с русской основой характера, развитие которого осложнено увлечением достижениями британской экономики как актуальной тенденцией времени, сменой культурной парадигмы в жизни русского дворянства. Подтверждено, что англомания, представлявшаяся чудачеством, с лёгкой иронией, проступающей в характере коннотаций, не без симпатии презентируется автором как оригинальная черта образа русского барина Муромского.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает значимость обращения к тексту повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» при знакомстве с константами и переменными русской культуры, свойственными жизни дворянского сословия XIX века; результаты могут быть использованы при изучении творчества А. С. Пушкина и особенностей образов текста повести с помощью метода лонгрида, актуального в цифровую эпоху.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, англомания, «Барышня-крестьянка», образ Муромского, предикация, средства характеристики

MEANS OF CHARACTERIZATION OF THE IMAGE OF THE RUSSIAN ANGLOMANIAC GENTLEMAN MUROMSKY IN PUSHKIN'S STORY "THE PEASANT LADY"

V. Ledeneva, T. Shapovalova

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the key means of creating and evaluating the image of Grigory Ivanovich Muromsky, a Russian Anglomaniac gentleman, in the text of A. S. Pushkin's novel "The Peasant Lady".

Methodology. Based on a targeted sampling of the units from the text of the story that helped the author create the image of Ivan Grigoryevich Muromsky, a range of key tools acting as predicates and characterizing the character as an Anglomaniac and a Russian gentleman was determined. The methods

of analysis used are the description of the semantics of resources with the involvement of lexicographic sources, interpretation, elements of component analysis, functional and semantic method.

Results. Analysis of the means of predication, forms and ways of expressing the predicate, the use of opportunities to attribute additional predicative features using second predication made it possible to show that A. S. Pushkin sought to create a dynamic image of a character with a Russian basis of character, the development of which is complicated by a passion for the achievements of the British economy as a current trend of the time, a change in the cultural paradigm in the Russian nobility's life. It is confirmed that anglomania, which seemed to be an oddity, with a slight irony appearing in the nature of connotations, is presented by the author with a certain degree of affection as an original feature of the image of the Russian landowner Muromsky.

Research implications. The study confirms the importance of referring to the text of A. S. Pushkin's novella "The Peasant Lady" when getting acquainted with the constants and variables of Russian culture peculiar to the life of the nobility of the 19th century; the results can be used in studying the work of A. S. Pushkin and the features of the images of the text of the novella using the long-read method relevant in the digital era.

Keywords: A. S. Pushkin, anglomania, "The Peasant Lady", the image of Muromsky, predication, means of characterization

Введение

Изысканная повесть «Барышня-крестьянка» справедливо и без сомнений причисляется современными исследователями и читателями к шедеврам А. С. Пушкина, хотя известнейший критик В. Г. Белинский в своё время не предугадал грядущей её востребованности у массового адресата, не разглядел идейно-эстетических достоинств, широкого культурного шлейфа и значения этого произведения не только для кристаллизации идиостиля самого гения русской и мировой литературы, но и для развития художественной прозы как стилистического пространства национальной беллетристики¹.

В XXI в. интерес к языку, стилю, образам этой повести обострился в связи с возможностью использовать в процессе перевода и изучения русского языка богатый «культуроведческим материалом» текст, который «позволяет познакомить иностранцев с русской культурой XIX в., дать представление

о дворянских усадьбах, жизненном укладе и быте разных слоёв русского общества» [3, с. 62; 5], осмыслить объём ключевого концепта «Дворянское гнездо» – феномена, олицетворяющего Россию, благодаря которому не только А. С. Пушкин, но и Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. И. Гончаров отразили «национальный образ мира» [3, с. 62] в его своеобразии и динамике, направленности на сохранение исторической памяти о барском, а не только простонародном быте [ср.: 4, с. 316].

Благодаря пушкинской точности указания и изображения деталей этого быта, объективности в отборе репрезентирующих языковых ресурсов, построения диалогов в персонажной зоне, поддерживающих сюжетную игру и интригу, прописку характеров, несколько водевильный, пасторальный, даже идиллический мир дворянских усадеб Берестовых и Муромских в «Барышне-крестьянке» кажется ныне не противоречащим основным чертам усадебной жизни дворянства того периода. «Основной идеей, которая всё глубже вырастает в творчество Пушкина с середины 20-х годов, становится идея исторической действительности не только как объекта художественного изображения, но и как стилеобразующей категории в литературе», – раскрыл В. В. Виноградов

¹ «...всё-таки эти повести были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени. Особенно жалка из них одна – "Барышня-крестьянка", неправдоподобная, водевильная, представляющая помещичью жизнь с идиллической точки зрения...» [1, с. 57].

«принцип структурной замкнутости различных социально-исторических и культурно-бытовых контекстов», который, по всей видимости, внедрялся и в этой повести А. С. Пушкиным [2, с. 136].

Дополнительной сюжетной линией, вносящей яркие краски в контекст произведения и отражающей глубокое понимание А. С. Пушкиным тенденций современной ему дворянской жизни, является детерминированный темой англомании показ взаимодействия русской и английской культур, которые «то сталкиваются в непримиримом противоречии, то соединяются в одном персонаже, способствуя созданию его оригинального характера» [11, с. 149].

Поставив целью исследования рассмотреть ключевые средства создания и оценки в тексте повести «Барышня-крестьянка» образа Григория Ивановича Муромского как помещика-англомана, в качестве основной задачи считаем нужным подтвердить с помощью лингвистического анализа мысль А. С. Пушкина о том, что это был поистине *русский барин*.

В качестве методов анализа в статье использованы описание семантики средств предикации с привлечением лексикографических источников, а также интерпретация, элементы компонентного анализа, функционально-семантический.

Пушкинский образ русского барина-англомана Муромского в лингвистическом освещении

В повести «Барышня-крестьянка» Пушкин, по словам Ю. М. Лотмана, осуществил «поиск нового построения характера человека, нового прозаического слова» [10, с. 201]. Объективное время входит в жизнь Григорья Ивановича Муромского через события. Оно отражает все изменения, которые происходят в динамическом мире, где время и пространство неразрывно связаны друг с другом, и позволяет человеку, живущему «в одной из отдалённых наших губерний»¹, в Прилучино, пред-

стать, с одной стороны, «настоящим русским барином»², с другой – «англоманом»³.

В художественном дискурсе повести автор использует разные языковые средства: лексические, грамматические, стилистические, позволяющие воссоздать две ипостаси своего героя. Динамичный характер жизни Муромского эксплицирован предложениями, в которых полупредикативные члены, представленные деепричастными конструкциями [14, с. 17] совершенного вида, актуализируют таксисную временную семантику следования событий во времени: «*Промотав в Москве большой часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде*»⁴. Так лапидарно, но последовательно воссоздаётся история жизни героя и выдвигается имплицитная ироническая оценка его не удивляющих, но и не отталкивающих автора деяний в прошлом. См.: *промотать* – «Нерасчётливо растратить, израсходовать (деньги, имущество)»⁵; *проказничать* – «Делать что-н. из шалости, озорства, повесничать. || Чудить, чудачить»⁶. В предложении с секундарной предикацией [9, с. 155], по-пушкински лаконичном, персонажу приписываются добавочные предикативные признаки: настоящий русский барин Григорий Иванович рисуется мотом, транжирой, вдовцом и проказником.

Представление Григорья Ивановича хотя и беспечным, легкомысленным человеком, постоянно входящим в новые долги, но умным, смелым и неординарно мыслящим новатором продолжается с опорой на разные формы и типы сказуемых, называющих характерные черты Муромского: «несмотря на значительное уменьшение

Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 99.

² Там же.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Промотать // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 3 / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. С. 866.

⁶ Проказничать // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 3 / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. С. 860.

¹ Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Пушкин А. С.

расходов, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; он и в деревне **находил способ входить в новые долги**; со всем тем **почитался человеком не глупым**, ибо первый из помещиков своей губернии **догадался заложить** имение в Опекунский совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым»¹. Так описывается событие, «разворачивающееся из точки настоящего и захватывающее как прошлое, так и будущее, наделяя эти временные модальности соответствующей настоящему моменту семантикой, особым смыслом» [12, с. 15]. Обращает на себя внимание использование А. С. Пушкиным в составе предикатов единиц, в значениях которых либо ядерные, либо периферийные смыслы указывают на активность и оригинальное мышление Муромского, способность удивлять и не бояться этого.

Составное глагольное сказуемое **находил способ входить в долги**, в котором и основной, и вспомогательный компоненты представлены лексикализированными единицами [о возможности лексемы **входить** образовать описательный глагольно-именной оборот см.: 8, с. 23], передаёт грамматические оттенки в аспекте объективной реальной модальности и модальности обычности действия, включённой в форму предиката. Модальность предиката в сказуемом **почитался человеком не глупым** эксплицирована неспециализированной связкой с модально-оценочным значением 'соответствовать чьему-либо мнению'. Обобщённая семантика основного компонента **человеком не глупым** складывается из отождествительного и качественного оттенков, которые подкрепляются основной формой составного глагольного сказуемого **догадался заложить**, называющей предикативный признак подлежащего – словосочетания со значением избирательности **первый из помещиков**. Модальный глагол на месте вспомогательного компонента содержит сему 'прийти к правильному заключению' и обозначает решимость

совершить действие **заложить** раньше других, характеризуя героя в этом отношении лучшим.

В описание образа Григорья Ивановича снова вступает полупредикативная конструкция – на этот раз причастная: «оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым». Секундарная предикация объективируется модальной семантикой мнимости, транслируемой субъектом, воспринимающим героя.

Иван Петрович Берестов, любивший некогда «приехав отобедать по-приятельски в Прилучино», «признавал в своём соседе некоторое сумасбродство (или, по его выражению, **английскую дурь**)»². Так появляется Муромский-сумасброд, причём Григорий Иванович всё более определённо характеризуется англоманом, обожающим всё английское: «Развёл он **английский сад**, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты **английскими жокеями**. Поля свои обрабатывал он по **английской методе**»³. Значение признака **английский** («прил. к Англия и англичане»⁴, 'принятый в Англии, у англичан', 'свойственный культуре, традициям этой страны') не выходит за пределы атрибутивной семантики, мыслимой как данность, вне модально-временной характеристики отношения признака к предмету. Синтаксическая функция согласованного морфологизованного определения подтверждает данный тезис.

Имение Григорья Ивановича **англизированное**, т. е. 'устроено в английском стиле', «по английскому образцу»⁵: «рысью поехал около своих **англизированных владений**»⁶. Он говорит по-английски: «*“Вот уж не угадаешь, **my dear**”*», – отвечал ей Григорий Иванович»⁷ и читает английские журналы:

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 99.

⁴ Английский // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. С. 23.

⁵ Там же.

⁶ Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 108.

⁷ Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Пушкин А. С.

¹ Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 99–100.

«он привёл несколько примеров ... почерпнутых из **английских журналов**»¹. Свою единственную дочь Муромский зовёт в английском стиле *Бетси*, а не *Лизой*, чем также поддерживается прямая характеристика с иронической коннотацией **англоман** («Имеющий пристрастие ко всему английскому»)²: «дочь **англомана** моего, *Лиза* (или *Бетси*, как звал её обыкновенно *Григорий Иванович*)»³. Для своей дочери Григорий Иванович нанял *гувернантку-англичанку*: «У дочери его была *мадам англичанка*».

Показанные в тексте повести повседневные заботы пушкинского героя положили начало зарождающимся новым смыслам, новым нормам общения, в котором оказался не востребованным английский чопорный стиль. Григорий Иванович – самолюбивый человек, что разглядит и отметит Алексей Берестов: «...Сын его не разделял ... восхищения самолюбивого **англомана**...»⁴. И, выдавая в своём герое горячий русский характер, даже самодурство, А. С. Пушкин подчеркнул, что не только Иван Петрович Берестов, с которым Григорий Иванович долгое время состоял в ссоре, был далёк от известной английской сдержанной манеры поведения, потому что «не мог равнодушно говорить об **англomании** своего соседа»⁵, видя в этом увлечении причину разорения («у меня не то, что у соседа *Григорья Ивановича*. Куда нам **по-английски** разоряться!»), но и сам «**англоман** выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты. Он **бесился** и прозвал своего зюла *медведем* и *провинциалом*». Предикат *беситься* («Быть в состоянии крайнего раздражения, злиться, сердиться»⁶) поддерживает прямую ха-

рактеристику несдержанного поведения Муромского как русского барина, владеющего крепостными, гордящегося своими родственными связями с влиятельным графом Пронским: *Григорий Иванович был близкий родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному*.

А. С. Пушкин с помощью предиката *близкий родственник*⁷ («Человек, находящийся в родстве с кем-нибудь»⁸) указывает на такую черту характера Муромского, как почитание родства, расчёт на него в продвижении по жизни. Родство («духовная связь по общности предка, обретаемая по роду, рождению и родине, т.е. физически, социально и духовно»⁹), ценность которого хорошо была известна в России, причисляется к важным свойствам русской ментальности («Родство означает у нас родственные связи, которые всегда и везде имеют место» (К. Аксаков)¹⁰). Следовательно, самоуважение Муромского, поддерживаемое у промотавшегося барина и благодаря знатному родству, которое даёт ощущение крепких корней на этой земле, показано автором как качество не **англомана**, а русского родовитого дворянина.

Не английская холодность, а чадолюбие и добросердечие, отходчивость представлены А. С. Пушкиным в качестве лучших и подлинных черт натуры его героя. Это, с одной стороны, проявляется в том, что Муромский очень любит свою дочь *Лизу* и позволяет ей делать всё, что она *хочет* (*хотеть* – «Иметь желание, охоту, потребность к чему-н.»¹¹): «Ну, хорошо, хорошо; согласен, делай, что **хочешь**, *черноглазая*

Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 109.

¹ Там же. С. 106.

² Англоман // Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/англоман> (дата обращения: 02.05.2024).

³ Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 101.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Беситься // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 1 / отв.

ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. С. 83.

⁷ Родственник // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 3 / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. С. 1083.

⁸ Родственник // Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/родственник> (дата обращения: 02.05.2024).

⁹ Родство // Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1. А-О. СПб.: Златоуст, 2014. С. 182.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хотеть // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. С. 862–864.

моя шалунья»¹. С другой стороны, в том, что хотя Григорий Иванович долгое время состоял в ссоре со своим соседом, помещиком Иваном Петровичем Берестовым, он использовал возможность помириться, показав себя внимательным и заботливым, способным прийти на помощь по русской доброте и негласно исполняемой христианской заповеди помогать ближнему. Они, по воле автора, даже становятся друзьями, и А. С. Пушкин констатирует: «...вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, **готова была прекратиться**»²; «Между тем недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорьем Ивановичем Муромским более и более **укреплялось и вскоре превратилось в дружбу**»³. Укрепили эту дружбу, как это показал А. С. Пушкин, не только объединяющие всех русских помещиков традиции охоты, застолья, увлечение псарней, но и общее убеждение в том, что можно распоряжаться судьбой детей своих, властно строя за них матриониальные планы.

Заключение

Наблюдения по сюжетной канве повести над каскадом событий в её пространстве и над спецификой языковых средств создания образа Григория Ивановича Муромского позволяют признать правомерность предположения, что «увлечение английской культурой не затрагивает глубоко ни душу, ни сознание» героя, а «англоманство» изображается в «Барышне-крестьянке» «как чудачество, от которого окружающим мало пользы» [13, с. 110].

Это можно отнести ко всем известным русской литературе XIX в. англоманам-помещикам, в отличие от также запечатлённых писателями и весьма характерных для эпохи типов, которые представляют английских путешественников, гувернанток [13, с. 107–108; ср.: 6; 7, с. 54–56], т. е. носителей британской культуры. Рост интереса к ней и некоторое ослабление галломании в XIX в. были обусловлены различными экстралингвистическими причинами, среди которых поражение Франции в Отечественной войне 1812 г., кризис хозяйствования на основе крепостного права и разорение мелкопоместного российского дворянства на фоне экономических успехов Англии, вызвавших резонанс в передовых кругах общества [см.: 7, с. 49–53]. А. С. Пушкина в этих условиях не мог не увлечь так называемый «русско-английский билингвизм», наблюдавшийся в различных сферах, так что он «начинает анализировать этот феномен на страницах своих романов», повестей [7, с. 54], используя мощный инструмент предикации при выборе характеризующих сказуемых, в синтаксических построениях с секундарной предикацией, обыгрывая с помощью «приёма семантического намагничивания слова» [2, с. 136–138] имя прилагательное *английский* и однокоренные лексемы.

А. С. Пушкин в повести «Барышня-крестьянка» «дал образец того, как серьёзно и точно литература может говорить о жизни» [10, с. 201], о типах русских людей, являющихся в ней с разными ликами и напускными личинами.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 535–581.
2. Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. Т. 16. М.: Наука, 1934. С. 135–214.
3. Дишкант Е. В., Соловьёва М. С. Формирование культуроведческой компетенции иностранных студентов при изучении повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11–3 (113). С. 62–65.

¹ Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 116.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 113.

4. Кан И. Работа с художественными текстами в ходе освоения наименований предметов и явлений традиционного русского быта при национально ориентированном обучении РКИ // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 314–317.
5. Кипарисова С. О. Организация работы с текстом в рамках внеаудиторного практикума // Инновационные технологии в педагогике высшей школы: материалы VII Международной межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 25 декабря 2020 г. СПб.: Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва, 2021. С. 91–97.
6. Ковалева Т. В. Англомания и англоманы на страницах повестей А. С. Пушкина // Studia Culturae. 2005. № 8. С. 163–169.
7. Ковалева Т. В. Русско-английский билингвизм как феномен русской культуры последней четверти XVIII – начала XIX века // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 48–62.
8. Лагузова Е. Н. Описательные глагольно-именные обороты в русском языке: диахронический аспект // Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Постатор, 2024. С. 21–31.
9. Лекант П. А. Виды предикации и структура простого предложения // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Московский государственный областной университет, 2002. С. 147–158.
10. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 847 с.
11. Медведева Е. В. Можно ли перевести повести Пушкина? (К вопросу о специфике языка пушкинских текстов) // Номо Loquens: сборник статей (Вопросы лингвистики и транслятологии). Вып. 11. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2018. С. 147–158.
12. Соболева М. Е. Практическая феноменология времени // Человек в своём времени. Многомерность опыта темпоральности: коллективная монография / науч. ред. М. Е. Соболева. СПб.: Владимир Даль, 2021. 367 с.
13. Цветкова М. В. Образы помещиков-англоманов в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 2 (30). С. 106–111.
14. Чупашева О. М. Грамматика русского деепричастия: монография. Мурманск: Московский городской педагогический университет, 2008. 197 с.

REFERENCES

1. Belinsky V. G. [Works of Alexander Pushkin. Article Eleven and Last]. In: Belinsky V. G. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 7* [Complete Works. Vol. 7]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1955, pp. 535–581.
2. Vinogradov V. V. [About Pushkin's Style]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 16* [Literary Heritage. Vol. 16]. Moscow, Nauka Publ., 1934, pp. 135–214.
3. Dishkant E. V., Solovyova M. S. [Formation of Cultural Competence of Foreign Students in the Study of A. S. Pushkin's the Noblewoman-Peasant]. In: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal], 2021, no. 11–3 (113), pp. 62–65.
4. Kang I. [Work with Literary Texts when Teaching the Names of Objects and Phenomena of Traditional Russian Life with National Oriented Russian as a Foreign Language Training]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2021, no. 1 (86), pp. 314–317.
5. Kiparisova S. O. [Organization of Work with Text within the Framework of the Out-of-audit Practice]. In: *Innovacionnye tekhnologii v pedagogike vysshej shkoly: materialy VII Mezhdunarodnoj mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 25 dekabrya 2020 g.* [Innovative Technologies in Higher Education Pedagogy: Materials of the VII International Interuniversity Scientific and Methodological Conference, St. Petersburg, December 25, 2020]. St. Petersburg, Military Academy of Material and Technical provision named after Army General A. V. Khrulev Publ., 2021, pp. 91–97.
6. Kovaleva T. V. [Anglomania and Anglomaniacs on the Pages of A. S. Pushkin's Stories]. In: *Studia Culturae*, 2005, no. 8, pp. 163–169.
7. Kovaleva T. V. [Russian-English Bilingualism as a Russian Cultural Phenomenon of the Last Quarter of the 18th Century]. In: *Universitetskij nauchnyj zhurnal* [University Scientific Journal], 2012, no. 2, pp. 48–62.
8. Laguzova E. N. [Descriptive Verbal-Nominal Phrases in the Russian Language: Diachronic Aspect]. In: Shapovalova T. E., ed. *Nominaciya i predikaciya v sovremennom russkom yazyke* [Nomination and Predication in the Modern Russian Language]. Moscow, Postator Publ., 2024, pp. 21–31.

9. Lekant P. A. [Types of Predication and Structure of a Simple Sentence]. In: Lekant P. A. *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2002, pp. 147–158.
10. Lotman Yu. M. *Pushkin* [Pushkin]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1998. 847 p.
11. Medvedeva E. V. [Is It Possible to Translate Pushkin's Stories? (On the Issue of the Specificity of the Language of Pushkin's Texts)]. In: *Homo Loquens: sbornik statej (Voprosy lingvistiki i translyatologii). Vyp. 11* [Homo Loquens: Collection of Articles (Issues of Linguistics and Translationology). Vol. 11]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2018, pp. 147–158.
12. Soboleva M. E. [Practical Phenomenology of Time]. In: Soboleva M. E., ed. *Chelovek v svojom vremeni. Mnogomernost' opyta temporal'nosti* [Man in His Time. Multidimensionality of the Experience of Temporality]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2021. 367 p.
13. Tsvetkova M. V. [Images of Squires-Anglomaniacs in Russian Literature of the XIXth Century]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology], 2015, no. 2 (30), pp. 106–111.
14. Chupasheva O. M. *Grammatika russkogo deeprichastiya* [Grammar of Russian Gerunds]. Murmansk, Moscow City Pedagogical University Publ., 2008. 197 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, академик МАНПО;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, академик МАНПО;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education, Academician of the IASPE;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Tatyana E. Shapovalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education, Academician of the IASPE;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Средства характеристики образа русского барина-англomана Муромского в пушкинской повести «Барышня-крестьянка» // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 16–23.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-16-23

FOR CITATION

Ledeneva V. V., Shapovalova T. E. Means of Characterization of the Image of the Russian Anglomaniac Gentleman Muromsky in Pushkin's Story "The Peasant Lady". In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 16–23.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-16-23

УДК 81.373

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-24-31

СМЫСЛОВАЯ МНОГОПЛАНОВЫСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ *ВЗОР* В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А. С. ПУШКИНА

Шаталова О. В.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. В статье рассматривается единство семантического и стилистического в смысловой структуре слова *взор* в контексте пушкинского поэтического пространства.

Процедура и методы. Языковому анализу подвергается лексема *взор*, выявляются изменения в лексико-семантической структуре данного слова на разных этапах развития русского языка. Системное описание реализации слова *взор* в лирических произведениях доказывает, что Пушкин изменяет смысловую структуру полисеманта, расширяя денотативное значение за счёт коннотативных.

Результаты. Выявлен корпус контекстов с языковой единицей *взор*, установлены синтагматические и парадигматические связи. Определены основные доминанты, которые использовал автор в контексте раскрытия понятия *взор* как фрагмента эмоциональной картины мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение данного материала показало, что в одном языковом пространстве взаимодействуют и взаимно влияют друг на друга элементы лексического и стилистического пластов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения материалов и выводов в преподавании стилистики русского языка, языка художественной литературы.

Ключевые слова: *взор*, поэтический язык, Пушкин, семантика, смысловая структура

SEMANTIC DIVERSITY OF THE LEXICAL UNIT GAZE IN THE POETIC LANGUAGE OF A. S. PUSHKIN

O. Shatalova*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To examine the semantic and stylistic unity in the semantic structure of the word *gaze* in the context of Pushkin's poetic space.

Methodology. The lexeme *gaze* is subjected to linguistic analysis, changes in the lexical and semantic structure of this word at different stages of the development of the Russian language are revealed. The systematic description of the realization of the word *gaze* in lyrical works proves that Pushkin changes the semantic structure of the polysemant, expanding the denotative meaning at the expense of the connotative ones.

Results. The corpus of contexts with the linguistic unit *gaze* is revealed, syntagmatic and paradigmatic connections are established. The main dominants that the author used in the context of revealing the concept of *gaze* as a fragment of the emotional picture of the world are identified.

Research implications. The study of this material has shown that elements of lexical and stylistic layers interact and influence each other in the same language space. The practical significance of the research

is determined by the possibility of applying its materials and conclusions in teaching the stylistics of the Russian language, the language of fiction.

Keywords: gaze, poetic language, Pushkin, semantics, semantic structure

Введение

Феномен, гений, талант А. С. Пушкина заключается в том, что он в рамках своего художественного пространства создал новую стилистическую систему, при этом в отборе языковых средств руководствовался принципом «соразмерности и сообразности». В одном контексте он соединил генетически и стилистически разнородные языковые элементы. «Соединяя в языке своих произведений книжное и разговорное, письменное и устное, высокое и низкое, прозаическое и лирическое, Пушкин ориентировался на традиционность, историзм прошлого, функционально-стилистическую значимость этих единиц в настоящем, но не ставил своей задачей обозначить перспективы существования той или иной единицы в будущем, поскольку гармония прошлого и настоящего должна была определить перспективы жизни и необходимости этой единицы в будущем» [3, с. 293].

Творчеству А. С. Пушкина посвящён целый ряд литературоведческих и лингвистических исследований (В. В. Виноградов (1935) [2], Б. М. Гаспаров (1999) [4], С. Б. Калашников (2010) [6], В. Н. Касаткина (2001) [7], В. С. Непомнящий (1999) [10], Л. М. Салимова (2000) [11] и др.). Особое значение Пушкин придавал самому слову, его звучанию в тексте, расширению его семантического объёма, его стилистической наполненности, его способности стать эстетически значимым элементом. Языковая единица в его произведениях психологически, логически, исторически продумана, выражает внутренний мир писателя. «Один из путей, который освоил и предложил А. С. Пушкин творческому миру, был путь углубления и расширения семантики общеславянских, восточнославянских и собственно русских слов» [3, с. 297].

Я. М. Марголис, математик, статист, литератор, анализируя поэтический язык А. С. Пушкина, выявил двадцать наиболее употребительных существительных, большинство из которых общеславянского происхождения. Это лексемы: *друг, день, любовь, душа, сердце, рука, бог, ночь, царь, сон, год, пора, свет, взор, жизнь, конь, слава, небо, поэт, час* [9]. «Данный факт объясняет значимость указанных языковых единиц для авторского представления сюжетобразующих лиц и предметов» [12, с. 25]. Все эти значимые слова становятся средством объективации концепта и репрезентируют все его особенности. Одной из таких ключевых единиц является слово *взор*, т. к. в нём сосредотачиваются такие признаки, которые развивают субъективное образное представление о реалии окружающего мира.

Поэзия является одним из значимых двигателей в развитии языка. Творчество Пушкина, его новая стилистическая система органически влились в дальнейший языковой процесс. «В пушкинской поэзии мы обрели русский литературный язык. На русском языке нет литературных произведений более совершенных, чем поэзия Пушкина» [5, с. 185]. Целью статьи является описание смысловой многоплановости лексической единицы *взор* в поэтическом тексте Пушкина.

Смысловая структура слова *взор* в историческом аспекте

Слово *взор* общеславянского происхождения, производное от глагола *zbrěti, корень *zbr-, тот же, что в словах *заря, зоркий, позор*. Индоевропейский корень *g'her- : *g'herə- : *g'hē- в значении 'блистать', 'сиять', 'сверкать'¹. В Старославянском сло-

¹ Зреть // Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. С. 330.

варе под ред. Р. Цейтлин лексема ВЪЗОРЪ фиксируется со значениями: 1) 'вид'; 2) 'взгляд', 'взор'¹. В древнерусском языке происходит расширение семантического объёма данной языковой единицы. Так, словарь И. И. Срезневского фиксирует 4 значения: 1) 'взгляд' – *И въложиша ея взоръ очію своєю*; 2) 'видъ, образъ' – *Елень бѣ... чюдень взоръ имоуци въ женахъ*; 3) *Будеши тамо во взоръ притчею*; 4) *Бѣси же не свѣдають ничтоже. суть бо немощи и худіи взоромъ, яко и се скажемъ и взоръ ихъ. и ГД мраченіи ихъ*². Отметим, что два последних значения представлены в словаре без семантизации: третье значение – *Будеши тамо во взоръ притчею* – соотносится с греческим «энигма» (от др.-греч. αἰνίγμα – загадка) в значении 'тайна, загадка, символ', а четвёртое – *Бѣси же не свѣдають ничтоже. суть бо немощи и худіи взоромъ, яко и се скажемъ и взоръ ихъ. и ГД мраченіи ихъ* – можно трактовать как 'внутреннее видение', как то, что относится к субъективному восприятию и пониманию мира, отражает индивидуальные убеждения и ценности.

В словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) отражены следующие значения и оттенки: 1) 'взгляд, взор' (*Не вѣроуи ни очима своима. аште видіши кого съгрѣшаюшѣ: ако и тѣ не вѣрнѣ есте. ибо и първое въ раи очи събозишѣ са и паде(ниемъ) (онѣмъ) отъ взора (быста)*).

В качестве оттенка отмечается значение 'выражение глаз' (*кротъко стоупаниѣ. кротъко сѣдениѣ. кротъкъ възоръ кротъко слово. въса си въ тебѣ да бо(у)доутъ*);

2) 'лицо' (*бѣ бо Глѣбъ мл(с)тивъ оубогымъ. и страннолюбивъ. тицанъ имѣа к црквамъ теплѣ на вѣру. и кротокъ. взоромъ красенъ*);

3) 'вид, внешний облик; образ' (*о борисѣ. какъ бѣ възъръ(м)*);

4) 'способность осмысления; созерцание' (*моужю бо правовѣрноу и братолюбью. срѣце веселася сдравиѣ творить и красотоу лицю и очима свѣтлостъ и възоръ*)³.

Таким образом, в донациональный период развития языка семантическая структура лексемы *взор* включала в себя следующие смысловые компоненты: 'взгляд' (стилистически нейтральное) – 'взгляд' (особое выражение глаз) – 'вид' – 'образ' – 'символ' – 'облик' (внешний) – 'видение' (внутреннее).

В XVIII в. происходит регламентация и нормализация словоупотребления, русский национальный язык отличается более усовершенствованным грамматическим строем и богатым словарным составом. Общеславянские слова данного периода получают новое семантическое наполнение, особую стилистическую направленность. Значение слова зависит от семантической сочетаемости. Лексема *взор* выступает в двух значениях: 1) 'направленность зрения на кого-либо, что-либо; взгляд'; 2) 'вид, обличье; лицо'. С одной стороны, мы видим, что происходит сужение семантического объёма, но с другой стороны концептуализируется первое значение, у которого фиксируются следующие оттенки: перен. 'умереть' (*закрывать взор*), перен. 'об уме, мысли, воображении', 'зрение, сила зрения', 'выражение глаз, манера смотреть', 'смотрение, взирание'. Выделяются наиболее типичные сочетания слова *взор* в пределах этого значения, которые приобрели характер языковой устойчивости, связанности: *пожирать взором, насыщать, питать взоры; с первого взора* (при беглом, первоначальном рассмотрении); *единым взором; простым взором* (простым, невооружённым глазом); *без взора* (не глядя, не обращая внимания). Отмечаются семантические партнёры: *открыть, закрыть, зажмурить взор (взоры); бросать, метать, устремлять, вперять, потуплять, отвращать взор (взоры); взор*

¹ Възоръ // Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1999. С. 142.

² Взглядъ // Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 1: А–К. М.: Знак, 2003. С. 367.

³ Взгляд, взор // Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2 / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. С. 96.

мысленный, душевный, умный; взор тупеет, меркнет, мутится¹.

В современном русском языке в смысловой структуре лексемы *взор* выделяются три основных значения на функциональной основе взаимодействия слова и контекста, при этом все они объединены общей, пронизывающей все значения, семой 'глаза': 1) 'направленность, устремлённость глаз в сторону кого-либо, чего-либо; взгляд'. В качестве смысловых вариаций данного значения выступают семантические оттенки, закрепившиеся в общелитературном употреблении: 'притягивать, приковывать и т. п. взор (к себе)', 'пронзать, испепелять, впиваться взором, взорами', устар. 'вперять взор', только мн. ч. перен. 'внимание, интерес'; 2) 'выражение глаз'. Взор какой-либо (любящий, восхищённый, ревнивый; дерзкий, тревожный, равнодушный); 3) устар. 'о глазах' (обычно в поэтической речи). В качестве типичных выражений в пределах этого значения отмечаются следующие: (не) опускать, (не) поднимать взор, взора; потупить взор² [2, с. 529–530].

Эволюция семантической структуры отдельной языковой единицы представляет собой отражение исторической трансформации русского языкового сознания. Влияние языковых и экстралингвистических факторов способствует тому, что в лексеме происходит актуализация одних сем и нейтрализация других, при этом большую роль играет лексическая сочетаемость. Безусловно, контекст влияет на семантику конкретной лексемы, стимулируя реализацию определённых смыслов.

«Пушкинский взор»: единство семантического и стилистического

В истории отдельно взятой единицы семантическая и стилистическая стороны тесно взаимосвязаны. Лексема *взор*, являясь эстетически значимой, информативно

наполненной, не включает непосредственно в семный состав денотата эмотивный компонент, но в поэтическом тексте А. С. Пушкина категории денотативности и эмотивности определяют смысловую структуру слова и являются выразительным средством художественного содержания.

Словарём языка Пушкина зафиксированы следующие смысловые блоки слова *взор*: 1) взгляд в 1 значении ('устремлённость глаз, направленность зрения на кого-нибудь, что-нибудь; взор') – *Как взор его был быстр и нежен, Стыдлив и дерзок, а порой Блистал послушною слезой!* ЕО / – взгляд чего: *Онегин взором сожаленья Глядит на дымные струи.* ЕО / с глаголами «бросить», «водить», «возвести», «вперить», «кидать», «клонить», «метать», «низвести», «навести», «остановить», «останавливать», «обратить», «опустить», «обводить», «окинуть», «потупить», «покоить», «пригвоздить», «поднять», «склонять», «устремить» и обычно с определением означает «посмотреть», «смотреть каким-нибудь образом» – *Мазепа всюду взор кидает И письма шлёт из края в край. Полтава // 'выражение глаз; то, как кто-нибудь смотрит' (обычно с определением): прямо перед ней, Блистая взорами, Евгений Стоит подобно грозной тени.* ЕО // 'способность наблюдать, уметь замечать, схватывать, понимать что-нибудь' // 'внимание, интерес к кому-нибудь, чему-нибудь' (обычно мн. ч.) / 'заслужить какой взор (привлечь внимание к чему-нибудь, быть достойным внимания кого-нибудь)': *Признаться, рад писать и я, Уверен будучи душою, Что всякой мой усердный вздор Заслужит благосклонный взор.* ЕО³.

В «Словаре языка Пушкина» определяются основные значения слова *взор*, однако показания данного лексикографического источника недостаточны, т. к. только изучение всех контекстов может дать объективную картину того, как конкретное слово, конкретная языковая единица понималась автором. Проанализированный материал

¹ Взор // Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. Век – Воздувать. Л.: Наука, 1984. С. 137–138.

² Взор // Большой академический словарь русского языка: в 17 т. Т. 2. М.; СПб.: Наука, 2004. С. 529–530.

³ Взор // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 1. А–Ж. М., Азбуковник, 2000. С. 265.

(130 контекстов с ключевой единицей *взор*) доказывает, что Пушкин расширяет семантический объём лексемы *взор*, обогащает её новыми семами, способными локализоваться и в ядерной, и в периферийной зоне лексического значения. Так, слово *взор* приобретает переносное значение посредством метафоры, метонимии и других семантических изменений. В качестве оттенков можно отметить следующие: 1) 'умереть' – *Уже недвижный взор друзей не узнавал¹; Смерть откроет гроб ужасный, / Потемнеют взоры ясны²*; 2) 'заснуть' – *Покроет взор туманной пеленою³*; 3) 'воля, царская воля' – *Свершилось... взорами царей / Европы твёрдый мир основан⁴*. Отметим, что глагольной формой *темнеть* – *потемнеть* Пушкин передаёт два семантических оттенка: 'умереть' (*Смерть откроет гроб ужасный, / Потемнеют взоры ясны...*⁵) и 'заснуть' (*Морфей на всё неверный мрак наводит / Темнеет взор⁶*).

В поэзии раннего периода Пушкин использует единицы книжного характера по традиции, а именно как средство высокой стилистической окрашенности: *Встречали ль вы в пустынной тьме лесной / Певца любви, певца своей печали? / Следы ли слёз, улыбку ль замечали, Иль тихий взор, исполненный тоской, / Встречали вы? / Вздохнули ль вы, внимая тихий глас / Певца любви, певца своей печали? / Когда в лесах вы юношу видали, / Встречая взор его потухших глаз, / Вздохнули ль вы?*⁷ В данном стихотворении лексема *взор*, погружённая в контекст, включающий единицы старославянского

происхождения (*вздохнуть, внимать, юноша, певец печали, пустынная тьма, глас*), сохраняет высокий книжный характер.

Позже Пушкин осуществляет реформаторскую работу в области русского литературного языка. Соединяя высокое и низкое, изображает реальную картину мира, отражает окружающую действительность. Высокий характер лексемы *взор* нейтрализуется просторечным характером единиц контекста: *Как, на тебя взор острый пригвоздя, / Качает он с презрением головою, – / Не говори: «Он болен, он дитя, / Он мучится безумною тоскою»⁸*. Контекстуальное окружение языковыми единицами разговорного и просторечного характера (*пригвоздя, голова, мучится*) делает лексему *взор* стилистически нейтральной.

Особенность неповторимости «пушкинского взора» подчёркивается словами признакового характера, в частности именами прилагательными, которые являются выразительными средствами поэтического текста. Этими элементами Пушкин дифференцирует разные свойства взора. Какой же он, «пушкинский взор»? Он тихий, чудный, нежный, прекрасный, светлый, печальный, болезненный, живой, неуловимый, острый, лукавый, милый, волшебный, ясный, гордый, томный, томительный, приветный, умильный, задумчивый, пленённый, страстный, вольный, угрюмый, тусклый, недружеский, мрачный, равнодушный, хитрый, строгий, завистливый, кровавый, немой, дикий, неподвижный, недвижимый, потупленный, полузакрытый, задумчивый, робкий, болезненный, скорбный, хладный, ужасный, угасший, косвенно-внимательный.

Признаковый показатель *взора* репрезентируется также формой родительного падежа имени существительного, с которой единица *взор* находится в подчинительной связи: *взоры зависти, взор клеветы, взор гибели, взоры красоты, взор деспотизма, взор потухших глаз, взоры черни лицемерной*.

¹ Пушкин А. С. Осгар // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 35

² Пушкин А. С. Опытность // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 48

³ Пушкин А. С. Сон // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 167

⁴ Пушкин А. С. Принцу Оранскому // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 162

⁵ Пушкин А. С. Опытность // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 48

⁶ Пушкин А. С. Сон // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 168.

⁷ Пушкин А. С. Певец // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 184.

⁸ Пушкин А. С. Коварность // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 182.

В языке А. С. Пушкина денотативное значение лексемы *взор* сопровождается экспрессивностью, которая находится в сложном переплетении с оценочностью и эмоциональностью. Слово становится ключевым, текстообразующим и реализуется в поэтическом языке в виде эмотив-номинаций, которые уточняют содержательную сторону семьи: *И взором гибели сверкая*¹; *Каким огнём блеснул приветный взор*²; *И ярость дикая во взорах закипела...*³; *Огнём пылает взор, – и я / Лечу на гибель супостата*⁴. Смысловая многоплановость создаётся внедрением в текст определённых изобразительно-выразительных средств (эпитеты, метафоры, сравнения), которые и помогают ключевому слову приобрести дополнительные семантические и стилистические приращения: *Нет, чудный взор его, живой, неуловимый, / То вдале затерянный, то вдруг неотразимый, / Как боевой перун, как молния сверкал*⁵; *Я пил отраву в вашем взоре...*⁶

«Контекстуальные партнёры лексических единиц формируют, корректируют – в соответствии с установкой писателя – семантический объём слов и конкретных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), генерируют особые смыслы...» [8, с. 241].

Таким образом, семантическая и стилистическая трансформация лексемы *взор* свидетельствуют о языковом новаторстве А. С. Пушкина, о постоянном поиске нового семантического объёма слова, которому способствует эмотивный компонент значения.

Заключение

«Постижение действительности неотделимо от индивидуального восприятия красоты в зависимости от психофизиологических реакций конкретного индивида и общества как совокупного целого. В свою очередь поэтическое сознание – мощный проводник когнитивной эстетики своей эпохи» [1, с. 66].

Языковой анализ лексемы *взор* показал, что когнитивно-антропоцентрический подход даёт возможность достоверно представить картину мира в её связи с национальными особенностями культуры народа и отдельной личности. Говоря о языке А. С. Пушкина, мы должны помнить, что на самом деле ведём речь о способе его мышления как писателя, предопределённом всей историей его развития.

Пушкинский поэтический язык в полной мере воздействует на чувства читателя, каждая единица психологически призвана организовывать художественное пространство, выражающее внутренний мир писателя. Многоплановость смысловой структуры лексемы *взор* создаётся за счёт погружения слова в определённый контекст, за счёт семантического окружения. Как результат – развитие дополнительных оттенков основных значений.

Языковой анализ отдельного слова в поэтическом тексте А. С. Пушкина показал, что лексема *взор* является любимой автором, лексема семантически и стилистически многообразна, ей присуща потенция к концептуализации значения, в художественном пространстве она отражает всю красоту и самобытность русского языка.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024.

¹ Пушкин А. С. Наполеон на Эльбе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 103.

² Пушкин А. С. Наперсница волшебной старины // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 116.

³ Пушкин А. С. Осгар // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 34.

⁴ Пушкин А. С. Послание к Юдину // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 152.

⁵ Пушкин А. С. Недвижный страж дремал на царственном пороге... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 159.

⁶ Пушкин А. С. К. А. Тимашевой // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 305.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Е. Н., Зацепина Е. А. Когнитивная эстетика фразеологизмов-библейзмов в русском поэтическом сознании // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XX Международной научной конференции, посвящённой 75-летию победы в Великой Отечественной войне, г. Покров, 16–18 сентября 2020 г. / отв. ред. А. В. Пузырёв. М.: Московский педагогический государственный университет, 2020 С. 66–68.
2. Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 457 с.
3. Войлова К. А. Избранные труды / отв. ред. В. В. Леденёва. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 396 с.
4. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. 400 с.
5. Гофман В. А. Язык Пушкина. М.: Учпедгиз, 1937. 185 с.
6. Калашников С. Б. «Цель поэзии – поэзия»: об одном метаязыке пушкинской лирики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2010. № 9. С. 11–21.
7. Касаткина В. Н. Романтическая муза Пушкина. М.: Московский университет, 2001. 121 с.
8. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: Московский государственный областной университет, 2015. 260 с.
9. Марголис Я. М. Транзит существительных русского поэтического языка от Пушкина до нашего времени // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 50–76.
10. Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. Серия «Пушкин в XX веке». Вып. VI. М.: Наследие, 1999. 544 с.
11. Салимова Л. М. Языковая картина мира А. С. Пушкина как русской языковой личности в романе «Евгения Онегин»: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 189 с.
12. Фадеева Т. М. Основные единицы, выражающие определяемые объекты при сложных эпитетах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 5. С. 24–30.

REFERENCES

1. Antonova E. N., Zacepina E. A. [Cognitive Aesthetics of Phraseological Units-Biblical Units in the Russian Poetic Consciousness]. In: *Yazyk i myshlenie: psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 75-letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne, g. Pokrov, 16–18 sentyabrya 2020 g.* [Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects: Materials of the XX International Scientific Conference dedicated to the 75th Anniversary of the victory in the Great Patriotic War, Pokrov, September 16–18, 2020]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2020, pp. 66–68.
2. Vinogradov V. V. *Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Language: Pushkin and the History of the Russian Literary Language]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 457 p.
3. Voilova K. A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2014. 396 p.
4. Gasparov B. M. *Poeticheskij yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Poetic Language as a Fact of the History of the Russian Literary Language]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1999. 400 p.
5. Gofman V. A. *Yazyk Pushkina* [Pushkin's Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1937. 185 p.
6. Kalashnikov S. B. [“The Poetry Purpose is a Poetry”: about One Metaplot of Pushkin's Lyrics]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of Volgograd State University. Episode 8: Literary Studies. Journalism], 2010, no. 9, pp. 11–21.
7. Kasatkina V. N. *Romanticheskaya muza Pushkina* [Romantic Muse of Pushkin]. Moscow, Moskovskij universitet Publ., 2001. 121 p.
8. Ledeneva V. V. *Slovo Leskova* [Leskov's Word]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2015. 260 p.
9. Margolis J. M. [Nouns Transition in Russian Poetic Languages from Pushkin to Our Time]. In: *Libri Magistri*, 2021, no. 1 (15), pp. 50–76.

10. Nepomnyashchy V. S. Pushkin. Russkaya kartina mira. Seriya "Pushkin v XIX veke". Vyp. VI [Pushkin. Russian Picture of the World. Series "Pushkin in the 20th century". Vol. VI]. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 544 p.
11. Salimova L. M. *Yazykovaya kartina mira A. S. Pushkina kak russkoj yazykovoj lichnosti v romane "Evgeniya Onegin": dis. ... kand. filol. nauk* [The Linguistic Picture of the World of A. S. Pushkin as a Russian Linguistic Personality in the Novel "Eugene Onegin"]. Ufa, 2000. 189 p.
12. Fadeeva T. M. [The Main Units Expressing Definite Objects of Compound Epithets]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2010, no. 5, pp. 24–30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаталова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Shatalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Professor of the Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаталова О. В. Смысловая многоплановость лексической единицы *взор* в поэтическом языке А. С. Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 24–31.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-24-31

FOR CITATION

Shatalova O. V. Semantic Diversity of the Lexical Unit Gaze in the Poetic Language of A. S. Pushkin. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 24–31.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-24-31

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-32-41

А. С. ПУШКИН НА ЛИТЕРАТУРНЫХ СТРАНИЦАХ 1920–1930-Х ГОДОВ И НЕКОТОРЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРМАНЕНТНОГО ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Алексеева Л. Ф.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Осветить присутствие образа А. С. Пушкина в литературном процессе 1920–1930-х гг., выявить оригинальные оценки культурно-исторического и религиозно-нравственного воздействия произведений Пушкина и его личности на потомков XX в., живущих в Советском Союзе и русском зарубежье.

Процедура и методы. В работе рассматриваются некоторые публикации первых послереволюционных лет, в частности нового научного издания «Дневника» Пушкина за 1833–1835 гг., предпринятого в 1923 г., приводятся некоторые интерпретации Пушкина избранными поэтами: А. А. Блоком, Н. С. Гумилёвым, В. А. Сумбатовым, философами, историками и филологами: П. Б. Струве, И. А. Ильиным, Д. П. Святополк-Мирским, Е. Ф. Шмурло. Для освещения проблемы привлекаются отдельные страницы публикаций, мемуарная проза И. В. Одоевцевой, упоминаются книги М. И. Цветаевой «Мой Пушкин», В. В. Вересаева «Пушкин в жизни».

Результаты. Отобранные материалы показывают, насколько важным и глубоким было влияние Пушкина на потомков XX в., переживших крушение Российской державы и избравших Пушкина в основатели созидания единой русской культуры, союзника в борьбе за национальное достоинство, свободу творческого волеизъявления, объединение культур различных стран и народов. Пушкин был связующим центром, объединяющим науку, философию, поэзию и литературный процесс, распавшийся и продолжающий распадаться на несколько рукавов и звеньев в связи с разделением на советскую, эмигрантскую литературу, историографию, богословие, литературоведение, фольклористику...

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья может быть востребована для постижения новых граней воздействия Пушкина на русскую литературу спустя столетие после прижизненной его деятельности, нацелена на укрепление интереса к истории пушкиноведения, методологическим вопросам гуманитарных наук, воспитание эстетически и духовно ориентированной личности.

Ключевые слова: А. А. Блок, А. С. Пушкин, «Дневник (1833–1835)» – издание 1923 года, Д. П. Святополк-Мирский, Е. Ф. Шмурло, И. В. Одоевцева, П. Б. Струве, пушкинские сборники разных лет, связующее звено отечественной и мировой литературы

A. S. PUSHKIN ON THE LITERARY PAGES OF THE 1920–1930S AND SOME LOCAL ASPECTS OF PERMANENT PUSHKIN STUDIES

L. Alekseeva

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To highlight the presence of the image of A. S. Pushkin in the literary process of the 1920–1930s, to identify original assessments of the cultural, historical, religious and moral impact of Pushkin's works and his personality on the descendants of the 20th century living in the Soviet Union and Russia abroad.

Methodology. The work examines some publications of the first post-revolutionary years, in particular the new scientific edition of Pushkin's "Diary" for 1833–1835, undertaken in 1923, and provides some interpretations of Pushkin by selected poets: A. A. Blok, N. S. Gumilyov, V. A. Sumbatov, philosophers, historians and philologists: P. B. Struve, I. A. Ilyin, D. P. Svyatopolk-Mirsky, E. F. Shmurlo. To highlight the problem, individual pages of publications are used, the memoir prose of I. V. Odoevtseva, the books by M. I. Tsvetaeva "My Pushkin", V. V. Veresaev's "Pushkin in Life" are mentioned.

Results. The selected materials show how important and deep Pushkin's influence was on the descendants of the twentieth century, who survived the collapse of the Russian state and elected Pushkin as the founder of the creation of a unified Russian culture, an ally in the struggle for national dignity, freedom of creative expression, and the unification of cultures of different countries and peoples. Pushkin was a connecting center uniting science, philosophy, poetry and the literary process, which has broken up and continues to break up into several branches and links due to the division into Soviet, emigrant literature, historiography, theology, literary studies, folklore studies...

Research implications. The article may be in demand for comprehending new facets of Pushkin's influence on Russian literature a century after his lifetime activity; it is aimed at strengthening interest in the history of Pushkin studies, methodological issues of the humanities, and the education of an aesthetically and spiritually oriented personality.

Keywords: A. A. Blok, A. S. Pushkin, "Diary (1833–1835)" – 1923 edition, D. P. Svyatopolk-Mirsky, E. F. Shmurlo, I. V. Odoevtseva, P. B. Struve, Pushkin's collections of different years, the connecting link of domestic and world literature

Введение

Пушкинская тема в первые послереволюционные десятилетия была весьма актуальной и в Советском Союзе, и в русском зарубежье.

А. А. Блок о Пушкине

Начало 1921 г. ознаменовалось речью А. А. Блока на мероприятии, посвящённом 84-й годовщине со дня смерти Пушкина. Казалось бы, 84 не юбилейная, не круглая дата, но Блок предчувствовал, что следующий год для него уже за пределами земной жизни, нужно было сказать самое главное теперь, 13 февраля 1921 г. Ирина Одоевцева в своих воспоминаниях сохранила впечатления от блоковского произведения вслух того, что было озаглавлено почти что с providенциальной высоты: «О назначении поэта»¹. Это была декларация

преемственной встречи поэтов, представляющих два века русской поэзии, исполнивших миссию «бесстрашной искренности», защиты духовной, «тайной» свободы, исполнения предназначения, требований того, к чему зывал пушкинского лирического героя пророческий Божий глас. Мемуаристка запечатлела облик Блока и звучание его речи как метафизически озарённое, исключительное явление: «Его глухой, усталый голос возникал как будто сам собой. Блок был скорее похож на статую, чем на живого человека. Но от его светлых, вьющихся волос исходило сияние»². Блок говорил о том, что путь русского человека от младенчества до зрелости и старости проходит в сопровождении родного, близкого людям всех возрастов имени: «– Наша память хранит с малолетства весёлое имя Пушкина. Это имя, этот звук наполняет собой многие дни нашей жизни... Это

¹ Блок А. А. О назначении поэта // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 160–173.

² Одоевцева И. В. На берегах Невы: литературные мемуары. М.: Художественная литература, 1988. С. 205.

лёгкое имя Пушкина... Никогда до Блока никому и в голову не приходило назвать имя Пушкина весёлым и лёгким. ... Но вот усталый, глухой, потусторонний голос произнёс эти слова, и в ответ им, как ветер, пронёсся радостный вздох слушателей»¹. Одоевцева передала высказывания публики о внешности оратора: «Блок в синем костюме и в белом свитере, как конькобежец. Такой стройный, тонкий, молодой. Если бы не лицо. Ах, какое лицо! Тёмное, большеглазое, как лики святых на рублёвских иконах. И над ним сияние, да, да, настоящее сияние, как на иконе. Не верите? Спросите других...»². Это событие «на берегах Невы» было воспринято свидетелями как живая преемственность в понимании редкого, но необходимого всем поэтического дара: «... Стало ясно, что никто из современных поэтов – никто, кроме Блока, – не мог бы так просто и правдиво говорить о Пушкине. Что Блок прямой наследник Пушкина. И что, говоря о Пушкине, Блок говорит и о себе»³. Одоевцева также запечатлела, как через неделю Гумилёв наизусть читал «Имя Пушкинского дома», особенно проникновенно продекламировав строфу:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!⁴...»⁵.

Стихотворение датировано 11 февраля 1921 г. (первые наброски появились на неделю раньше), т. е. было закончено за день до лекции «О назначении поэта». Одоевцева пересказала, как сорокалетний Блок говорил Гумилёву: «... Чем дольше я

живу, чем ближе к смерти, тем больше я люблю Пушкина. – И, помолчав, добавил: – Мне кажется, иначе и быть не может. Только перед смертью можно до конца понять и оценить Пушкина. Чтобы умереть с Пушкиным»⁶. Гумилёв возражал, что человек лучше всего понимает Пушкина «в полном расцвете жизненных сил и таланта», при этом «улыбнулся, и его косящие глаза весело заблестели: – Я никогда ещё не любил Пушкина так, как сейчас. Не умирать с Пушкиным, а жить с ним надо»⁷. Но Гумилёв и представить себе не мог тогда, как близок он к смертному порогу, который переступить ему было суждено в одном и том же месяце с Блоком – в августе 1921.

Переиздание «Дневника» А. С. Пушкина в 1923 году в Советской России

В первое послереволюционное десятилетие, несмотря на политический разрыв эпох ввиду революции, продолжалось академическое изучение пушкинского наследия. Приведём убедительный пример бережного отношения к реликвиям, получившим скрупулёзную научную обработку, – переиздание дневниковых записей поэта за 1833–1835 гг.⁸ Над документом работали известные в те времена литературоведы, среди которых автор знаменитого учебника по русской литературе Вл. Ф. Саводник, М. Н. Сперанский, Г. П. Георгиевский. Издание сопровождается подробным указателем, составленным Н. И. Шатерниковым. Во вводной записке к основному тексту, содержащему воспроизведение пушкинской тетрадки с многочисленными примечаниями, обосновывая необходимость комментирования записей «Дневника», комиссия заявляла, что «конечной целью такого комментария поставлено стремление дать по возможности живую картину эпохи 30-х годов истёкшего столетия и обстановки жизни самого

¹ Одоевцева И. В. На берегах Невы: литературные мемуары. М.: Художественная литература, 1988. С. 206.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Блок А. А. Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...») // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 377.

⁵ Одоевцева И. В. На берегах Невы: литературные мемуары. М.: Художественная литература, 1988. С. 208. (Мемуаристка процитировала по памяти, без деления на длинные и укороченные строки, без восклицательного знака. – Л. А.).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Пушкин А. С. Дневник А. С. Пушкина (1833–1835). М.: Петроград: Мосполиграф, 1923. 578 с.

писателя того же времени»¹. Хотя записи Пушкина уже были опубликованы в изданном ранее академическом собрании сочинений, труд учёных, переиздававших «Дневник» в 1923 г., утверждал непрерываемость традиционного присутствия Пушкина в обновлённой исторической действительности, возможность и необходимость разыскания новых материалов о Пушкине, их толкования и верного понимания, расшифровки сокращений, упоминания имён, определения их роли в жизни Пушкина и его современников. В «Дневнике», актуализированном в 1923 г., присутствует пушкинское трезвое сомнение в силе слов и надежда на будущую жизнь в потомстве: «Дай Бог, чтоб слова мои произвели хоть каплю добра!»²

Мировоззрение Пушкина в восприятии итальянского и пражского историка Е. Ф. Шмурло

Задача создания живого образа поэта присутствует в повествовании «Этюды о Пушкине» (1929) Евгения Францевича Шмурло (1853–1934), учёного-историка и литературоведа, собирателя исторических документов, автора трудов по истории России и русской литературе. Шмурло с 1880-х гг. работал в Италии, в 1900–1910-е гг. занимал должность учёного корреспондента историко-филологического отделения Российской академии наук при Ватиканском архиве. В 1921 г. организовал русскую академическую группу, был её председателем до отъезда из Рима (в 1924 г.) в Прагу. В 1925–1931 гг. возглавлял русское историческое общество в Праге, входил в Совет и Учёную комиссию Русского заграничного исторического архива (РЗИА), после второй мировой войны перевезённого в Советский Союз и распределённого по нескольким хранилищам.

Приведём некоторые обобщающие характеристики Пушкина, включённые в

первую главу «Пушкинского сборника», написанную Е. Ф. Шмурло, сохранив принятую эмигрантами форму дореволюционного правописания. Рассматривая взаимоотношения Пушкина с Карамзиным, учитывая концепции Н. А. Полевого, В. Г. Белинского, И. Н. Жданова, выступившего с подробной характеристикой «Бориса Годунова» в 1881 г., Шмурло по-новому осветил зависимость поэта от старшего современника и вместе с тем его гениальную способность проявить при этом самостоятельность: «Пушкинъ обильно черпалъ матеріалъ изъ “Исторіи Г. Р.”, на многое смотрѣлъ черезъ тѣ же очки, какъ и Карамзинъ, но всякое заимствованіе творчески претворялъ въ горнилъ своего духа, и то, что выливалось изъ него, всегда носило оригинальный, специально-пушкинскій отпечатокъ» [20, с. 23]. «Духовная самостоятельность не мѣшала пользоваться карамзинскимъ матеріаломъ, всё равно, бралъ ли поэтъ его въ готовомъ освѣщеніи (разъ оно совпадало съ его собственнымъ пониманіемъ фактовъ), или перерабатывая его на свой ладъ; а съ другой стороны, матеріальная зависимость отъ “Исторіи” не мѣшала Пушкину привлекать матеріалъ и не-карамзинскій, извлекая изъ него то, что онъ считалъ необходимымъ и подходящимъ для себя» [20, с. 8].

Анализируя некоторые сцены, Е. Ф. Шмурло приоткрывает методологический подход к тексту, неприемлемость школьной примитивной расшифровки авторской позиции. Процитируем примечание к анализу первой сцены «Комедіи о настоящей бѣдѣ Московскому государству»: «Въ указанной сценѣ обыкновенно видятъ зерно будущихъ боярскихъ интригъ противъ Бориса; но съ не меньшимъ правомъ можно посмотрѣть на неё и какъ на выраженіе боярскаго безсилія, расчистившаго путь Годунову. Что именно хотѣлъ сказать этою сценою самъ авторъ? Не задавайте ему такихъ вопросовъ: поэтъ не анализируетъ, онъ творитъ безотчѣтно и рисуеъ образы такими, какими подсказало ему его художественное чутье» [20, с. 15]. Подробно сопоставляя соотноше-

¹ [Пушкин А. С.] Дневник А. С. Пушкина (1833–1835). М.; Петроград: Мосполиграф, 1923. С. VII (у этого вводного текста пагинация римскими цифрами. – Л. А.).

² Там же. С. 66.

ние карамзинского текста и сцен из пушкинской драмы в связи с описанием убийства святого мученика царевича Дмитрия, Шмурло ставит вопросы, ответ на которые содержится в основательном проникновении в факты, словесную ткань сопоставляемых текстов [20, с. 22].

В следующей статье этого издания Е. В. Спекторский нарисовал ёмкий портрет мужественного, зрелого Пушкина, умевшего «не забиваться в пещеру субъективной неудовлетворённости», но подниматься над мелочными тревогами и смотреть на жизнь с высоты: «Онъ не былъ поэтомъ грусти.... Совсѣмъ напротивъ, онъ былъ поэтъ бодрости и даже радости. Онъ оставилъ завѣтъ здоровой и свѣтлой радости, преодолюющей всякія невзгоды объективнымъ и гармоническимъ отношеніемъ къ бытію, а также творческимъ трудомъ и блаженствомъ вѣры. ... И если бы мы послѣдовали этому его завѣту, мы легче бы справлялись съ “жизни мышшей бѣготней” и научились бы прислушиваться къ голосу вѣковъ» [20, с. 55].

Органически присущее Пушкину сознание радости бытия как яркую национальную черту выделил и положил в основание философско-исторической концепции другой эмигрант из восточной, харбинской диаспоры – Вс. Н. Иванов, рассуждавший в своём сочинении об основах русской государственности: «Даже сосланный Пушкин не страдал, а юношей слушал музыку волн в ясном, солёном, голубом Крыму, писал стихи крепче и звонче меди, любил прекрасных женщин. Мы решительно не согласны с существующим известным уныло-интеллигентским восприятием существующего, а тем более прошлого» [7, с. 7].

Отбирая факты пушкинского присутствия на литературных страницах 1920–1930-х гг., необходимо назвать хотя бы некоторые поэтические произведения, в которых изображён Пушкин как личность, нашли отклик его идеи и убеждения, трансформировались жанровые открытия, приёмы мастерства, отношения к традициям и современности, включённость

в фольклорную стремнину культуры, в 1920–1930-е и последующие десятилетия¹ с разной степенью конкретизации и углублённости изученные и заново актуализировавшиеся.

Остановимся на одном, созданном в эмиграции, в Италии, произведении, малоизвестном филологической общественности, демонстрирующем зависимость от первоначального жанрового образца – пушкинского романа в стихах.

Василий Сумбатов – наследник Пушкинских жанровых традиций

Для участника первой мировой войны и движения Сопротивления в Италии, эмигранта, русского поэта, прозаика и художника-живописца В. А. Сумбатова Пушкин был в центре преемственной цепи, на которую он ориентировался на протяжении десятилетий.

В письмах из Рима в Белград к другу и наставнику И. А. Персиани имя Пушкина встречается многократно, к стихам русского гения поэт-изгнанник обращается при анализе ритмики и стиховой техники, на него и его последователей ориентируется, создавая собственные стихи. В одном из писем Сумбатов воспроизвёл эпизод с обсуждением своего произведения: «... Я вспомнил одну язвительную фразу милого Шмурло. Прослушав отрывки моего (давно заброшенного) романа в стихах, он сказал: “Очень хорошо! С большим жаром написано! (пауза). И с таким знакомым жаром (пауза). С жаром Александра Сергеевича Пушкина...”»². Однажды он посетовал, что современники эту приверженность к традиции толкуют слишком прямолинейно: «Но Пушкин положительно мой враг! Как только я свяжу

¹ См.: [13; 14], Пушкинский сборник. Прага: Политика, 1929. 303 с.; Цветаева М. И. Мой Пушкин. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1981. 234 с.; Филология: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Пушкинский / отв. ред. Ю. Н. Борисов, В. Т. Клоков. Саратов: Саратовский университет, 2000. 274 с.

² Сумбатов В. А. Письма к И. А. Персиани из Рима в Белград // РГАЛИ. Фонд 2294: Персиани Иван Александрович. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 3.

пять-шесть слов удачно, – сейчас же все кричат: “Пушкиным пахнет! Плагиат!” Не виноват же я, что Пушкин был настолько велик, что создал определённый строй речи, и что после него русский язык почти не обогатился»¹.

В одном из писем Сумбатов заявлял: «... все похвалы технике стиха и чистоте языка целиком должны быть отнесены на счёт ... И. А. Персиани и затем профессора Е. Ф. Шмурло и герцога Г. Н. Лейхтенбергского², так как сей триумвиат в процессе моего творчества изображал огонь, воду и медные трубы», – и приводит далее эпиграмму, имитирующую пушкинскую эпоху:

...Мне цензором учёный был писатель –
Историк и большой педант;
Полковник гвардии был первый мой издатель;
Мой лютый критик и прямой ругатель
Был дипломат и музыкант...³

Остановимся коротко на произведении крупного стихотворного жанра.

В романе-хронике в стихах Сумбатова «Русская Держава»⁴ сюжетные линии повествования составляют, подобно развёрнутому в «Евгении Онегине», несколько ветвей. Жизнь в Княжом и Светлом, петербургский свет, кадетский корпус и училище, события на фронте первой мировой войны, в Царскосельском госпитале, революционные настроения в армии, атмосфера вокруг Григория Распутина, убийство офицеров матросами – таков неполный перечень звеньев в изображении слома эпох, непосредственно вытекающих из трагиче-

ского лона истории XIX в., художественно осмысленного и свободно, вместе с тем достоверно представленного Пушкиным.

Перемещение во времени в романе-хронике Сумбатова мы обнаруживаем не только при переходах от одного отрывка к другому, но и внутри некоторых цельных главков, что свидетельствует о силе и свободе поэтического дарования Сумбатова. В воспроизведении усадебной, деревенской России – яркая, живая изобразительность, не гнушающаяся перечислительных рядов, однако предметы, действия, звуки, краски и тона выделены самые характерные. Автор при этом не отвлечённое лицо, он заявляет о себе как мыслитель, художник, обладающий выразительными индивидуальными чертами.

Организация художественного времени в этом произведении отличается виртуозной продуманностью. Время здесь само по себе – самостоятельный предмет поэтического осмысления и авторских философических обобщений. С самого начала мы встречаемся даже с его персонификациями. Четырнадцатый год, рождённый от вечности и века, лелеемый родительницей, обречён на горькую судьбу – стать калеккой, увянуть («увять») «в дыму пороховом».

Поэта не смущают аллюзии с пушкинским произведением. Напротив, он специально подчёркивает, что Пушкин явно присутствует в Петербурге, в России начала XX в., ещё царской, прежней, но уже пребывающей на рубеже слома. И придворный мир, и атмосфера пересудов и сплетен на балах, и обычаи русской старины, и любовный роман – всё ещё в прежних границах, но во всём стихотворном повествовании выпукло доминирует момент, когда уклад, подобно снежной лавине, устремился к разрушению, старые правила отвердевают, ломаются или деформируются. И то и другое ведёт историческую полосу великодержавности к завершению. Присутствие и участие в этой новой жизни поколения, к которому принадлежит поэт XX в., болью и трагедией проходит через человеческие судьбы.

С героями многое случается, и сюжетные отрезки о том, что и как происходило,

¹ Сумбатов В. А. Письма к И. А. Персиани из Рима в Белград // РГАЛИ. Фонд 2294: Персиани Иван Александрович. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 46.

² Полковник, герцог Г. Н. Лейхтенбергский возглавлял издательство «Град Китеж», где издавалась первая книга стихов В. А. Сумбатова.

³ Сумбатов В. А. Письма к И. А. Персиани из Рима в Белград // РГАЛИ. Фонд 2294: Персиани Иван Александрович. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 3.

⁴ Сумбатов В. А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Стихотворения; поэмы «Без Христа», «Москва»; роман-хроника в стихах «Русская Держава». М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 461–590.

носят не приключенческий характер (хотя и не лишены занимательности), но освещают явную и подспудную деятельность страны: и её благородных героев, скрепляющих Державу своими самоотверженными поступками, и наглых корыстолюбцев, расшатывающих государство. Автор уверен, что было бы упрощением видеть причину возникновения мировой войны и краха России только в отдельных людях. Автор не случайно прибегает к метафорическому образу горной лавины, которая незаметно зарождает коварное движение в неподвижных внешне слоях и неожиданно обваливается, круша всё на своём пути.

Во вступлении к роману-хронике автор установил некоторые ориентиры для читателя, который будет разгадывать зашифрованные в нём сведения. О приверженности к пушкинской жанровой традиции романа в стихах напоминает свободный разговор автора с адресатами: поэт выходит на прямой контакт с теми, для кого он создаёт текст. Эта особенность ярко проявилась у Пушкина уже в «Руслане и Людмиле». Автором в романе XX в. подчеркнута и отступление от узко биографической основы, и уход от женского адресата, как он обозначен во вступлении, – роман и для других читателей, которым он рассказывает обо всём, чему сам и его друзья и родные были свидетелями или о чём были «наслышаны» [17, с. 615–624].

Сумбатов последовательно идёт за Пушкиным в создании большого полотна исторической эпохи, сотканного из динамично развёрнутых сюжетных звеньев, лирико-философских отступлений, житейских рассуждений, ярких характеров, описаний нравов и впечатлений, разнообразных чувств и переживаний героев. Объединяет с пушкинским художественным миром Сумбатова и само внимание ко всем сторонам жизни высшего света: атмосфере балов, сплетен, искусства, политических, возвышенно-патриотических и порочных интересов и увлечений.

Поэты о Пушкинских образах

М. И. Цветаева посвятила гению XIX в. созданную в эмиграции книгу «Мой Пушкин», в которой отразила, как личное восприятие поэта уже в младенческие годы повлияло на формирование её основополагающих жизненных правил и ценностей. С Пушкиным связана для Марины Ивановны любовь к русской, превращающейся на глазах в «огромный страннопримный дом» Москве: «Гришка вор тебя не ополячил, / Пётр-царь тебя не онемечил...»¹. У этой цветаевской книги немало исследователей².

С. А. Есенин поэтически оживил традицию Пушкинского «Онегина» в «Анне Снегиной», что получило существенный резонанс в литературоведении разных периодов. В частности, назовём статью весьма известного во второй половине XX в. доцента МГУ В. Н. Турбина [18]. Заметим попутно, что, сопоставляя центральные женские персонажи двух гениальных поэтов, совершенно напрасно принижает исследователь есенинскую Анну [18, с. 270], которой выпало на долю испытаний побольше, чем Татьяне. Но и Анна, есенинский «идеал», хранит чистоту любящего сердца, удерживаясь от «преступной страсти», а не предаваясь ей (вопреки приговору филолога), хранит верность памяти погибшего мужа.

Жизнелюбие как черту гения и приверженность национального сознания подчеркнул очень выразительно Маяковский в «Юбилейном», о чём неоднократно писали учёные и школьные методисты.

Религиозные философы 1920-1930-х годов о Пушкине

Немало внимания уделили Пушкину мыслители, главным образом, высланные из России на «философском корабле»: Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др. Их размыш-

¹ Цветаева М. И. Мой Пушкин. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1981. С. 96.

² См.: Орлов В. Н. «Сильная вещь – поэзия» // Цветаева М. И. Мой Пушкин. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1981. С. 4–28.

ления были обусловлены переменами в укладе русской жизни в связи с европейскими и отечественными событиями. Все без исключения осознавали присутствие Пушкина в исторической действительности первой трети XX в., его живое участие в продолжении провиденциально предназначенного трагического пути России, приведшего к сугубо заострённому противостоянию добра и зла.

В 1937 г. в Риге, Белграде, Париже и других городах Европы отмечали столетие со дня смерти Пушкина. И. А. Ильин выступил с лекциями, в течение которых ссылался на соотечественников, создававших труды в Советском Союзе: «Пророческое призвание Пушкина», «Национальное призвание Пушкина», «Пушкин в жизни. 1799–1937», «Моцарт и Сальери» Пушкина (Гений и злодейство)» [8]. Среди многочисленных высказываний Пушкина философ не упустил знаменитое изречение верного своей Родине гения: «Клянусь вам моею честью, что я ни за что на свете не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какому нам послал Бог» [8, с. 55].

Для находившихся в эмиграции русских писателей и философов источником многогранных сведений о Пушкине была уникальная книга В. В. Вересаева «Пушкин в жизни»¹.

Заключение

Вплоть до конца XX в., а затем и в XXI продолжали выходить всё новые «Пушкинские сборники», издаваемые в столичных и провинциальных городах². Пушкинская личность и поэтиче-

ские открытия формировали учёных, среди которых замечательные имена: В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, Н. К. Пиксанов, Б. М. Соколов, Г. А. Гукковский, А. П. Скафтымов, Г. В. Макаровская, Е. П. Никитина, Ю. М. Лотман, В. М. Маркович, Н. Н. Скотов, В. С. Непомнящий... Уже в XX – начале XXI в. обозначилась необходимость подвести некоторые итоги в изучении того, что составляет «наше всё», – формируется история пушкиноведения.

Безусловным стержнем пушкинского влияния признана духовная высота, позитивное нравственное воздействие на читателя. В Русском Доме Белграда П. Б. Струве говорил в 1937 г: «Преодоление себя, своей Души в Слове и обретение через Слово своего Духа есть самое таинственное, самое могущественное, самое волшебное и чарующее, самое ясное и непререкаемое в явлении: Пушкин» [16, с. 466].

Пушкин выполняет и посмертно функции цементирующего воздействия на литературное, культурно-историческое и духовное состояние общенациональной и всемирной жизни. В том числе и в наше время [например: 1; 2; 3; 4; 6; 9–12; 14; 19]. Сама по себе история пушкиноведения приближает нас не только к личности и художественному миру Пушкина, но и к самой истории всемирной духовной преемственности, трагическим и бесмертным страницам всеобщей жизни бытия. Д. П. Святополк-Мирский в книге «История русской литературы» (A History of Russian Literature, 1927), изданной в Англии на английском языке и переведённой на русский только в XXI в., заключил главу о Пушкине знаменательным обобщением: «Понимание высоты и центрального места Пушкина в русской литературе и цивилизации росло шаг за шагом, незаметно, но неудержимо. Двадцатый век получил его сполна. Когда произошла революция, оно уже было настолько повсеместным и непобедимым, что даже большевики, по духу столь же чуждые Пушкину, сколь и Достоевскому, исключили его имя – чуть ли не единственное – из огульного забве-

¹ Вересаев В. В. Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Московский рабочий, 1987. 703 с. На издания этой книги, выходившей в 1920–1930-е гг., ссылались впоследствии многие, в том числе религиозные философы.

² См.: 2; Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха, 1923. 220 с.; Пушкин в мировой литературе: сборник статей. Вып. VIII. Л.: Государственное издательство, 1926. 408 с.; Пушкинский сборник. Прага: Политика, 1929. 303 с.; Филология: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Пушкинский / отв. ред. Ю. Н. Борисов, В. Т. Клоков. Саратов: Саратовский университет, 2000. 274 с.

ния и осуждения всей дореволюционной России» [15, с. 185].

Личность и непревзойдённые шедевры Пушкина мобилизуют духовный и индивидуально-творческий потенциал соотечественников и мыслящих людей разных

национальностей и убеждений, преодолевая границы географического и социального характера, перешагивая через политические и международные разногласия.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Читаем Пушкина вместе с «цифровым поколением» // Народное образование. 2019. № 3. С. 151–156.
2. Брюсовский Пушкин: коллективная монография / сост., общ. ред. О. Л. Довгий, С. А. Казаковой. М.: Факультет журналистики МГУ, 2023. 338 с.
3. Вересаев В. В. О Пушкине: избранные статьи. М.: Юрайт, 2024. 181 с.
4. Гандлевский С. Лёд и пламень // Иностранная литература. 2022. № 10. С. 250–261.
5. Голицына В. Н. «Всякая современность в настоящем – сосуществование времён» (Цветаева о Пушкине) // Учёные записки. Пушкинский сборник. Псков: ЛГПИ им. Герцена, 1973. С. 140–159.
6. Есипов В. М. Пушкин и польский вопрос // Вопросы литературы. 2022. № 1. С. 55–73.
7. Иванов В. С. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин: Бамбуковая роща, 1926. 372 с.
8. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. II–III. М.: Русская книга, 1997.
9. Линков В. Я. Категория простоты в мировоззрении и творчестве А. С. Пушкина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 13–28.
10. Маркович В. М. О Пушкине. М.: Росток, 2023. 351 с.
11. Никитина Е. П. Пушкинская тема в трудах и днях А. П. Скафтымова // Филология: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Пушкинский / отв. ред. Ю. Н. Борисов, В. Т. Клоков. Саратов: Саратовский университет, 2000. С. 5–21.
12. Новиков В. И. Александр Пушкин. М.: Молодая гвардия, 2022. 301 с.
13. Поройков С. Ю. Типические характеры в произведениях А. С. Пушкина. М.: Инфра-М, 2022. 182 с.
14. Ранчин А. О дилетантизме в филологии, или Дилетанты и Пушкин // Новый мир. 2023. № 4. С. 190–203.
15. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времён по 1925 год / пер. Р. Зерновой. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2005. 964 с.
16. Струве П. Б. Дух и слово Пушкина // Русская идея: в кругу писателей и мыслителей Русского зарубежья: в 2 т. Т. 2 / сост. В. М. Пискунова. М.: Искусство, 1994. С. 465–475.
17. Сумбатов В. А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Стихотворения; поэмы «Без Христа», «Москва»; роман-хроника в стихах «Русская Держава» / сост. Л. Ф. Алексеева. М.: Государственный университет просвещения, 2023. 638 с.
18. Турбин В. Н. Традиции Пушкина в творчестве Есенина: «Евгений Онегин» и «Анна Снегина» // В мире Есенина: сборник статей / сост. А. А. Михайлов, С. С. Лесневский. М.: Советский писатель, 1986. С. 264–284.
19. Шеваров Д. Г. Полёт Сверчка: 200 лет назад Василий Андреевич Жуковский передал пальму поэтического первенства Александру Пушкину // Родина. 2020. № 4. С. 79–81.
20. Шмурло Е. Ф. Этюды о Пушкине // Пушкинский сборник. Прага: Политика, 1929. С. 5–52.

REFERENCES

1. Alpatova T. A. [Reading Pushkin together with the “Digital Generation”]. In: *Narodnoe obrazovanie* [Public education], 2019, no. 3, pp. 151–156.
2. Dovgy O. L., Kazakova S. A., eds. *Bryusovskij Pushkin* [Bryusov’s Pushkin]. Moscow, Faculty of Journalism of Moscow State University Publ., 2023. 338 p.
3. Veresaev V. V. *O Pushkine: izbrannyye stat’i* [About Pushkin: Selected Articles]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 181 s..
4. Gandlevsky S. [Ice and Fire]. In: *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2022, no. 10, pp. 250–261.
5. Golitsyna V. N. [“All Modernity in the Present is the Coexistence of Times” (Tsvetaeva about Pushkin)]. In: *Uchyonye zapiski. Pushkinskij sbornik* [Scientific Notes. Pushkin Issue]. Pskov, Leningrad State

- Pedagogical Institute named after Herzen, 1973, pp. 140–159.
6. Essipov V. M. [Pushkin and the Polish Question]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2022, no. 1, pp. 55–73.
 7. Ivanov Vs. N. *My: Kul'turno-istoricheskie osnovy russkoj gosudarstvennosti* [We: Cultural and Historical Foundations of Russian Statehood]. Harbin, Bambukovaya roshcha Publ., 1926. 372 p.
 8. Ilin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 6. Kn. II–III* [Collected Works. Vol. 6. Bk. II–III]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1997.
 9. Linkov V. Ya. [The Category of Simplicity in A. S. Pushkin's Philosophy and Works]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2021, no. 1, pp. 13–28.
 10. Markovich V. M. *O Pushkine* [About Pushkin]. Moscow, Rostok Publ., 2023. 351 p.
 11. Nikitina E. P. [Pushkin's Theme in the Works and Days of A. P. Skaftymova]. In: *Filologiya: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 5. Pushkinskij* [Philology: Interuniversity collection of Scientific works. Vol. 5. Pushkinsky]. Saratov, Saratov University Publ., 2000, pp. 5–21.
 12. Novikov V. I. *Aleksandr Pushkin* [Alexander Pushkin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2022. 301 p.
 13. Poroykov S. Yu. *Tipicheskie haraktery v proizvedeniyah A. S. Pushkina* [Typical Characters in the Works of A. S. Pushkin]. Moscow, Infra-M Publ., 2022. 182 p.
 14. Ranchin A. [About Amateurism in Philology, or Amateurs and Pushkin]. In: *Novyy mir* [New World], 2023, no. 4, pp. 190–203.
 15. Svyatopolk-Mirsky D. P. A Russian-English Life (Rus. ed.: Zernova R., transl. *Istoriya russkoj literatury s drevnejshih vremyon po 1925 god.* Novosibirsk, Svinin and sons Publ., 2005. 964 p.).
 16. Struve P. B. [The Spirit and Word of Pushkin]. In: *Russkaya ideya: v krugu pisatelej i myslitelej Russkogo zarubezh'ya. T. 2* [Russian idea: in the circle of Writers and Thinkers of the Russian abroad. Vol. 2]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, pp. 465–475.
 17. Sumbatov V. A. *Sobranie sochinenij. T. 1. Stihotvoreniya; poemy «Bez Hrista», «Moskva»; roman-hronika v stihah «Russkaya Derzhava»* [Collected Works. Vol. 1. Poems; Poems “Without Christ”, “Moscow”; Cronicle Novel in Verse “Russian Power”]. Moscow, Federal State University of Education Publ., 2023. 638 p.
 18. Turbin V. N. [Pushkin's Traditions in Yesenin's Works: “Eugene Onegin” and “Anna Snegina”]. In: *V mire Esenina: sbornik statej* [In Yesenin's World: Collection of Articles]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1986, pp. 264–284.
 19. Shevarov D. G. [Flight of the Cricket: 200 years ago Vasily Andreevich Zhukovsky handed over the Palm of Poetic Championship to Alexander Pushkin]. In: *Rodina* [Motherland], 2020, no. 4, pp. 79–81.
 20. Shmurlo E. F. [Sketches about Pushkin]. In: *Pushkinskij sbornik* [Pushkin collection]. Praga, Politika Publ., 1929, pp. 5–52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov F. Alexeeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Л. Ф. А. С. Пушкин на литературных страницах 1920–1930-х годов и некоторые локальные аспекты перманентного пушкиноведения // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 32–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-32-41

FOR CITATION

Alexeeva L. F. A. S. Pushkin on the Literary Pages of the 1920–1930s and Some Local Aspects of Permanent Pushkin Studies. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 32–41.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-32-41

УДК 82-2

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-42-51

«ИГРА С ЧИТАТЕЛЕМ» КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ А. С. ПУШКИНА (К ПРОБЛЕМЕ «ПУШКИН И РОКОКО»)

Алпатова Т. А.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать специфику организации творческого диалога с читателем в структуре незавершённой прозы А. С. Пушкина в аспекте генетических связей с традициями романа рококо, установить структурные единицы пушкинского текста, связанные с рокайльным романом, особенности выражения взгляда автора на литературу как живую развивающуюся систему, требующую особой эрудиции и отзывчивости от читателя.

Процедура и методы. Предлагаемый в работе анализ базируется на принципах историко-генетического и сравнительно-типологического рассмотрения литературного произведения. Характеристика основных элементов текста, сопоставимых с романом рококо как литературно-полемическим и метатекстуальным феноменом, проводится с использованием элементов структурно-семиотического метода, а также элементов семиотики культуры.

Результаты. Предпринятый анализ позволил выявить литературные мотивы в незавершённых произведениях Пушкина – «Арап Петра Великого», «Роман в письмах», «Рославлев», а также рассмотреть значение для оформления историко-литературной концепции Пушкина, выявить особенности её содержательных и формальных аспектов, установить генетические источники подобной «игры с читателем», связанные с рокайльными традициями Западной Европы, а также творчеством Н. М. Карамзина, прежде всего с его книгой «Письма русского путешественника».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть основой для рассмотрения историко-литературной концепции Пушкина в целом, а также изучения концепта литературной игры, мотива героя-читателя в литературном произведении, глубинных процессов трансформации, происходящих в романе рубежа XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, историко-литературная концепция, рококо, «Роман в письмах», «Рославлев»

GAME WITH THE READER AS A MEANS OF IMPLEMENTING THE HISTORICAL AND LITERARY CONCEPT OF A. S. PUSHKIN (ON THE PROBLEM “PUSHKIN AND ROCOCO”)

T. Alpatova*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the specifics of organizing a creative dialogue with the reader in the structure of A. S. Pushkin's unfinished prose in the aspect of genetic connections with the traditions of the rococo novel, to establish structural units of Pushkin's text associated with the rocaille novel, to reveal the features of expressing the author's view of literature as a living, developing system that requires special erudition and responsiveness from the reader.

© CC BY Алпатова Т. А., 2024.

Methodology. The analysis proposed in the article is based on the principles of historical-genetic and comparative-typological analysis of a literary work. Characterization of the main elements of the text, comparable to the Rococo novel as a literary, polemical and metatextual phenomenon, is carried out using elements of the structural-semiotic method, as well as elements of cultural semiotics.

Results. The analysis undertaken made it possible to identify literary motifs in Pushkin's unfinished works – “Arap of Peter the Great”, “Novel in Letters”, “Roslavlev”, as well as to consider the significance for the design of Pushkin's historical and literary concept, to identify the features of its substantive and formal aspects, to establish genetic sources of the similar “games with the reader” associated with the rocaille traditions of Western Europe, as well as the work of N. M. Karamzin, primarily with his book “Letters of a Russian Traveller”.

Research implications. The results of the study can be the basis for considering the historical and literary concept of Pushkin as a whole, as well as studying the concept of literary play, the motive of the hero-reader in a literary work, as well as the deep processes of transformation occurring in the novel at the turn of the 18th – 19th centuries.

Keywords: A. S. Pushkin, historical and literary concept, rococo, “Novel in Letters”, “Roslavlev”

Введение

Реконструкция историко- и теоретико-литературной концепции А. С. Пушкина в последние десятилетия всё чаще занимает внимание исследователей [10, с. 76–87]. Можно без преувеличения утверждать, что одним из направлений эволюции пушкинского творчества была как раз выработка этой концепции, т. е. всё более чёткое осознание основных тенденций развития европейской литературы XVIII – начала XIX вв. При этом для Пушкина уже со второй половины 1820-х гг., и особенно в 1830-е гг. имело значение не только творческое усвоение западноевропейского художественного опыта, но именно возможность понимать закономерности литературного развития – и отдельных писателей, и жанров, представлять взаимосвязи движения литературы и истории (что было предвестием оформления культурно-исторической школы в филологии), – т. е., собственно, построение историко-литературной концепции, в значительной степени обуславливающей в этот период и собственно творческий диалог с той или иной западноевропейской литературной традицией. На рубеже нормативно-традиционалистской и индивидуально-творческой эпох художественного сознания способность писателя мыслить в историко-литературном духе позволяла транс-

формировать принцип «подражания и соревнования», превращая взаимодействие с «традицией» в подлинный диалог, возможности которого оказывались значительно разнообразнее, нежели «опора» на опыт прославленных авторов.

Цель данной работы – рассмотреть специфику игры с читателем и металитературных отсылок в незавершённой прозе А. С. Пушкина 1830-х гг. как отражение его историко-литературной концепции; выявить предметы его художественных симпатий и антипатий в наследии западноевропейской и русской прозы, концептуализировать саму проблему насыщенности пушкинской прозы экспериментальным художественным материалом, способствовавшим выстраиванию в повествовании дополнительных «литературных» сюжетов.

Преимущественное внимание к роману рококо при этом также не случайно. В сложной картине развития повествовательной прозы XVIII столетия именно роман рококо оказался наиболее подвижной и динамично развивающейся жанровой формой, что потенциально позволило ему превращаться в своеобразную реплику литературного диалога, отражать изменчивость эстетических вкусов эпохи, не присоединяясь ни к одной из сложившихся «готовых» форм. Роман в эпоху

рококо характеризовался обращением к тому типу героев, которые представляли образованное общество, и потому характеризовались не только свободой нравов и умением ориентироваться в «большом свете», но и начитанностью, умением вести тонкую, ироничную речевую игру, насыщенную литературными отсылками самого разного рода. Эти качества имплицитно подразумевались и в «идеальном» читателе подобных романов, что также способствовало развитию и усложнению жанровой формы [2, с. 68–82; 3, с. 66–77; 4; с. 64–75].

Впоследствии, в 30 гг. XIX в., традиции романа рококо сохраняются в трансформированном виде, прежде всего в структуре так называемой «светской повести», главные отличительные признаки которых – специфическое место действия, изобилие «интерьерных» топосов, круг тем и мотивов, связанных с изображением «высшего света» и конфликтов, в нём происходящих, – представляются глубоко родственными роману рококо. Подобно рокайльным персонажам, герои «светских повестей» обладают способностью к рефлексии, их ироничные суждения, насыщенные ассоциациями с актуальными событиями современной, в том числе литературной, жизни, обеспечивают особую ориентацию текстов на восприятие кругом «своего» читателя, своеобразный эффект понятности «для немногих», актуальность которого очевидна и в эпоху рококо. Реализуя творческий диалог с разнообразными литературными традициями, проза Пушкина таким образом вступала во взаимодействие с указанными генетическими источниками. Возможно, по этой причине творческий диалог с металитературной линией романа рококо в пушкинской прозе способствовал воссозданию историко-литературной концепции «внутри» собственно событийного и психологического сюжета, что было актуально для становления прозы поэта.

«Металитературный» сюжет незавершённой прозы Пушкина: вопросы генезиса и структуры

Оговоримся сразу: наличие металитературного сюжета не является специфической чертой лишь незавершённой прозы Пушкина. И роман в стихах «Евгений Онегин», и «Повести Белкина», и «Капитанская дочка», и другие пушкинские произведения также насыщены подобными мотивами, что с полным правом позволяет исследователям говорить об особой «нарратологии Пушкина» [11, с. 300–317; 6; 7; 8; 9], эксплицированной в его художественных произведениях и оформляющейся благодаря системе художественных приёмов, выводящих на поверхность не только «изображаемое», но и само «рассказывание», специфическую форму представления «истории», в условной «норме» повествовательной структуры скрытую от внимания читателя.

Генезис этого явления в прозе Пушкина (как и в романе в стихах «Евгений Онегин») был связан, по-видимому, с художественным опытом повествования в «Письмах русского путешественника» и повестях Н. М. Карамзина, если рассматривать их не в аспекте сентиментальной чувствительности, но именно как особый тип динамичного, «становящегося» повествования, сам процесс оформления которого выведен в поле внимания читателя и превращён в некий металитературный дополнительный «сюжет». Эта стернианская по своей природе сфера карамзинского повествования дала особые возможности его прозе: сохраняя сюжетную занимательность и изобразительное мастерство, она становилась специфической формой описания самого процесса творчества (а иной раз и процесса движения литературы), не просто развивалась по собственным законам, но параллельно формировала эти законы и их манифестировала. Так историко- и теоретико-литературные концепции Карамзина, не будучи развёрнутыми в последовательном дискурсе металитературного описания (скажем, в форме трактата, столь популяр-

ного в эпоху нормативного традиционализма), всё же воплощались в его прозе в виде живого, динамичного, не застывшего, способного к развитию «размышления» о самых разнообразных сферах развития литературы: о творчестве отдельных писателей, о жанрах, литературных традициях, способах построения повествования, стилевых возможностях высказывания и т. п.

Думается, опыт Карамзина в данном случае оказывался наиболее актуальным и в пушкинских произведениях. Избегая последовательного, законченного высказывания о той литературной традиции, в «диалог» с которой он вступает, следуя или, напротив, отвергая её узнаваемые художественные принципы, Пушкин делает их частью металитературного «дополнительного сюжета» своих текстов, в результате чего и знаковые писательские имена, и устойчивые сюжетные схемы, и жанровые модели, и целые художественные стили становились предметом творческой «игры», своеобразного «осмысления без осмысления» в живом динамичном дискурсе пушкинского повествования. Рокайльный источник этого явления, заложенный в художественной природе жанровой формы «светского» повествования (выдержанного не только в виде «светской повести» как таковой, но опосредованного различными типами построения повествования – эпистолярным, мемуарным, дневниковым и т. п.), в пушкинских прозаических текстах, в том числе незавершённых, также обеспечивал свободу динамично развивающейся концепции и потенциал её иронического переосмысления вплоть до «снятия», что, учитывая опыт «Евгения Онегина», также было одним из определяющих принципов эксплицирования металитературного дискурса для поэта.

Типология художественных форм «игры с литературой» в пушкинских прозаических замыслах

Сама возможность творческой «игры» с литературой для Пушкина определялась прежде всего тем, что его герои в большинстве своём предстают в первую очередь как

читатели. Этот факт нередко фиксировался исследователями, в первую очередь как отражение специфической культуры чтения сентиментально-предромантической эпохи, в которой литературная модель становилась основой жизнестроительства (с этой точки зрения многократно комментировался «читательский опыт» героев «Евгения Онегина», «Повестей Белкина» и др.). Однако у этой сферы изображения пушкинских героев можно выделить не только характерологическую (и культурологическую), но и собственно литературную основу. Герой, ставший «читателем», в определённой мере утрачивает свою «объектность», получает возможность выходить за пределы литературного дискурса, судить и оценивать его, в результате чего и сам дискурс до известной степени утрачивает свою безусловность, механизм построения текста выходит на поверхность, становясь объектом рефлексии для героя, казалось бы, всецело в него погружённого. Приём этот, по-видимому, актуален для переходных литературных эпох (примером чему могут быть не только тексты Карамзина и Пушкина, но и Сервантеса, и Л. Стерна, и Ф. М. Достоевского, и мн. др.), он может успешно реализовываться как в новаторской литературе, развивающей самобытное эстетическое «задание», так и в беллетристике, суть при этом будет оставаться неизменной. Герой-читатель, существуя «внутри» текста, многочисленные «подобия» которому он активно читает и по поводу которых в той или иной форме рефлексировал, раскрывается как олицетворённая возможность преодолеть безусловность заданной формы, встать над нею, выйти за предел – и тем самым трансформировать.

Линия героя-читателя получает несколько большее влияние в незавершённой прозе Пушкина, возможно потому, что именно игра с литературной традицией зачастую становилась центром написанного фрагмента, сюжетная и психологическая линии которого при этом оставались неразвитыми. В первую очередь это касается «Романа в письмах» и «Рославлева», в

которых именно читательские симпатии и антипатии героинь, по существу, являются единственной разработанной линией.

Так, в «Романе в письмах» благодаря этому выстраивается сложная система жанрово-стилевой рефлексии: героини собственно эпистолярного дискурса, Лиза и Саша, обсуждают эпистолярные романы С. Ричардсона (в первую очередь «Клариссу», с героиней которого отождествляет себя пушкинская Лиза). По отношению к нему высказываются и иронические оценки («я... не заметила перехода от шести скучных <частей> к шести занимательным...»¹; «прочитать Ричардсона не надеюсь...»²), и в то же время более глубокие суждения – как трансформируются с течением времени литературные идеалы мужчин и женщин³, как литературное произведение связано с эпохой, в которую оно создано⁴; какими путями идёт развитие литературного мастерства и слога⁵. Пушкинская героиня в своих истори-

ко-литературных суждениях в известной мере становится alter ego самого автора – и в оценках литературных произведений, и в особенности в суждениях о литературной критике (в её письме очевиден намёк на критические выпады Н. И. Надеждина против пушкинского «Графа Нулина» и поэмы Е. А. Баратынского «Бал»⁶).

В целом, в «Романе в письмах» возникает множество знаковых литературных мотивов: это и имена писателей, маркирующих ту или иную литературную традицию (Ричардсон, Вальтер Скотт), и знаковые персонажи – как действительно существовавшие в привлекательных для читателей романах (Кларисса, Ловлас, Адольф, Фоблас), так и условные (Белькур, Шарлотта – обобщённо представляющие в письме Лизы некую устаревшую литературную традицию). Появляются в романе и знаковые для русской литературы имена – Вяземский и Пушкин; объективация собственного авторского имени в повествовании усиливала значимость «литературного сюжета» и в перспективе позволяла вести более сложную и разнообразную игру с читателем, как на уровне сюжетном и психологическом, так и на уровне металитературном.

Ещё более сложной оказалась специфика представления героя-читателя в пушкинском «Рославлеве». Этот незавершённый роман был своеобразной «репликой» в полемическом диалоге Пушкина с романом М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» [1, с. 141–145; 5, с. 137–145; 12, с. 72–78]. Читательницами

¹ Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 478.

² Там же. С. 480.

³ «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внуков! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? Между тем роль женщин не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, всё же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах – они основаны на чувстве и природе, которые вечны». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 478.

⁴ «Как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом... и узнаём... наших дядюшек и бабушек, но помолодевшими...». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 481.

⁵ «Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки – и вышел бы прекрас-

ный, оригинальный роман». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 481.

⁶ «Смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все, мы – санкт-петербургские недотроги». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 481–482.

в пушкинском тексте оказываются и главная героиня Полина (увлечение чтением становится определяющим в её характеристике¹), и повествовательница. Сама мотивировка рассказа задана здесь тем, что девушка прочла роман Загоскина и вынуждена возражать ему, рассказывая то, что на самом деле произошло с дороги-ми ей людьми. Даже именуя их (Полина и Синекур), она подчёркивает, что сохраняет эти имена из романа, как уже известные читателю. Таким образом Пушкин выстраивает зачин романа как не просто полеми-ческого, а отчётливо игрового, металите-ратурного текста, требующего от читателя, как минимум, знания романа Загоскина и способности оценить его специфическую национально-историческую позицию, а как максимум – иметь глубокие познания истории литературы XVIII – начала XIX столетия, как французской (которую с увлечением читает Полина), так и русской («представителями» которой в пушкин-ском «Рославле» выступают Ломоносов и Сумароков – оба автора олицетворяют крайние полюса в развитии тогдашней литературы, и обоих не читает образован-ная, пытливая девушка, по-настоящему увлечённая литературой). Здесь также представлены богатые ассоциативными возможностями знаки развития литера-турных традиций прошлого и настоящего (французская литература XVIII в., Руссо, *m-me de Staël*, «Коринна», Сумароков, Ломоносов, «История» Карамзина и др.), позволяющие Пушкину представить ос-новные направления в развитии словес-ности прошлого и нынешнего столетий, потенциально заложить в романный сю-жет возможности дополнительной «мета-литературной» линии, значение которой способно оказаться значительно глубже, нежели привычные для рационалистиче-ской сатиры (от Фонвизина до Грибоедова)

¹ «Полина чрезвычайно много читала и без всякого разбора. Ключ от библиотеки отца был у ней...». См.: Пушкин А. С. Рославлев // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной ли-тературы, 1960. С. 137.

выпады против круга чтения героинь, ув-лечённых французской культурой.

Образ героя-читателя в незавершённой прозе Пушкина помогает выделить раз-мышления о литературе и путях её раз-вития, служит построению своеобразно-го литературного «сюжета», в свободном, динамичном дискурсе представляющего авторский взгляд на литературное движе-ние переходной эпохи. Подробно харак-теризуя подобного персонажа, Пушкин как писатель получает возможность пред-ставить образ того «идеального» читателя (читательницы), который был необходим его сочинениям. Это уже не просто увле-чённая, сочувствующая натура, готовая строить собственную жизнь согласно мо-делям сентиментально-предромантиче-ских романов². Героиня-читательница в незавершённых произведениях Пушкина, если и попадает в сюжетную ситуацию «Клариссы» («я разливаю чай, как Кларисса Гарлов...»³), то способна понять и оценить её именно как «литературную», в извест-ной мере искусственную, и иронизировать над нею. Она способна видеть направ-ленность развития литературы, специ-фику её связи с иными сферами жизни общества. Так читательский уровень сбли-жается в осмыслении Пушкина не только с авторским, но в известной степени фило-логическим, аналитическим – при том, что высказанное мнение сохраняет свободу, живость, искренность и полностью чуждо педантизму.

² Такой тип читательницы появляется в «Романе в письмах», и по поводу неё протагонисткой вы-сказывается ироничная, хотя и сочувственная оценка: «Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика». См.: Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочине-ний: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной ли-тературы, 1960. С. 481.

³ Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 477.

Герой незавершённой прозы Пушкина и проблема взаимосвязи литературы и истории

Признание связи литературы и истории, зависимости творчества писателя от эпохи, в которую он живёт, значения литературных произведений в осмыслении «духа времени» было одним из очень важных явлений в развитии литературного сознания конца XVIII – первой половины XIX в. и в итоге привело к оформлению культурно-исторической методологии осмысления литературного развития. Под влиянием идей И.-Г. Гердера эти принципы постепенно проникали в литературную рефлексию эпохи; тезисы о том, что необходимо учитывать специфику эпохи, чтобы понять природу литературы, ею порождённой, отчётливо звучат уже в историко-литературных опытах Н. М. Карамзина; в виде чётко осознаваемого методологического принципа они формулируются в «Опыте краткой истории русской литературы» Н. И. Греча. Собственные опыты Пушкина в области истории литературы (прежде всего статья для «Современника», посвящённая А. Н. Радищеву, как и сам замысел историко-литературных статей для журнала) также свидетельствовали о методологическом увлечении поэта именно культурно-историческими подходами к осмыслению литературного процесса.

Поэтому представляется естественным, что в металитературных фрагментах незавершённой прозы пушкинские герои также оказываются сторонниками и выразителями идеи о том, что литература и история связаны, что авторская мысль в книге неотделима от своей эпохи, а характеры и поступки героев могут быть поняты именно в контексте той исторической ситуации, в которой существуют. Об этом напрямую сказано в «Романе в письмах» (см. рассуждение Лизы о различии в идеалах бабушек и внуков, о «странности» чтения в 1829 г. книги, написанной в 1775); суждение это в имплицитном виде раскрывается и в самой завязке пушкинского «Рославлева», как раз на этом основании

призванного восстановить своеобразную «историческую справедливость» по отношению к главной героине и её «французским» симпатий в пору 1812 г.

Однако наиболее интересным представляется опыт литературно-исторической, культурно-исторической рефлексии героя в начале незавершённого романа «Арап Петра Великого». Пример этот оригинален и потому, что Ибрагим, в отличие от персонажей «Романа в письмах» и «Рославлева», предстаёт хотя и стоящим на уровне европейской образованности своего времени, но всё же не «читателем», а в первую очередь участником событий, персонажем действующим. История его пребывания в Париже времён Регентства очевидно вводила в пушкинский роман культурную атмосферу рококо, почему и открывающая первую главу зарисовка жизни Франции в тот период оказывалась наиболее насыщенной, плотной и афористичной характеристикой этой эпохи у Пушкина.

Генезис этой «рокайльной саморефлексии» (равно как и авторской рефлексии по поводу рококо) в пушкинском романе сложен. Прежде всего, эта зарисовка очевидно уподоблялась вводным историческим замечаниям в романах В. Скотта, определяющим возможность дальнейшего повествования относительно свободно от тормозящих действие «примечаний». Однако едва ли не более близким источником представляется краткая характеристика истории Франции в предреволюционные десятилетия, данная в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина¹. Как

¹ Ср. в «Письмах русского путешественника»: «Французы давно уже разучились веселиться в обществах, так как они во время Людовика XIV веселились, на пример в доме известной Марионы де-Лорм, Графини де-ла-Сюз, Ниноны Ланкло, где Вольтер сочинял первые стихи свои; где Вуатюр, Сент-Эвремон, Саразень, Граммон, Менаж, Пелиссон, Гено, блистали остроумием, сыпали Аттическую соль на общий разговор и были законодателями забав и вкуса. — «Жан Ла ... несчастною выдумкою Банка погубил и богатство и любезность Парижских жителей, превратив наших забавных Маркизов в торгашей и ростовщиков; где прежде раздроблялись все тонкости общественного ума, где все сокровища, все оттенки Французского языка

и в карамзинском описании, Пушкин представляет то, свидетелем чему стал Ибрагим во Франции, не столько на принципе последовательной, пусть и афористичной характеристики, сколько на перечислении различных «знаковых» деталей, насыщенных разнообразными культурно-историческими ассоциациями и в совокупности создающих общую картину эпохи, воспринимающуюся главным образом эмоционально. Таким образом, в начале первой главы личность Ибрагима раскрывается на фоне той исторической ситуации, в которой он оказался: «вольное легкомыслие, безумство и роскошь» французского двора, появление Law, благодаря которому деньги стали столь привлекательными для аристократии, и горестные перспективы государства – все эти узнаваемые приметы времени рококо Пушкин соединяет в нескольких причудливых перечнях-амплификациях. «Алчность к деньгам соединилась с жадностью наслаждений и рассеянности; именины исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей»¹. В одном ряду оказываются «образованность и потребность веселиться», «богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, всё, что подавало пищу любопытству или

обещало удовольствие», здесь же перечисляются и знаковые имена, окружённые разнообразными историко-культурными ассоциациями, в один ряд ставится «молодость Аруэта», «старость Шолье», «разговоры Монтескье и Фонтенеля»². В определённом смысле это описание впечатлений Ибрагима оказывается в одном ряду с известными пушкинскими «перечнями» романа в стихах «Евгений Онегин», обозначенными Л. В. Пумпянским как реализация принципа «исчерпывающего деления», восходившего к художественным принципам литературы XVIII в. Так, характеристика героя, представляющего определённую историческую эпоху, оказывается обобщённым отражением одной из узнаваемых особенностей стиля, характерного для риторической эпохи, вновь обращающая внимание читателя на необычные возможности динамичного, развивающегося повествования. В данном случае оно было уже не только средством преодолеть вторичность прозаической традиции рубежа XVIII–XIX вв., но создавало возможность встроить в художественное повествование элементы историко-литературного описания, которое таким образом становилось важной частью художественного новаторства Пушкина-прозаика.

Заключение

Историко-литературное мышление Пушкина в 1830-е гг. тяготело к принципам, в недалёком будущем оказавшимся в основе оформления культурно-исторической методологии изучения литературы. Для него и личность писателя, и литературное произведение, и фигура персонажа непознаваемы вне обращения к историко-культурной эпохе, их породившей. Собственно историко-литературная реализация этих идей началась в журнале Пушкина «Современник», однако художественные произведения, в том числе незавершённая проза, также содержала подобные отсылки. При этом в центре размышлений как персонажей-протагонистов, так и ав-

истошались в приятных шутках, в острых словах, там заговорили.... о цене банковских ассигнаций, и дома, в которых собиралось лучшее общество, сделались биржами. ... Потом вошли в моду попугаи и Экономисты, Академическая интриги и Энциклопедисты, каланбуры и Магнетизм, Химия и Драматургия, Метафизика и Политика. Красавицы сделались Авторами, и нашли способ... усыплять самых своих любовников. ... Все философствовали, важничали, хитрили, и вводили в язык новые странные выражения, которых бы Расин и Деппе понять не могли или не захотели – и я не знаю, к чему бы мы наконец должны были прибегнуть от скуки, если бы вдруг не грянул над нами гром Революции». См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 225–226.

¹ Пушкин А. С. Арап Петра Великого // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксман. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 8–9.

² Там же.

тора оказывалась судьба романа рококо, внутреннее родство и не реализованные до конца художественные ресурсы которого и оказывались предметом рефлексии. И в незавершённых произведениях Пушкина («Арап Петра Великого», «Роман в письмах», «Рославлев») раскрываются необычные формы подобной историко-литературной рефлексии – путём воспроизведения и одновременного обсуждения наиболее узнаваемых, знаковых особенностей подобной литературной формы. Игра с читателем, требование от него высокой историко-литературной эрудиции, создание метатекстового дополнительного плана, сложного по структуре и усложняюще-

го как событийный, так и психологический сюжет, – особенности, свойственные роману рококо и унаследованные пушкинскими текстами, в которых раскрывались именно историко-литературные представления об этой литературной форме. Таким образом, реализуя свойственные роману рококо принципы «самоописания» литературности как особого феномена эпохи, Пушкин преодолевает их безусловность и в итоге приходит к воссозданию многообразной, внутренне противоречивой картины историко-литературного развития эпохи.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забабурова Н. В. «Рославлев» А. С. Пушкина: дискуссия о патриотизме и «французские» персонажи (к годовщине войны 1812 года) // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2 (70). С. 141–145.
2. Пахсарьян Н. Т. ИмPLICITный автор и имPLICITный читатель в романе рококо // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 3 (43). С. 68–82.
3. Пахсарьян Н. Т. Фрагмент в литературе рококо // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2022. № 3. С. 66–77.
4. Пахсарьян Н. Т. Экспериментальный роман в эпоху «рефлексивного традиционализма»: «Карета, увязшая в грязи» П. К. де Мариво // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 3. С. 64–75.
5. Полтавец Е. Ю. Мифология Москвы в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 3. С. 137–145.
6. Радби́ль Т. Б. Пушкин как модернист: элементы свободного косвенного дискурса в традиционном нарративе «Пиковой дамы» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 1. С. 161–171.
7. Сашина Е. В. Пушкин и Парни: к проблеме литературных взаимодействий // Пушкин и литературный процесс: материалы VII Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции, Псков, 17–19 ноября 2020 г. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 95–103.
8. Семенченко Ю. И. Категория события в прозе рококо (на материале романа Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура») // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 108–117.
9. Смирнова Н. Н. Изображаемое и рассказ в «Повестях Белкина». М.: Канон+, 2020. 192 с.
10. Стенник Ю. В. Концепция XVIII века в творческих исканиях Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы: в 19 т. Т. 11. Л.: Наука, 1983. С. 76–87.
11. Шмид В. Нарратология Пушкина // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: материалы и исследования / под ред. Д. М. Бетеа, А. Л. Осповата. М.: ОГИ, 2001. С. 300–317.
12. Шпилевая Г. А., Бахметьева И. А., Безрукова В. В. Концепция исторического романа А. С. Пушкина и М. Н. Загоскина: о поэтике классического и беллетристического произведения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 72–78.

REFERENCES

1. Zababurova N. V. [“Roslavlev” A.S. Pushkin: Discussion about Patriotism and the “French” Characters (by an Anniversary of War of 1812)]. In: *Nauchnaya mys’ Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 2012, no. 2 (70), pp. 141–145.
2. Pakhsarian N. T. [Implied author and Implied Reader in Rococo Novel]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost’*.

- Gumanitarnyj aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 2020, no. 3 (43), pp. 68–82.
3. Pakhsarian N. T. [Fragment in Rococo Literature]. In: *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie* [Social sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies], 2022, no. 3, pp. 66–77.
 4. Pakhsarian N. T. [Experimental Novel in the Age of the “Reflective Traditionalism”: “La Voiture Embourbée” by Marivaux]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 9: Philology], 2021, no. 3, pp. 64–75.
 5. Poltavets E. Yu. [The Mythology of Moscow in “War and Peace” by L. N. Tolstoy]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* [Vestnik of State University of Humanities and Technology], 2021, no. 3, pp. 137–145.
 6. Radbil T. B. [Pushkin as a Modernist: Elements of a Free Indirect Discourse in the Traditional Narrative of “The Queen of Spades”]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2022, no. 1, pp. 161–171.
 7. Sashina E. V. [Pushkin and the Guys: On the Problem of Literary Interactions]. In: *Pushkin i literaturnyj process: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy Svyato-Tihonovskoj konferencii, Pskov, 17–19 noyabrya 2020 g.* [Pushkin and the Literary Process: Materials of the VII International Scientific and Practical St. Tikhon Conference, Pskov, November 17–19, 2020]. Pskov, Pskov State University Publ., 2020, pp. 95–103.
 8. Semenchenko Yu. I. [The Category of an Event in Rococo Prose (on the Basis of Crébillon fils’s novel “Les égarements du cœur et de l’esprit ou Mémoires de Meilcour”). In: *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanij* [Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2023, vol. 8, no. 1, pp. 108–117.
 9. Smirnova N. N. *Izobrazhaemoe i rasskaz v “Povestyah Belkina”* [Portrayed and told in Belkin’s Tales]. Moscow, Kanon+ Publ., 2020. 192 p.
 10. Stennik Yu. V. [The Concept of the 18th century in Pushkin’s Creative Quests]. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. 11* [Pushkin. Research and Materials. Vol. 11]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 76–87.
 11. Shmid V. [Narratology of Pushkin]. In: *Pushkinskaya konferenciya v Stenforde, 1999: materialy i issledovaniya* [Pushkin Conference at Stanford, 1999: Materials and Research]. Moscow, OGI Publ., 2001, pp. 300–317.
 12. Shpilevaya G. A., Bakhmetieva I. A., Bezrukova V. V. [The Conception of A. S. Pushkin’s and M. S. Zagoskin’s Historical Novel: On the Poetics of Classical and Belletristic Works]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 419, pp. 72–78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Alpatova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т. А. «Игра с читателем» как средство реализации историко-литературной концепции А. С. Пушкина (к проблеме «Пушкин и рококо») // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 42–51.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-42-51

FOR CITATION

Alpatova T. A. Game with the Reader as a Means of Implementing the Historical and Literary Concept of A. S. Pushkin (On the Problem “Pushkin and Rococo”). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 42–51.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-42-51

УДК 821.161

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕКСТ ПУШКИНА

Дергачева И. В.*Московский государственный психолого-педагогический университет**121248, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, д. 3, корп. 2, кв. 172, Российская Федерация***Цель.** Выявление значения итальянской культуры для личности Пушкина.**Процедуры и методы.** Материалом статьи стал весь корпус литературного наследия Пушкина – его лирика, поэмы, драматические произведения, автобиографическая проза и письма. В основу исследования положены метод сплошной выборки, биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, а также историко-функциональный подходы, позволяющие целостно представить особенности «итальянского текста» Пушкина.**Результаты.** Раскрыты содержательные аспекты «итальянского текста» Пушкина, которые связаны с концептами «красоты», «свободы», «итальянской оперы». Системно представлена степень знания Пушкиным итальянского языка, выявлены детали его знакомства с итальянской культурой. Выдвинута гипотеза о том, что Пушкин намечает пути развития русской литературы по аналогии с литературой Италии. Сформулированы предложения по тематическому делению «итальянского локусного текста» Пушкина.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Теоретическая значимость исследования связана с системной репрезентацией итальянской темы в творчестве Пушкина и углублённой разработкой проблемы «локусного текста» в русской литературе.**Ключевые слова:** искусство, «итальянский текст» Пушкина, итальянский язык, локусный текст, опера, свобода**Благодарности.** Работа выполнена за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00479: «Межкультурный диалог России и Италии в эпоху “Великих реформ” Российской империи и итальянского Рисорджименто» – <https://rscf.ru/project/24-28-00479>.

ITALIAN TEXT OF PUSHKIN

I. Dergacheva*Moscow State University of Psychology and Education**nab. Tarsa Shevchenko 3/2, Moscow 121248, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the importance of Italian culture for Pushkin's personality.**Methodology.** The material of the article was the entire corpus of Pushkin's literary heritage – his lyrics, poems, dramatic works, autobiographical prose and letters. The research is based on the continuous sampling method, biographical, cultural-historical, comparative-historical, as well as historical-functional approaches that allow us to holistically present the features of Pushkin's "Italian text".**Results.** The article reveals the substantive aspects of Pushkin's "Italian text", which are associated with the concepts of "beauty", "freedom", "Italian opera". The degree of Pushkin's knowledge of the Italian language is systematically presented, the details of his acquaintance with Italian culture are revealed. The hypothesis is put forward that Pushkin outlines the ways of development of Russian literature by analogy with the literature of Italy. Proposals on the thematic division of Pushkin's "Italian locus text" are formulated.

Research implications. The theoretical significance of the study is related to the systematic representation of the Italian theme in Pushkin's work and the in-depth development of the problem of "locus text" in Russian literature

Keywords: art, Pushkin's "Italian text", Italian language, locus text, opera, freedom

Acknowledgments. The work was done due to a grant from the Russian Scientific Foundation 24-28-00479: "Intercultural dialogue of Russia and Italy in the era of the "Great reforms" of the Russian Empire and the Italian Risorgimento" – <https://rs.cf.ru/project/24-28-00479>.

Введение

Проблемам локусного текста в настоящее время уделяется много внимания. Так, им посвящён юбилейный сборник «Восток – Запад», выпущенный к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга [6]. Подзаголовок сборника «Пространство локального текста в литературе и фольклоре» закономерен, ибо Гольденберг известен как блестящий знаток «царицынского» и многих других локальных текстов, введённых им в научный оборот. Пространство, представленное в статьях раздела «Локусы России в отечественной и мировой литературе», простирается от Урала, Русского Севера («северный текст» А. Ремизова в статье Ю. В. Розанова, «северное пространство» в поэзии Н. Гумилёва у А. А. Чевтаева), Сибири (Я. Войдович о «сибирском тексте» В. Сорокина) к полиэтнической топики Владивостока (Т. В. Краюшкина), лермонтовскому Пятигорску (Я. В. Погребная), польско-русским образам пространства А. Мицкевича (Л. А. Шестак) и «каприйскому тексту» в творчестве Л. Н. Андреева. Описывая итальянские фольклорные источники новеллы Л. Н. Андреева «Рогоносец», Р. Джулиани подчёркивает, что, «не переписи... Андреев» эту страницу истории Капри, она «была бы навсегда утрачена» [6, с. 240].

Тема «Пушкин и Италия» исследована в разных аспектах: изучены литературные связи [1; 2; 3; 10; 12; 13], доказано, что поэт блестяще владел итальянским языком [1; 3; 5; 8; 10; 13]. А. М. Букалов в монографии «Пушкинская Италия» осветил связь Пушкина с Италией и её культурой [4]. Эпитет «итальянский» в творческом и эпистолярном наследии А. С. Пушкина исследован в статье А. Ю. Незнамовой [12].

Ф. М. Достоевский об А. С. Пушкине: идеологема «всечеловек»

В знаменитой Пушкинской речи, произнесённой 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, писатель назвал великого русского поэта «всечеловеком», указав на его необыкновенную способность глубоко чувствовать не только свою национальную культуру, но и европейскую и «уметь перевоплощаться вполне в чужую национальность»: «Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин ... Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность ... Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только ... стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите ... мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения»¹.

Термин «всечеловек» был употреблён по отношению к А. С. Пушкину как к писателю, создавшему шедевры прецедентных текстов, стилизовав их под европейские, оставаясь при этом на русской национальной почве.

В Италии Пушкин так и не побывал, несмотря на то, что служил в Коллегии иностранных дел, называл себя «*краёв чужих неопытным любителем*», и из двадцати человек, подписавших устав литературного общества «Арзамас», за границу, кроме Пушкина, съездили все. Из множества лю-

¹ Достоевский Ф. М. Пушкинская речь // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 145–148.

бимых стран Италия была особенно дорога сердцу поэта, она была для Пушкина «заветнейшей и любимейшей мечтой жизни». В пушкинских текстах, как следует из «Словаря языка Пушкина», прилагательное «итальянский» встречается 21 раз, а существительное «итальянец» в разных грамматических формах упоминается также 21 раз¹.

Концепт «Италия» в творчестве Пушкина

Что же для А. С. Пушкина связано с концептом «Италия»?

1. Концепт «Красота». Представляется, что как и для других русских писателей, увлечённых красотой памятников культуры Италии, для А. С. Пушкина эта страна является прежде всего той самой красотой, которой «мир спасётся». В стихотворении «Кто знает край, где небо блещет...» 1828 г. Пушкин описывает любимые образы Италии:

*Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою,
Где море тёплой волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?*

*Волишебный край, волишебный край,
Страна высоких вдохновений ...²*

Поэт ставит знак равенства между собой и итальянским гондольером, полным поэтического вдохновения:

*Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывёт,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поёт.
Он любит песнь свою, поёт он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоки
Преследуют во мгле мой парус одинокий,
Как он, без отрыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю³.*

Гармонический синтез красоты итальянской природы, поэтического наследия Италии, символизированного в образе «Торквато величавого», живописи Возрождения, олицетворённой фигурой Рафаэля, скульптуры, представленной образом оживлявшего мрамор резца Кановы, завершается величественным образом «сурового мученика» Байрона, олицетворяющего обобщённый образ почитателя Италии во всём блеске её духовной и физической красоты.

Говоря об Италии, Пушкин употребляет всегда самые восторженные, «звучные» эпитеты: «прекрасная», «святая», «волшебная» и особенно часто «счастливая» и «златая»: «Златой Италии роскошный гражданин»⁴, «Язык Италии златой звучит по улице весёлой»⁵, «Близ мест, где царствует Венеция златая...»⁶, «Сыны Авзонии счастливой слегка поют мотив игривый...»⁷. Вспомним, что прилагатель-

¹ Итальянский // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 2 / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. С. 278.

² Пушкин А. С. Кто знает край, где небо блещет... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 53.

³ Пушкин А. С. Близ мест, где царствует Венеция златая... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 24.

⁴ Пушкин А. С. К Овидию // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1962. С. 68.

⁵ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1962. С. 175.

⁶ Пушкин А. С. Близ мест, где царствует Венеция златая // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 24.

⁷ Пушкин А. С. Отрывки из приключений Онегина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1964. С. 208.

ное *золотой* в мировой христианской культуре связано с представлением о рае. Как и для Ф. М. Достоевского, Италия со своей прекрасной природой, на фоне которой так органично смотрятся памятники её искусства, представляется для поэта своеобразным локусом рая, к которому всю жизнь стремится душа.

В заметке «О народной драме и драме «Марфа Посадница»» Пушкин поднимает вопрос о сущности прекрасного. Он выступает против распространённого тезиса «педанта Готшеда» о том, что «главное достоинство искусства есть польза»: «И какая польза в Тициановой Венере и в Аполлоне Бельведерском?»¹ Правдоподобие тоже не является сущностью искусства – Пушкин приводит примеры, когда «величайшие русские писатели не повиновались сему правилу»: «У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полускиф Ипполит говорит языком молодого благовоспитанного маркиза. Римляне Корнелия суть или испанские рыцари, или гасконские бароны, а Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Со всем тем, Кальдерой, Шекспир и Расин стоят на высоте недостигаемой, и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов...»². Рассматривая искусство в драматургии, Пушкин приходит к выводу о необходимости для драматического поэта «глубокого, добросовестного исследования истины ... Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы, их предрассудки»³. Именно народ в своём историческом развитии и его истинное изображение является центром внимания поэта.

Инфернальные картины посмертного наказания Иуды представлены поэтом в стихотворении, названном «Подражание итальянскому»:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожёт уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа⁴.*

Почему стихотворение носит такое заглавие? Можно предположить, что евангельский сюжет ассоциируется у поэта с многочисленными его изображениями в итальянской живописи эпохи Возрождения.

2. Мечты о свободе. Тема Италии связана у поэта также с извечной мечтой о свободе. В южной ссылке, мечтая о побеге из России, Пушкин прежде всего думает об Италии:

*Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою молодой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви⁵.*

¹ Пушкин А. С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Наука, 1978. С. 212.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 151.

⁴ Пушкин А. С. (Подражание итальянскому) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Наука, 1963. С. 334.

⁵ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1962. С. 25.

Тема побега незадолго до смерти поэта звучала и в его словах, обращённых к О. Смирновой-Россет: «Увезите меня в одном из ваших чемоданов, ваш же боярин Николай меня соблазняет. Не далее как вчера он советовал мне поговорить с государем, сообщить ему о всех моих невзгодах, просить заграничного отпуска. Но всё семейство поднимет гвалт. Я смотрю на Неву, и мне безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароход... Если бы я это сделал, что бы сказали? Сказали бы: он корчит из себя Байрона» [цит. по 11, с. 100].

Тема свободы была связана в сознании Пушкина и с восстанием карбонариев в Италии 1820–1821 гг., с развитием итальянской свободолюбивой публицистической мысли (например, государственный деятель времён объединения Италии Джузеппе Гарибальди мечтал *«об идеальном мире, идеальной итальянской республике, где никто не будет ни в чём нуждаться и все окажутся равны»* (перевод наш. – И. Д.) [8, с. 49]). Как и декабристы, поэт с восторгом отнёсся к формированию национального самосознания Италии, видя сходство в развитии молодой русской нации с крепостным правом, жаждущей будущих «великих реформ» и объединяющейся Италией, стремящейся освободиться из-под гнёта иностранных держав.

В стихотворении «Лицинию» поэт обращается к римлянам с призывом к борьбе за освобождение своих земель, призывает их вспомнить великое прошлое Римской империи:

*О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?*¹

Несмотря на то, что Пушкин обращается к жителям древнего Рима, мысль поэта устремлена к его современникам, борющимся за свою национальную независи-

мость. Всем сердцем поэт сочувствует их борьбе:

*Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа?*²

Желание вырваться с друзьями в прекрасную Италию звучит и в стихотворении 1828 г.:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убягая:
К подножию ль стены далёкого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поёт уже ночной гребец.
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают роицы,
Повсюду я готов?*³

Обращаясь к теме желанной свободы, Пушкин пишет стихотворение, озаглавленное «К Пиндемонтти». Оно не имеет отношения к творческому наследию свободолюбивого итальянского поэта Ипполито Пиндемонтте (1753–1828), но можно предположить, что Пушкин был вдохновлён его стихами «Политические мнения» (1808), «Удар колокола св. Марка в Венеции» (1820) и пр. :

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова ...*

*Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья,
Вот счастье! вот права...*⁴

² Там же. С. 99.

³ Пушкин А. С. Поедем, я готов; куда бы вы, друзья... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 129.

⁴ Пушкин А. С. (Из Пиндемонтти) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 336–369.

¹ Пушкин А. С. Лицинию // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 98.

3. Итальянская опера. А. С. Пушкин очень любил и ценил итальянскую оперу. Об этом свидетельствует его эпистолярное наследие: «Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу»¹; «Правда ли, что едет к вам Россини и итальянская опера? – боже мой! это представители рая небесного. Умру с тоски и зависти»²; «Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне – скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы»³; «Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство итальянки»⁴.

«Весной 1823 года Пушкин переехал в Одессу. Здесь он попал в круг иных музыкальных впечатлений. В Одессе издавался музыкальный журнал, и устраивались концерты. Но особенно привлекательными для Пушкина были оперные спектакли. "Я нигде не бываю кроме в театре", – пишет поэт брату Льву в 1823 г. «В оперном театре был оркестр из 25 человек. Труппа была итальянской. В репертуаре сезона 1823–1824гг. значились оперы Россини "Севильский цирюльник", "Золушка", "Итальянка в Алжире", "Сорока-воровка"»⁵.

В повести «Метель» «арии из Жоконда» ассоциируются у Пушкина с торжествами по случаю славного окончания войны 1812 г.: «Между тем война со славою была окончена. Полки наши возвращались из-

за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жоконда»⁶.

Отрывок «Гости съезжались на дачу...» (1828–1830) начинается с описания поклонников оперы: «Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую итальянскую оперу»⁷. Один из героев отрывка, господин Р., как юноша из незаконченного произведения «Египетские ночи» бредит Флоренцией: «каждые пять минут повторяет с упоением: "Quand j'étais à Florence..."»⁸.

*«... Но ужь темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новый,
Онъ звуки льетъ, они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшего Аи
Струя и брызги золотые...*

И такъ, я жилъ тогда в Одессѣ...

Такихъ прямыхъ свидѣтельствъ объ увлеченіи Пушкина итальянской оперой много – и въ стихахъ, и въ прозѣ» [14, с. 49].

Итальянский язык в творчестве Пушкина

Выученный Пушкиным для чтения в подлиннике любимых итальянских писателей итальянский язык был назван им «роскошным языком, исполненным бле-

¹ Пушкин А. С. Л. С. Пушкину, 1823 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1977. С. 64.

² Пушкин А. С. А. А. Дельвигу, 1823 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1977. С. 59.

³ Пушкин А. С. Д. М. Шварцу, 1824 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1977. С. 91.

⁴ Пушкин А. С. П. А. Вяземскому, 1825 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1977. С. 134.

⁵ Шишкова М. П., Шишков К. А. Пушкин, музыка, эпоха [Электронный ресурс]. URL: <http://old-www.tverlib.ru/~shishkova/s04-text.htm> (дата обращения: 20.03.2024).

⁶ Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1964. С. 112.

⁷ Пушкин А. С. Гости съезжались на дачу // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 374.

⁸ Пушкин А. С. Гости съезжались на дачу // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 377.

ска и *concetti*»¹. В заметке «О “Ромео и Джульете” Шекспира» Пушкин восхищается описанными великим английским поэтом образами Италии: «Трагедия “Ромео и Джульета”, хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приёмов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что её должно почтить сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с её климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с её роскошным языком, исполненным блеска и *concetti*. Так понял Шекспир драматическую местность. После Джульеты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии. Поэт избрал его в представителе итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI в.»².

В домашней библиотеке Пушкина имелись книги итальянских авторов, которых в пушкинское время можно было прочитать либо на их родном языке, либо в переводе на французский язык. Пушкин увлёкся Италией в «садах Лицея», где выучил латинский язык и познакомился с римской литературой. Его знакомство с К. Н. Батюшковым – блестящим знатоком итальянской литературы и языка – способствовало открытию Пушкиным средневековой итальянской литературы и литературы итальянского Возрождения.

Пушкин обладает большими знаниями в области сопоставительного языкознания. В рецензии на книги стихотворений французских поэтов И. Делорма и Сент-Бёва поэт описывает влияние латинского языка на французский: «Заметим мимоходом, что законом о *giatus*е одолжены французы латинскому *элизиму*. По свойству латинского стихосложения слово,

кончающееся на гласную, теряет её перед другою гласною»³.

Тонко чувствующий текст Пушкин выступает против буквального перевода идиоматических выражений: «Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами»⁴.

Примером, подтверждающим слова Достоевского о народном характере пушкинских текстов, является заметка Пушкина «Опровержение на критики» (1830), где поэт указывает на народные корни двух языков – итальянского и русского: «Альфieri изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирам. Они говорят удивительно чистым и правильным языком»⁵.

В 1826 г. Пушкин переводит на русский язык без соблюдения стихотворной формы оригинала (октавы) строфы поэмы «Неистовый Роланд» знаменитого итальянского поэта и драматурга эпохи Возрождения Лудовико Ариосто (1474–1533). При жизни поэта это его произведение не было напечатано. Поэт выбирает один из драматичных эпизодов поэмы Ариосто, где бедный рыцарь узнаёт об измене своей возлюбленной. Его страдания Пушкин описывает, используя разнообразные тропы, характерные для поэтики романтизма:

Готов он в горести безгласной

Лишиться чувств, оставить свет.

Ах, верьте мне, что муки нет,

Подобной муке сей ужасной.

¹ Пушкин А. С. «Ромео и Джульета» Шекспира // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1964. С. 94.

² Там же. С. 243.

³ Пушкин А. С. Vie, poesies et pensees de Joseph Delorme // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1964. С. 243.

⁴ Пушкин А. С. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1964. С. 341.

⁵ Пушкин А. С. Опровержение на критики // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1964. С. 175.

*На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.*¹

Иногда Пушкин вставляет в свои тексты отдельные итальянские слова, всегда вносящие позитивную эмоциональную окраску, как, например, в письме к Л. С. Пушкину (январь (после 12) – начало февраля 1824 г.: «А мне bene там, где растёт трин-трава, братцы»². В повести «Метель», сочувствуя Марье Гавриловне, отличавшей гусарского полковника Бурмина, он прибегает к помощи итальянского языка, языка любви: «Se amore non e', che dunqut?» (Если это не любовь, то что это?..³).

На итальянском языке изъясняются герои неоконченного произведения «Египетские ночи» (1824–1835). Поэт Чарский и итальянец-импровизатор связаны общей способностью воспринимать прекрасное в поэтических страницах великого исторического прошлого, они оба талантливы и открыты пониманию красоты. Между ними больше общего, нежели у представителей светского общества, в окружении которого они изображены. Оба они способны чувствовать вдохновение. Так, про Чарского Пушкин пишет: «Однако ж он был поэт, и страсть его была неодолима: когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своём кабинете и писал с утра до поздней ночи»⁴. Чарский восхищается талантом импровизатора: «Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали её беспрестанно»⁵. Звонящие фразы итальянского языка, которые автор

вставляет в уста обоих героев, повторяются часто и образуют прекрасный фон для рассуждений героев о природе истинного таланта поэта. Импровизатор выдвигает тезис о том, что «Всякий талант неизъясним. Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера и выводит его на свет, резцом и молотом раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооружённая четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?»⁶ Во время вечера у княгини *** светское общество погружается в атмосферу прекрасной Италии: «Все с нетерпением ожидали начала; Наконец в половине осьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру из "Танкреда"»⁷. Публика оживилась и откликнулась на просьбу импровизатора написать ему темы: «... два журналиста, в качестве литераторов, почли обязанностью написать каждый по теме; секретарь неаполитанского посольства и молодой человек, недавно возвратившийся из путешествия, бредя о Флоренции, положили в урну свои свёрнутые бумажки; наконец, одна некрасивая девица, по приказанию своей матери, со слезами на глазах написала несколько строк по-итальянски и, покраснев по уши, отдала их импровизатору»⁸. Поэт мастерски показывает, как светское общество всё глубже погружается в атмосферу прекрасной Италии и рукоплещет импровизатору. В оппозиции «холодный север» и «полный страстей юг» благодаря таланту импровизатора выигрывает последний.

«Звуки итальянские» обозначают у Пушкина высшую степень поэтического восторга и красоты. Так, он пишет о вызвавших у него восхищение русских стихах Батюшкова в заметках на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова: «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков»⁹.

¹ Пушкин А. С. Из Ариостова "Orlando Furioso" // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 296.

² Пушкин А. С. Л. С. Пушкину // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 296.

³ Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1964. С. 77.

⁴ Пушкин А. С. Египетские ночи // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1964. С. 245.

⁵ Там же. С. 251.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 252.

⁸ Там же. С. 253.

⁹ Пушкин А. С. Заметки на полях // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 253.

Итальянская история и литература в текстах Пушкина

В текстах Пушкина, по наблюдениям Алексея Михайловича Букалова, содержится около ста итальянских записей: обширные выписки из Данте, Петрарки, Мадзони, Пиндемонте, оперные цитаты, термины и заглавия, названия литературных произведений и их авторов, восклицания и разного рода разговорные и эпистолярные «штампы» [4].

Пушкин прекрасно знал историю Италии, о чём свидетельствуют его «Замечания на Анналы Тацита», где он полемизирует с древнеримским историком: «Юлия, дочь Августа, славная своим распутством и ссылкой Овидия, умирает в изгнании, в нищете, – может быть, но не от нищеты и голода, как пишет Тацит. – Голодом можно заморить в тюрьме»¹.

В поэтическом наследии Пушкина постоянно упоминаются латинские поэты – Публий Вергилий Марон, Квинтус Гораций Флаккус, Альбий Тибулл, Тит Лукреций Кар, Гай Валерий Катулл, Публий Овидий Назон, Децим Юний Ювенал. В письме к А. А. Бестужеву в 1825 г. он называет их гениями: «У римлян век посредственности предшествовал веку гениев – грех отнять это титул у таких людей, каковы Вергилий, Гораций, Тибулл, Овидий и Лукреций, хотя они, кроме двух последних, шли столбовою дорогою подражания»².

В заметке «О поэзии классической и романтической» поэт описывает «смирненное начало романтической поэзии» и справедливо замечает, что «Италия присвоила себе её эпопею»³. О закате Римской империи, а с нею и латинского просвещения поэт пишет с нескрываемым разочарованием: «Западная империя клонилась

быстро к падению, а с нею науки, словесность и искусства. Наконец она пала: просвещение погасло. Невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота; в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскребали с пергамента стихи Лукреция и Вергилия и вместо их писали на нём свои хроники и легенды»⁴.

В рецензии на стихотворения Виктора Теплякова «Фракийские элегии» Пушкин приводит блестящий анализ творчества Овидия: «Героиды, элегии любовные и самая поэма “*Argis amandi*”, мнимая причина его изгнания, уступает “Элегиям понтийским”. В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твёрдостью на счёт бедного изгнанника, а с живостью заступает за него»⁵.

Пушкин прекрасно разбирается в истории итальянской литературы. В том же письме Бестужеву он пишет: «В Италии Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту, сии предшествовали Alfieri и Foscolo»⁶. В письме 1825 г. П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину поэт полемизирует с Полевым: «Ты вызываешься сосводничать мне Полевого. Дело в том, что я рад помогать ему, а условий верно никаких не выполню – следственно и денег его мне не надобно. Да ты смотри за ним – ради бога! и ему случается завираться. Например, Дон Кихот искоренил в Европе странствующих рыцарей!!! – В Италии, кроме Dante единственно, не было романтизма. А он в Италии-то и возник. Что ж такое Ариост? а предшественники его, начиная от Buono

¹ Пушкин А. С. Замечания на анналы Тацита // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1978. С. 98.

² Пушкин А. С. А. А. Бестужеву // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 98.

³ Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 26.

⁴ Там же. С. 24–25.

⁵ Пушкин А. С. Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 289.

⁶ Пушкин А. С. А. А. Бестужеву // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 114.

d'Antona до Orlando innamorato? как можно писать так наобум!»¹

Как и для русской литературы, так и для итальянской словесности особое значение представляют итальянские сказки как древнейший жанр итальянского фольклора: «Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостию необыкновенной. Из них *Porcia*, кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, посевшего вдруг; разговор двух любовников на море – всё это прелесть»².

Данте Алигьери занимает особое место в итальянских увлечениях Пушкина. В любви к великому итальянскому поэту Пушкин признаётся в стихотворении 1828 г.:

*Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих –
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнюю порой.*³

Обоих поэтов роднит то, что они оба стали создателями своих национальных литературных языков. Дантовские цитаты у Пушкина встречаются в «Евгении Онегине», в других произведениях и письмах. Центральное место в пушкинских размышлениях о Данте занимает «Божественная комедия». Ряд стихотворений поэта написан дантовскими терцинами. Поэт признаётся в своём увлечении излюбленным жанром Данте и Петрарки – сонетом:

*Суровый Дант не презирал сонета;
В нём жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камознс облекал.*

*И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.*⁴

Именно в итальянском жанре сонета Пушкин выражает свою любовь к невесте:

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*⁵

В стихотворении «Подражание итальянскому» Пушкин разворачивает перед читателем inferнальные образы наказания Иуды, предавшего Христа, вдохновлённые Дантовскими видениями ада в «Божественной комедии»:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной*

*И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И Сатана, привстав, в веселии на лице
Лобзанием своим насквозь прожог уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.*⁶

Любимого поэта Петрарку Пушкин цитирует в стихотворениях «Приятелю», «Сонет», в статьях «Об альманахе «Северная лира»», «О причинах, замедливших ход нашей словесности...», в своём эпистолярном наследии, в романе в стихах «Евгений Онегин» (главы 1, 3 и

¹ Пушкин А. С. П. А. Вяземскому // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 118.

² Пушкин А. С. Об Альфреде Мюссе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 146.

³ Пушкин А. С. Зорю бьют... из рук моих... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 142.

⁴ Пушкин А. С. Сонет // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 158.

⁵ Пушкин А. С. Мадонна // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 166.

⁶ Пушкин А. С. Подражание итальянскому // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 334.

6). Эпиграфом к шестой главе «Евгения Онегина» Пушкин берёт строки 49 и 51 из канцонны Петрарки «O aspettata in ciel, beata e bella...» (канцонны I к Джакомо Колонне):

*Là, sotto I giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole. Petr.
(Там, где дни облачны и кратки, ...
Рождается племя, которому не больно умирать).¹*

В «Ответе “Русскому вестнику”» Достоевский сопоставляет аксиологические представления двух народов, обращаясь, как и в «Легенде о великом инквизиторе», к помощи Пушкина, чьи поэтические строки в качестве блестящего медиатора двух культур проясняют отношения писателя к католическому макабру: «И теперь импровизатор “Ночей” мог бы слышать новый смех над ним северных варваров. Станный мы народ в самом деле! Очень справедливо, кажется, Пушкин применил к нам стихи Петрарки:

*Là sotto i giorni nubolosi e brevi
Nasce un'f gente a cui l'morir non dole.*

Когда нам говорят о смерти, когда кланутся богами ада и указывают нам на смертную секиру и падающие головы, мы слушаем с северною холодностью; нас это не трогает; не ужасает» [цит. по 7, с. 179–180].

Дважды упоминается Пушкиным Джованни Боккаччо (1313–1375): в статье «О новейших блюстителях нравственности» («разбирал её как самую вольную сказку Бокаччио»²) и в письме к Елизавете Михайловне Хитрово («это, конечно, вполне достойно “Декамерона”»³ – от 10 сентября 1831 г.).

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1964. С. 119.

² Пушкин А. С. О новейших блюстителях нравственности // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 91.

³ Пушкин А. С. Переводы иностранных писем // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т.

Торквато Тассо (1544–1595) Пушкин называл «Торквато величавым» и очень высоко ценил его творчество. В заметках на полях второй части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова Пушкин, критикуя его элегию «Умиравший Тасс», называя её «ниже своей славы», превозносит поэзию Тассо: «Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия (см. замечание), ничего не видно. Это – умирающий Василий Львович, а не Торквато»⁴. Главный персонаж поэмы Тассо «Освобождённый Иерусалим» Армида стала для Пушкина символом женской красоты. Её имя упоминается у поэта в поэме «Руслан и Людмила» («Прекраснее садов Армиды...»⁵), в первой главе «Евгения Онегина» («Лобзать уста младых Армид...»⁶), в стихотворениях «Ушаковой» («Что нежным взором вы Армида...»⁷), «К вельможе» («Армида молодая...»⁸), «Осень», («...в саях с Армидами младыми...»⁹).

В автобиографических заметках Пушкина представлена апология Никколо Макиавелли (1469–1527 гг.), «великого знатока природы человеческой»: «Езуит Посвин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти Макиавеллевоу. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных.

Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 661.

⁴ Пушкин А. С. Заметки на полях // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 411.

⁵ Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Л.: Наука, 1963. С. 38.

⁶ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1964. С. 214.

⁷ Пушкин А. С. Ел. Н. Ушаковой. В альбом // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 102.

⁸ Пушкин А. С. К вельможе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 160.

⁹ Пушкин А. С. Осень // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 246.

Учёный Conringius, издавший “*Il principe*” в 1660 году, доказал, что Посвин никогда не читал Макиавелля, а толковал о нём понаслышке¹.

Особенно Пушкин восхищался Сильвио Пеллико (1789–1854), чей трактат «Об обязанностях человека» в своей рецензии на русский перевод книги в 1830 г. сравнивает с Евангелием: «На днях выйдет из печати новый перевод книги “*Dei doveri degli uomini*”, сочинения славного Сильвио Пеллико ... И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя»².

Блестящей импровизацией на тему Древнего Рима является неоконченное произведение Пушкина «Повесть из Римской жизни». Перед нами оживают имена Гая Юлия Цезаря, которого издали сопровождает герой отрывка, Тита Петрония, древнеримского писателя и проконсула, которого вызывает к себе жестокий Нерон, Флавия Аврелия. Поэт, от лица которого ведётся повествование, сочувствуя Петронию, в котором он видел «не только щедрого благодетеля, но и друга, искренно ко мне привязанного», переводит одну из од Анакреона «в память этого печального дня»³.

Заключение

«Итальянское» представлено у Пушкина сферой искусства, музыки (оперы, импровизации), языка. В зрелом возрасте его внимание привлекает итальянская литература и язык в качестве фона для сравнения с русской литературой. Пушкин намечает пути развития русской литературы по аналогии с литературой стран Европы и, в частности, Италии.

Любовь А. С. Пушкина к Италии оказалась взаимной. Уже сразу после смерти поэта в Итальянское консульство в Риме были принесены переводы его стихов на итальянский, выполненные итальянским подданным, которые до сих пор хранятся в Архиве Внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел. 6 июня 2000 г. в Риме был открыт памятник А. С. Пушкину. Надпись на белом мраморном постаменте гласит: «Александр Сергеевич Пушкин. Aleksandr Sergeevic Puškin, Mosca 1799 – San Pietroburgo 1837». И далее перевод на итальянский язык признание поэта в любви к Италии:

*«обетованной земле поэзии и неги
Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою?
Италия, волшебная земля,
Страна высоких вдохновений...»*

Общество при итальянском парламенте «Друзья Великой России» (*Amici della Grande Russia*) с 2014 года проводит конкурсы на вручение Международной Пушкинской Премии за достижения в области литературы, во время которых звучат стихи поэта в переводе на столь любимый им итальянский язык.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024.

¹ Пушкин А. С. Table-talk // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1964. С. 64.

² Пушкин А. С. Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 322.

³ Пушкин А. С. Повесть из римской жизни // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 412.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература / отв. ред. Г. П. Макогоненко, С. А. Фомичёв. Л.: Наука, 1987. 617 с.
2. Берков П. Н. Пушкин и итальянская культура // Проблемы исторического развития литератур. Статьи. Л.: Художественная литература, 1970. С. 273–370.
3. Благый Д. Д. Данте в сознании и в творчестве Пушкина // Историко-филологические исследования: сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада. М.: Наука, 1967. С. 237–246.
4. Букалов А. М. Пушкинская Италия. М.: Алетейя, 2007. 352 с.
5. Верховский Ю. Н. Пушкин и итальянский язык: (По поводу заметки Ф. Е. Корша) // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 11. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1909. С. 101–106.
6. Восток-Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сборник статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. 471 с.
7. Дергачева И. В. Историко-культурный концепт «Италия» в произведениях Ф. М. Достоевского // Новый исторический вестник. 2021. № 68 (2). М.: Издательство Ипполитова, 2021. С. 174–183.
8. Канель И. В. Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Т. 9. № 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2022_n4/Kanel (дата обращения: 21.02.2024).
9. Корш Ф. Е. Знал ли Пушкин по-итальянски? // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 7. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. С. 54–56.
10. Лотман Ю. М. К проблеме «Данте и Пушкин» // Временник Пушкинской комиссии, 1977. Л.: Наука, 1980. С. 88–91.
11. Мережковский Д. Пушкин // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX. М.: Книга, 1990. С. 92–160.
12. Незнамова А. Ю. Эпитет «итальянский» в творческом и эпистолярном наследии А. С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 34–38.
13. Розанов М. Н. Пушкин и Данте // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 37. Л.: Издательство АН СССР, 1928. С. 11–41.
14. Томашевский Б. В. Пушкин и итальянская опера // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 31/32. Л.: Издательство АН СССР, 1927. С. 49–60.

REFERENCES

1. Alekseev M. P. *Pushkin i mirovaya literatura* [Pushkin and World Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 617 p.
2. Berkov P. N. [Pushkin and Italian Culture]. In: *Problemy istoricheskogo razvitiya literatur. Stat'i* [Problems of the Historical Development of Literature. Articles]. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1970, pp. 273–370.
3. Blagoy D. D. [Dante in Necessity and in the Work of Pushkin]. In: *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: sbornik statej k semidesyatiptyatiletiyu akademika N. I. Konrada* [Historical and Philological Studies: Collection of Articles for the Seventy-Fifth Anniversary of Academician N. I. Conrad]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 237–246.
4. Bukalov A. M. *Pushkinskaya Italiya* [Pushkinskaya Italy]. Moscow, Aletejya Publ., 2007. 352 p.
5. Verkhovsky Yu. N. [Pushkin and the Italian language: (About the Note of F. E. Korsh)]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya Vyp. 11*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1909, pp. 101–106.
6. Tropkina N. E., ed. *Vostok-Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klоре: sbornik statej k 70-letiyu professora A. H. Goldenberga* [East-West: the Space of Local Text in Literature and Folklore: Collections of Articles for the 70th Anniversary of Prof. A. H. Goldenberg]. Volgograd, Peremena Publ., 2019. 471 p.
7. Dergacheva I. V. [The Historical and Cultural Concept “Italy” in F. M. Dostoevsky’s Works]. In: *Novyy istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2021, no. 68 (2). Moscow, Izdatel'stvo Ippolitova Publ., 2021, pp. 174–183.
8. Kanel I. V. [Dante Alighieri and Risorgimento: Religious Aspect of Historical Connection]. In: *Yazyk i tekst* [Language and Text], 2022, vol. 9, no. 4. Available at: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2022_n4/Kanel (accessed: 21.02.2024).

9. Korsh F. E. [Did Pushkin Know Italian?]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya. Vyp. 7* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research. Vol. 7]. St. Peterburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1908, pp. 54–56.
10. Lotman Yu. M. [On the Problem of “Dante and Pushkin”]. In: *Vremennik Pushkinskoj komissii, 1977* [Temporary Journal of the Pushkin Commission, 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 88–91.
11. Merezhkovsky D. [Pushkin]. In: *Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. Konec XIX – pervaya polovina XX* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism. End of XIX – First Half of XX]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 92–160.
12. Neznamova A. Yu. [The epithet “Italian” in Alexander Pushkin’s literary, journalistic and epistolary works]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2022, no. 480, pp. 34–38.
13. Rozanov M. N. [Pushkin and Dante]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya. Vyp. 37* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research. Vol. 37]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1928, pp. 11–41.
14. Tomashevsky B. V. [Pushkin and Italian Opera]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya. Vyp. 31/32* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1927, pp. 49–60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дергачева Ирина Владимировна – профессор кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков, современных коммуникаций и управления Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: DergachevaIV@mgppu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Dergacheva – Prof., Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management, Moscow State University of Psychology and Education;
e-mail: DergachevaIV@mgppu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дергачева И. В. Итальянский текст Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 52–65.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65

FOR CITATION

Dergacheva I. V. Italian Text of Pushkin. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 52–65.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76

ОТЗВУКИ ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Киселева И. А., Поташова К. А.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрытие влияния поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» на художественный мир Лермонтова, на его представления о женском идеале и сущности любви.

Процедура и методы. Объектом исследования является рецепция Лермонтовым поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в аспекте художественного претворения её сюжетики, образности, духовного содержания. Посредством анализа таких лермонтовских произведений, как «Грузинская песня», «Две невольницы», поэтического послания «На светские цепи...» даётся целостное исследование динамического восприятия Лермонтовым пушкинской поэмы. Методология работы связана с использованием биографического, культурно-исторического, сравнительно-исторического, эстетического подходов, позволяющих выявить творческие переключки Пушкина и Лермонтова, уточнить особенности личного восприятия человека и специфику художественного метода двух поэтов.

Результаты. Художественное осмысление поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» у Лермонтова двухэтапно. Если на раннем этапе творчества он воспринимает и претворяет в своей поэзии её сюжетику и наиболее яркие черты изображённых характеров, то в зрелом творчестве «Бахчисарайский фонтан» получает онтологическое осмысление, связанное с пониманием женской красоты и феномена любви как духовной силы, определяющей состояние человека и судьбы истории. Наиболее значимым в усвоении пушкинской традиции представляется посвящённое М. А. Щербатовой стихотворение «На светские цепи...». Женский образ в стихотворении Лермонтова являет собой синтез художественного опыта Пушкина, воспринятого Лермонтовым в доверии постоянной памяти его текста, и его личного опыта восприятия духовного начала женской красоты.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с уточнением особенностей преломления пушкинской традиции в творчестве Лермонтова, с конкретизацией значения пушкинского текста в формировании мирозерцания Лермонтова.

Ключевые слова: женский идеал, красота, Лермонтов, литературная традиция, портрет, Пушкин

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00207, «Лирика М. Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика».

ECHOES OF A. S. PUSHKIN'S POEM "THE FOUNTAIN OF BAKHCHISARAI" IN THE ARTISTIC WORLD OF M. Y. LERMONTOV

I. Kiseleva, K. Potashova*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the influence of Pushkin's poem "The Fountain of Bakhchisarai" on Lermontov's artistic world, on his ideas about the female ideal and the essence of love.

Methodology. The object of the study is Lermontov's reception of Pushkin's poem "The Fountain of Bakhchisarai" in the aspect of the artistic implementation of its plot, imagery, and spiritual content. Through the analysis of such Lermontov's works as "The Georgian Song", "Two Slaves", the poetic message "On secular chains ...", a holistic study of Lermontov's dynamic perception of Pushkin's poem is given. The methodology of the work is connected with the use of biographical, cultural-historical, comparative-historical, aesthetic approaches, which make it possible to identify the creative roll calls of Pushkin and Lermontov, to clarify the features of a personal perception and the specifics of the artistic method of the two poets.

Results. Lermontov's artistic interpretation of Pushkin's poem "The Fountain of Bakhchisarai" is two-stage. If at an early stage of his work he perceives and implements in his poetry its plot and the most striking features of the depicted characters, then in his mature work "The Fountain of Bakhchisarai" receives an ontological understanding associated with the understanding of female beauty and the phenomenon of love as a spiritual force that determines the human condition and the fate of history. The poem dedicated to M. A. Shcherbatova "On secular chains..." is the most significant in the assimilation of the Pushkin's tradition. The female image in Lermontov's poem is a synthesis of Pushkin's artistic experience, perceived by Lermontov in the trust of the constant memory of his text, and his personal experience of perceiving the spiritual principle of female beauty.

Research implications. The theoretical significance of the study relates to the clarification of the peculiarities of the refraction of the Pushkin's tradition in Lermontov's work and the concretization of the meaning of the Pushkin's text in the formation of Lermontov's worldview.

Keywords: female ideal, beauty, Lermontov, literary tradition, portrait, Pushkin

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00207, "M. Y. Lermontov's Lyrics of 1840: textual criticism, axiology, poetics".

Введение

Будучи художником глубоко оригинальным, Лермонтов обладал особой восприимчивостью к чужому тексту, и центральное место в его художественном мире занимает пушкинская поэзия. Влияние Пушкина на эстетическую систему Лермонтова – тема обширная и многогранная, не раз становившаяся предметом научного исследования, начиная ещё с вышедших в середине XIX в. статей «полемиического тона» [16, с. 139] о литературном преемстве Лермонтова по отношению к его великому предшественнику. Так, например, читаем у А. Д. Галахова: «Лермонтов, который в некоторых стихотворениях пишет стихом Жуковского, в "Новоселье", "Трёх пальмах", "Дарах Терека", "Споре", "Тамаре", возвысился до Пушкина, а в "Думе" и "Герое нашего времени" стал выше их» [4, с. 35]. Каждое новое обращение Лермонтова к творчеству Пушкина обнаруживает множество созвучий в историософских и гражданственных

идеях, связанных с «представлением об историческом значении России» [7, с. 98], в размышлениях об избранничестве поэта, ставших первым «опытом интерпретации» [8, с. 123] пушкинского «Пророка», явившегося «частью духовной вселенной Лермонтова» [8, с. 125]. В то же время в кругу многочисленных исследований творческих переключек двух поэтов не становилась предметом целостного исследования рецепция поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1823), отмечался лишь сам факт увлечения Лермонтовым «выдающимся произведением русской романтической поэзии» [15, с. 225], отразившийся в ранних поэмах, а также общность «фабульной схемы» [3, с. 360] пушкинской поэмы и «Двух невольниц» Лермонтова. Целью исследования является раскрытие влияния поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» на художественный мир Лермонтова, на его представления о женском идеале и сущности любви.

Принципы создания женских образов в поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан»

В сравнении с другими южными поэмами Пушкина «Бахчисарайский фонтан» стал поэмой «большей зрелости» [10, с. 7], отличающейся психологизмом и пристальным вниманием к портрету. Если остальные поэмы открываются схожими бытовыми зарисовками, представленными на фоне лунного пейзажа (как, например, «Кавказский пленник»: «В ауле, на своих порогах, / Черкесы праздные сидят. / ... // Текут беседы в тишине; // Луна плывёт в ночном тумане»¹), то в этой поэме кристаллизуется характер человека во всей его сложности, переданной посредством контрастов и парадоксов, введения в повествование истории каждого героя. Читатель сразу же видит Гирея, «хана грозного», воинственность которого понятна из риторических вопросов-перечислений того, отчего он может пребывать в унынии («На Русь ли вновь идёт войною, / Несёт ли Польше свой закон, / Горит ли местию кровавой»²), но в настоящем его не занимают войны и «бранная слава», на «сумрачном его лице» заметны «приметы печали»³, вызванные безответной любовью к пленённой христианке Марии. Согласно эстетике романтизма, поэма представляет собой сонм контрастов. С одной стороны, показана размеренная жизнь восточного гарема в многообразии его деталей, жизнь здесь, как точно отмечает И. В. Киреевский, «тесно соединена с окружающими предметами» [10, с. 7], слагающимися в общий образ, передающий неспешность бытия: «В прохладе яворов густых / Гуляют лёгкими роями»⁴; Вокруг игривого фонтана / На шёлковых коврах оне / Толпою резвою сидели»⁵. С другой

стороны, этому наслаждению противопоставляется порядок, который охраняет «сторож неотлучный»⁶, размеренность («В гареме жизнью правит лень»⁷) переходит в неестественно тянущееся время («Для них унылой чередой / Дни, месяцы, лета проходят»⁸), восхищение первозданной красотой и «детской радостью» жён Гирея, переданной в сравнениях с миром природы («Прелестниц обнажённый рой»⁹) чередуется с именованнием их «пленницами». Жёны сравниваются с «аравийскими цветами», живущими «за стёклами теплицы»¹⁰, что и акцентирует их диковинную красоту, не терпящую грубого обращения, но вместе с тем вносят негативный оттенок, выражением которого оказывается и рифма «теплицы» – «темницы» («В тени хранительной темницы / Утаены их красоты»¹¹).

На этом оценочно контрастном фоне Пушкин показывает крупным планом два женских образа – Марии и Заремы, – которые одновременно схожи и противоположны, обе они родились в христианской культуре, но если Мария пытается сохранить свою веру, то попавшая в плен ребёнком Зарема принимает нормы культуры ислама. Обе героини выросли на воле, в истории Марии поставлен акцент на отеческой любви и свободном волеизъявлении: «Для старика была закон / Её младенческая воля»¹². Красота её уподобляется цветущей весне: «Была, как вешний день, ясна»¹³. Рождённая на Кавказе Зарема также должна была расти в естественной среде, наложившей на неё отпечаток своенравия: «Я помню горы в небесах, / Потоки жаркие в горах, / Непроходимые дубравы, / Другой закон, другие нравы»¹⁴. «Другие нравы» – это отсутствие «теплиц» / «темниц», это мир вольности и природы. Не

¹ Пушкин А. С. Кавказский пленник // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 93.

² Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 155.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 160.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 165.

случайно Зарема вспоминает природу, которой в сценах изображения гарема почти нет. Обе героини сохраняют память о родной земле, не только Мария тоскует о своём прошлом, но и Зарема говорит о памяти сердца («но минувших дней / Предметы в памяти моей / Доныне врезаны глубоко»¹). И Мария, и Зарема прекрасны, как и все «пленницы», но всё же своей особенной красотой эти две героини выделяются из всех «прелестниц» хана Гирея. Красота обеих пленительна, разница лишь в том, что очаровывают они по-своему, в соответствии со своим внутренним миром. В красоте Марии подчёркивается возвышенный идеал: «Всё в ней пленяло: тихий нрав / Движенья стройные, живые»², такой образ позднее Пушкин представит ещё более развёрнуто в стихотворении «Красавица»: «Всё выше мира и страстей; / Она покоится стыдливо / В красе торжественной своей»³. Образ неземной красоты дополняется искренним хранением христианской веры: «Хранит один святой залог, // Одно божественное чувство»⁴, уподоблением ангелу: «Казалось, ангел почивал / И сонный слёзы проливал»⁵.

Красота Марии пленяет хана Гирея и рождает у него не только желание обладания, но и чувство преклонения. Красота Заремы иная, Отчизна ещё способна оживать в её детских воспоминаниях, но её личность подчинена страсти. Если Мария полна «смирненной верой», то Зарема, будучи, как ретроспективно показывает Пушкин, в том же положении, как Мария, уже «послушным сердцем ожидала»⁶ любви Гирея. Сама о себе она говорит: «Но я для страсти рождена»⁷. Умалчивая точ-

ный ответ, что стало причиной гибели Марии, и называя поэму символическим топосом, Пушкин размышляет в произведении о двух типах женской красоты – возвышенной, визуально представляемой в духе классической традиции с «томно-голубыми очами»⁸, и страстной – с очами «чернее ночи»⁹, гармонически связанным с земным миром. Создавая образы двух красавиц, Пушкин не только использует классические штампы блондинки и брюнетки, но представляет их психологически и онтологически наполненными, обнаруживая в романтической поэме возможности духовного реализма.

Поэма «Бахчисарайский фонтан» как объект внимания Лермонтова

О том, что Лермонтов был не просто знаком с поэмой Пушкина «Бахчисарайский фонтан», напечатанной в 1824 г. отдельным изданием в Москве, но и восхищён этим произведением, свидетельствует сделанный им в 1827 г. список поэмы в альбоме, условно названном «Тетрадь с копиями чужих произведений»¹⁰. Примечательно и то, что запись «Бахчисарайского фонтана» стала одним из первых известных автографов Лермонтова. Поэма переписана им практически в полном объёме за исключением «десяти стихов, посвящённых ночью Бахчисараю, и двух стихов из монолога Заремы» [15, с. 231]. Интерес Лермонтова к пушкинской поэме мог быть связан и с его генеалогией, известно, что по линии деда со стороны матери Лермонтов принадлежал к роду Арсеньевых, который восходил к «ханской династии Хаджи Гиреев» [6, с. 10], один из представителей этой династии и стал прообразом хана Гирея из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина.

Известна и биографическая подробность цитирования Лермонтовым стихов из «Бахчисарайского фонтана» для характеристики своей знакомой Екатерины

¹ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 165.

² Там же. С. 160.

³ Пушкин А. С. Красавица // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 287.

⁴ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 162.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же. С. 166.

⁸ Там же. С. 160.

⁹ Там же. С. 159.

¹⁰ М. Ю. Лермонтов. Тетрадь с копиями чужих произведений. ОР РНБ. Ф. 429 (Лермонтов). Ед. хр. 37. Л. 8–19.

Сушковой, адресату его знаменитого стихотворения «Нищий» (1831). Описывая ситуацию светского общения молодых людей, Е. А. Сушкова вспоминала, что Лермонтов для передачи её образа использовал стихи Пушкина, что было обусловлено как их знанием, так и схожими портретными деталями в облике Е. А. Сушковой («У меня чудные волосы и я до сих пор люблю их выказывать; тогда я их носила просто заплетённые в одну огромную косу, которая два раза обвивала голову») и Заремы из «Бахчисарайского фонтана»:

*«Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи»¹.*

Лицо, причёска и особенно глаза полагаются деталями, наиболее ярко передающими образ. Эту пушкинскую традицию полидетального портрета Лермонтов усваивает, её можно увидеть в стихотворениях «Черны очи» (1831), «Первая любовь» (1831), «Очи N/N», «Свершилось! Полно ожидать», «Она поёт, и звуки тают...», (1838), «Кинжал» (1838), «Слышу ли голос твой...» (1838), «К портрету» (1840), «На светские цепи...» (1840) и некоторых других, где особенное внимание заострено на женском лице. Обладая эстетической привлекательностью, пушкинский портрет Заремы не имеет этической оценки, а её красота не уступает красоте Марии. Но если Мария Потоцкая пленяет и миловидностью, и проявлением таланта, культуры, душевной утончённости («Природы милые дары // Она искусством украшала»²), то красота Заремы природно-страстная, она неоспоримо «прекрасна», тогда как о возвышенном строе души не говорится. Хан Гирей оставляет её ради невинной Марии, «пленительные» чёрные очи Заремы ока-

зываются неспособными соперничать с небесными очами польской красавицы за сердце Гирея. Это же противопоставление образов по типу красоты можно встретить и в поэме Лермонтова «Измаил-Бей». Любовь прекрасной лезгинки Зары с её ярким южным очарованием («Две косы тёмные»³) не может затмить «голубые очи» «нежных дев ледяной полуночи»⁴. Это противопоставление является типичным для эпохи романтизма, Пушкина восторгают и «черкесские глаза» А. О. Смирновой, и полные «детской простоты» и «томных выражений»⁵ глаза А. А. Олениной («Её глаза» (1828)).

Представленные в поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» два типа красоты находят своё претворение у Лермонтова. Близки поэту и пушкинские принципы портретирования, связанные с выхватыванием в женском образе выразительных глаз, в которых «акцентируется естественная искренность» [9, с. 43] и чистота, воплощённая в их светлом цвете («Глядят – и небеса играют / В её божественных глазах»⁶; «Встречу ль глаза твои / Лазурно-глубокие»⁷; «Прозрачны и сини, / Как небо тех стран, её глазки»⁸). Тёмного цвета глаза черкешенок притягивают лермонтовского героя («Взор девы сердце приковал»⁹), рождает «страсти и муки»¹⁰. Вероятно, что именно пушкинское изображение женских характеров в их антиномичности, а

³ Лермонтов М. Ю. Измаил-Бей // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 170.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Пушкин А. С. Её глаза // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 108.

⁶ Лермонтов М. Ю. Она поёт – и звуки тают... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 112.

⁷ Лермонтов М. Ю. Слышу ли голос твой... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 110.

⁸ Лермонтов М. Ю. М. А. Щербатовой // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 141.

⁹ Лермонтов М. Ю. Черкешенка // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 51.

¹⁰ Там же.

¹ Сушкова Е. А. Из «Записок» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 94–95.

² Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 160.

также мотив пленения красоты и пленения красотой, сопряжённые с мотивом любви, особенно привлекли Лермонтова в «Бахчисарайском фонтане». В стихотворении «Грузинская песня» (1829) Лермонтов изображает ситуацию трагического угасания в гареме старого армянина красоты молодой грузинки, в которой самыми прекрасными были «чёрные глаза»¹. Притом если у Пушкина гарем представлялся «теплицей», хотя и лишавшей свободы, но оберегающей красоту, то у Лермонтова он представляется своего рода крепостью («его высоки, крепки стены»²), в которой естественная природа грузинки увядает в результате преступного поступка ревнивого армянина.

В 1830 г. Лермонтов пишет короткую поэму балладного толка – «Две невольницы», в которой исследователи отмечали сюжетную близость к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина [13, с. 330] и «Корсару» Байрона. Но если Байрон в своей поэме скорее портретирует самого корсара Конрада и лишь намечает два типа женской красоты – гаремной красавицы Гюльнар, красота которой безусловна и подчёркивается в характеристике «женщина с божественным лицом»³, и добродетельной христианки Медоры, портрет которой может только угадываться по отдельным деталям: «двух голубых светил»⁴, «цвела спокойной красотой»⁵, «живая радость, всех других нежней»⁶. Примечательно, что данная Байроном характеристика «божественное лицо» отнюдь не приравнивается к воплощению «чистоты и света земных красавиц» [14], что характерно для русской поэзии первой трети XIX в., ей сопутствуют и более земные, портретные, характеристики «прекрасна, темноглаза

и строга»⁷, и подчёркивающее её страстность «бесстрашье»⁸. Однако при наличии подобных характеристик Байрон делает женские образы скорее подчинёнными, не развивая внутренней истории каждой, тогда как у Лермонтова они стоят на первом плане. В портретных характеристиках героинь Лермонтов следует и намеченным Байроном (и продолженной Пушкиным) образам темноокой и светлоокой красавиц, ставших «общекультурным идеалом той поры» [1, с. 140]. Лермонтовская Заира наделена «глазами голубыми»⁹, султан Ахмет именует её «ангел мой»¹⁰, признаётся в сильных чувствах, но гречанка не поддаётся султану, сохраняя верность своему возлюбленному («первой страсти я верна»¹¹). Гюльнара, будучи преступной красавицей, являет собой иной тип, яркой, южной красоты, поэт говорит о ней – «сидела смуглая»¹². Лермонтов не только представляет в «Двух невольницах» присутствующие в «Бахчисарайском фонтане» мотивы ревности, безответной любви, соперничества, но даёт свою, с опорой на Байрона интерпретацию гибели Марии. Если у Пушкина нет точных причин смерти Марии («Но что же в гроб её свело? / Тоска ль неволи безнадежной, / Болезнь, или другое зло?»¹³), и Зарема не представляется злодейкой, она лишь жертва своей страсти к хану Гирею, то причиной гибели гречанки Закры в «Двух невольницах» становятся именно преступные действия Гюльнары, недаром поэт использует и имя байроновской героини, и ставит эпиграфом к произведению высказывание из трагедии У. Шекспира «Отелло» “Eware, my Lord, of jealousy” («Остерегайтесь, милорд, ревности»)¹⁴, тем самым перенося

¹ Лермонтов М. Ю. Черкешенка // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 51.

² Там же. С. 55.

³ Байрон Д.-Г. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. С. 301.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Там же. С. 331.

⁶ Там же. С. 332.

⁷ Там же. С. 332.

⁸ Там же. С. 332.

⁹ Лермонтов М. Ю. Две невольницы // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 64.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Там же. С. 65.

¹² Там же. С. 65.

¹³ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 168.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. Две невольницы //

акцент на губительность страсти, хотя и исторический элемент не остаётся у него в забвении и связан с пунктирно намеченной темой «освобождения христианских земель от инокультурного владычества» [7, с. 93] и аллегорическим представлением движения истории, связанной с захватом Турецкой Империей греческих земель. Синтезируя в «Двух невольницах» традиции Байрона и Пушкина, Лермонтов демонстрирует способности художественного произведения к обогащению смыслов за счёт интертекста.

Стихотворение Лермонтова «На светские цепи...» как рефлексия поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»

Увлечение Лермонтова романтическими поэмами Пушкина не прошло бесследно и для его позднего творчества. Образ Марии из «Бахчисарайского фонтана» для Лермонтова явился своего рода женским идеалом, поэтическое воплощение которого можно наблюдать в его стихотворении «На светские цепи...» (1840). Стихотворение привлекает внимание как собственным словесным воплощением «необычайно привлекательного внешнего и внутреннего облика героини» [12, с. 283], так и аллюзиями к «Бахчисарайскому фонтану».

Очевидно, что положенная в основу стихотворения лирическая ситуация складывается из ведущих констант художественного мира Лермонтова – «иронически-скептические» [2, с. 102] оценки светского общества и восхищение прекрасным пейзажем, в котором «сливается человеческое и природное» [2, с. 106]. Контраст усиливается противопоставлением своеобразного уединения лирической героини, подчёркиваемом метафорой «светские цепи», с её внутренней независимостью, стержнем которой является христианская вера. Это противопоставление – уединения и одновременно сохранения веры и чистоты души – является одним из компонентов сближения образа лермонтовской героини

с образом Марии из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Но если Мария – пленница, и она не могла этого предотвратить, то героиня лермонтовского стихотворения представлена как человек, проявивший свободу выбора в образе своей жизни, и её волеизъявление поэт подчёркивает («она променяла»¹). Однако это не противоречит тому, что обе героини обладают сильной волей.

В «Бахчисарайском фонтане» Пушкин по отношению ко всему гарему использует череду ассоциаций, указующих на детскость населяющих гарем Гирей жён («Толпою резвою сидели / Ис детской радостью глядели, / Как рыба в ясной глубине / На мраморном ходила дне»²). Пленённая Мария также предстаёт почти ребёнком, недаром Пушкин изображает её досуг в отцовском доме, но в гареме радость она не может испытывать, т. к. возможность этого вступает в противоречие с её духовно-нравственными установками. И дело здесь прежде всего в том, что её нынешний повелитель является противником её веры. Душевное устройство Марии иерархично, её детскость как проявление природного свойства отходит на второй план, за необходимость хранить «святыню строгую» христианской веры «среди порочных упоений»³, но её вера от этого не теряет того, что подразумевается в христианской культуре под детским миром, а именно – свою абсолютность и чистоту. По отношению к своей героине Лермонтов прямо использует характеристику детства – «хранит она детскую веру»⁴, и в данном случае она служит синонимом духовной чистоты и полноты. Пушкинская Мария не испытывает любви земной, но она приобщена к источнику любви – к Богу, её томление

¹ Лермонтов М. Ю. На светские цепи... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 142.

² Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 158.

³ Там же. С. 162.

⁴ Лермонтов М. Ю. На светские цепи... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 142.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 64.

в земной неволе гарема и тоска по родине становится аналогом томления души в ожидании Небесной Отчизны, которая есть образ абсолютной свободы. Как точно отметил Ю. М. Манн, «силу она нашла в слабости, постоянство духа – и уповании на высшую волю» [11, с. 65]. Эту же «надежду на Бога»¹ хранит и лермонтовская героиня, именно вера позволяет ей сохранить цельность своей личности «среди ледяного, среди беспощадного света»².

Ю. М. Манн писал о том, что «ток ассоциативности» в «Бахчисарайском фонтане» связан с глаголом «хранит» [11, с. 68]: дворец «скрывает юную княжну»³, её уединённое жилище «святыню строго скрывает»⁴. Лирические размышления автора о хане Гирее фокусируются на том, что сердце даже в своих заблуждениях «хранит один залог святой»⁵. Развёрнутого ответа, что есть «залог святой» в прямом своём обозначении, в тексте поэмы не содержится, т. к. это «божественное чувство»⁶ обладает таинственной природой, оно именно сокрыто. Пушкинские многоточия после лирического размышления значимы. Используемый Пушкиным приём умолчания связан с попыткой осмысления им самого феномена тайны любви, который лежит в основании мира и который есть тот самый «пламень с юных дней»⁷, влекущий лермонтовского Мцыри из одноименной поэмы познать истинную свободу и любовь. Эта тайна любви меняет и пушкинского хана Гирея, обращаясь в сжигающий его «пламень безотрадный»⁸, источника которого он не понимает, но чувствует его присутствие в невинной Марии. Именно

эта тайна поразила и Лермонтова в явившейся прототипом лирической героини стихотворения «На светские цепи...» княгине М. А. Щербатовой.

При всём том, что созданный Лермонтовым образ ориентируется на пушкинскую Марию из «Бахчисарайского фонтана» и именно с ней являет выразительные текстовые переключки – как Мария «хранит один святой залог»⁹, так лермонтовская героиня «хранит» «детскую веру»¹⁰, всё же для его понимания важна вся система образов пушкинской поэмы. Рисуя неземной образ Марии, Пушкин создаёт и оттеняющий её красоту портрет прекрасной Заремы, и обобщённый портретный образ молодых жён Гирея. Задавая риторический вопрос: «Но кто с тобою, / Грузинка, равен красотою?»¹¹, поэт утверждает гармоническое совершенство «звезд<ы> любви, крас<ы> гарема»¹². Страсть Заремы земная, но от этого она не перестаёт быть отблеском любви в её онтологическом понимании, любовь для грузинки – мера и напряжение жизни. Г. П. Федотов отмечал, что «где сильнее всего напряжение жизни, там ближе всего и смерть: в буре, в огне, в любви»¹³. И это онтологическое напряжение жизни чувствуется и в судьбе хана Гирея, и в судьбе Заремы. Пушкин в «Бахчисарайском фонтане» раскрывает свои размышления о любви через несколько образов, через движение сюжета. Лермонтов пытается сфокусировать их в едином лирическом образе, одновременно размышляя над пушкинской поэмой и рефлексирова свой личный опыт общения с М. А. Щербатовой. Созданный Лермонтовым женский образ, наряду с неуловимостью, «исполнен<ностью> тайны»¹⁴

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 142.

³ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 161.

⁴ Там же. С. 161.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же.

⁷ Лермонтов М. Ю. Мцыри // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 163.

⁸ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 161.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Лермонтов М. Ю. На светские цепи... // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 142.

¹¹ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 159.

¹² Там же. С. 159.

¹³ Федотов Г. П. О Св. Духе в природе и культуре // Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. М.: Мартис, SAM & SAM, 1998. С. 234.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. На светские цепи... //

обладает живописной плотностью. Сравнения призваны эту живописность, осязаемую органами чувств, зрительно представить. При создании образа-портрета Лермонтов активно использует уподобления и сравнения. Только сравнительные обороты с союзом «как» в стихотворении встречаются четыре раза («как небо Украины», «как небо тех стран», «как ветер в пустыне», «как племя родное»¹). Сравнения позволяют приблизиться к неуловимой сущности той, кем поэт восхищается. Созданный Лермонтовым образ можно видеть и осязать через портретные характеристики. Констатация румянца «на щёчках пушистых», «уст ароматных», указания на то, что глаза её «прозрачны и сини»², а кудри золотистые делают образ земным и гармоничным. Сравнение портрета с пейзажем («как ночи тех стран её глазки»³), проявления чувств с действием природной стихии («как ветер пустыни и нежат, и жгут её ласки»⁴) создают эффект превышения её образа плотского человеческого обличья. При этом ни о каком пантеистическом мировосприятии речь идти не может, лирическая героиня вмещает в себя весь зримый мир, но не исчерпывается им. Она обладает возможностью духовного выбора, присущей только человеку, обладает даром слова, характеризующегося тайной («Исполнены тайной / Слова её уст ароматных»⁵), а значит, причастно к духовной бесконечности.

Идеальный женский образ в стихотворении Лермонтова «На светские цепи...», способный нести в себе движущую мир великую тайну любви («Полюбит не скоро, / Зато не разлюбит уж даром»⁶ – так звучат финальные стихи стихотворения), являет собой синтез духовного опыта Пушкина, воспринятого Лермонтовым в доверии постоянной памяти его текста, и его личного

опыта, психических особенностей переживания женской красоты, таящей в себе тайну любви.

Заключение

«Цветок, дитя и ангел» – так определял И. А. Ильин сущность женщины, ставя во главу именно её «природную тайну», понимаемую как «нежность и красоту», которые требуют «бережливости и восхищения» [5, с. 157]. Высказывание И. А. Ильина подтверждается всей русской поэзией, но наиболее рельефно такой образ представлен в лирике Пушкина и Лермонтова. Это связано с их духовным опытом, с особенностями личного восприятия человека, но также является и результатом творческого осмысления предшествующей литературы. Заданный в поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» образ прекрасной девы вдохновил Лермонтова на динамическую рефлексию о природе женской красоты. В раннем периоде Лермонтова привлекает именно пушкинский сюжет о гаремных красавицах, который, накладываясь на байроновский сюжет «Корсара», обретает логическое продолжение в связи с развитием мотива ревности («Грузинская песня», «Две невольницы»), или же обрастает аллегорической образностью для выражения имперских идей при столкновении различных культур («Две невольницы»). В позднем творчестве пушкинский текст у Лермонтова обретает большую духовную глубину, открывая возможность для постижения сущности человека, феномена любви, примером тому служит стихотворное послание М. А. Щербатовой, навеянное поэмой «Бахчисарайский фонтан». Если у Пушкина образ Марии – это почти неуловимый «гений чистой красоты», то Лермонтов раскрывает женский образ в полноте жизни, в её земном и небесном измерении, вкладывая в него и свой личный, и пережитый вместе с Пушкиным духовный опыт его героев.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 142.

¹ Там же. С. 142.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 400 с.
2. Аношкина-Касаткина В. Н. Сиротский мотив в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (об итогах творчества поэта) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 3. С. 101–109.
3. Благый Д. Д. Лермонтов и Пушкин: (Проблема историко-литературной преемственности) // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: сборник первый. М.: ОГИЗ; Государственное издательство художественной литературы, 1941. С. 356–421.
4. Галахов А. Д. Ответ г. Шевыреву на разбор его «Полной русской хрестоматии...». Ст. 2 // Отечественные записки. 1843. Т. 30. № 9. Отд. 8. С. 35–37.
5. Ильин И. А. Книга надежд и утешений. М.: Альта Принт, 2012, 383 с.
6. Казарин В. П., Новикова М. А. Украинский контекст творчества М. Ю. Лермонтова (некоторые методологические аспекты) // Вопросы русской литературы. 2014. № 28 (85). С. 5–23.
7. Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242
8. Киселева И. А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762.
9. Киселева И. А., Поташова К. А. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840): поэтика текста и образа // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463
10. Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: Путь, 1911. 300 с.
11. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
12. Назарова Л. Н. М. А. Щербатова и стихотворения Лермонтова, ей посвященные // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 278–284.
13. Нейман Б. В. Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев: Типография университета св. Владимира, 1914. 139 с.
14. Поташова К. А. Феномен Рафаэля в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: к проблеме родного и вселенского [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14154> (дата обращения: 02.06.2024).
15. Сандомирская В. Б. Лермонтовский альбом 1827 г. // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 213–232.
16. Телегина С. М. М. Ю. Лермонтов в критике журнала «Москвитянин» // Русско-Византийский вестник. 2021. № 2 (5). С. 130–165. DOI: 10.47132/2588-0276_2021_2_130.

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina V. N. *Russkij romantizm*. V. A. Zhukovskij, A. S. Pushkin [Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2014. 400 p.
2. Anoshkina-Kasatkina V. N. [Orphan theme in the Poem of M. Lermontov “Mtsyri” (“The Novice”) (on the Final Results of the Poet’s Creative Work)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2011, no. 3, pp. 101–109.
3. Blagoi D. D. [Lermontov and Pushkin: (The problem of Historical and Literary Continuity)]. In: *Zhizn’ i tvorchestvo M. Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy: sbornik pervyj* [Life and Creativity of M. Yu. Lermontov: Research and Materials: First Collection]. Moscow, OGIЗ Publ., State Publishing House of Fiction Publ., 1941, pp. 356–421.
4. Galahov A. D. [Reply to Mr. Shevyrev to the Analysis of His “Complete Russian Reader...”.]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 1843, vol. 30, no. 9, pp. 35–37.
5. Ilin I. A. *Kniga nadezhd i uteshenij* [Book of Hopes and Consolations]. Moscow, Alta Print Publ., 2012, 383 p.
6. Kazarin V. P., Novikova M. A. [Ukrainian Context of the Work of M. Yu. Lermontov (Some Methodological Aspects)]. In: *Voprosy russkoj literatury* [Questions of Russian Literature], 2014, no. 28 (85), pp. 5–23.

7. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [The Origins and Figurative Embodiment of the Mikhail Lermontov's Imperial Consciousness]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242
8. Kiseleva I. A. [“The Prophet” (1826) by A. S. Pushkin and “The Prophet” (1841) by M. Yu. Lermontov: A Comparative Semantics of the Motifs]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 111–129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762.
9. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Poem by M. Yu. Lermontov “To the Portrait” (1840): Poetic of the Text and Image]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 2, pp. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463
10. Kireevsky I. V. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 2* [Complete Works. Vol. 2]. Moscow, Put Publ., 1911. 300 p.
11. Mann Yu. V. *Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1995. 384 p.
12. Nazarova L. N. [Shcherbatova and Lermontov's Poems dedicated to Her]. In: *Lermontovskij sbornik* [Lermontov collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 278–284.
13. Neiman B. V. *Vliyanie Pushkina v tvorchestve Lermontova* [The Influence of Pushkin in the Work of Lermontov]. Kiev, Printing house of the University of St. Vladimir Publ., 1914. 139 p.
14. Potashova K. A. [Raphael's Phenomenon in A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov's Works: To the Problem Native and Universal]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14154> (accessed: 02.06.2024).
15. Sandomirskaya V. B. [Lermontov's Album of 1827]. In: *Lermontovskij sbornik* [Lermontov collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 213–232.
16. Teginina S. M. [M.Y. Lermontov in the Criticism of the “Moskvityanin” Journal]. In: *Russko-Vizantijskij vestnik* [Russian-Byzantine Bulletin], 2021, no. 2 (5), pp. 130–165. DOI: 10.47132/2588-0276_2021_2_130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: 79099227849@yandex.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: 79099227849@yandex.ru

Ksenia A. Potashova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселева И. А., Поташова К. А. Отзвуки поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 66–76.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76

FOR CITATION

Kiseleva I. A., Potashova K. A. Echoes of A. S. Pushkin's Poem “The Fountain of Bakhchisarai” in the Artistic World of M. Y. Lermontov. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 66–76.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76

УДК 82–65

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-77-88

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭСКИЗ АКАДЕМИКА Д. Н. АНУЧИНА ОБ А. С. ПУШКИНЕ И ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К НЕМУ В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ РГБ

Крутова М. С.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация**Российская государственная библиотека**119019, г. Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить, в какой степени хранящиеся в Отделе рукописей РГБ (ф. 10) рукописные материалы отражают содержание «Антропологического эскиза» об А. С. Пушкине Д. Н. Анучина.

Процедура и методы. При изучении рукописных материалов использовались палеографический, археографический и описательный методы. Для проведения анализа текста источников использовались историко-филологический, сопоставительный и биографический методы.

Результаты. Сделан вывод о том, что рукописные материалы личного фонда Д. Н. Анучина являются разножанровыми и соответствуют цели, которую ставил перед собой здесь Д. Н. Анучин – выяснить, каковы особенности физического и психического типа личности, наследственные черты и индивидуальные особенности великого русского поэта. Запланированный очерк об особенностях психического типа А. С. Пушкина не вошёл в публикацию, но сохранился в черновых рукописных материалах. «Антропологический эскиз» Д. Н. Анучина об А. С. Пушкине имеет большое значение для литературоведения, т. к. представляет собой основанное на большом фактическом материале многопрофильное гуманитарное исследование, в котором автор проявил себя как талантливый историк литературы и культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал об архивной пушкиниане Д. Н. Анучина и сформулированы предположения о том, что учёный проводил антропо- и психогенетические исследования личности А. С. Пушкина ещё до официального возникновения этих научных дисциплин.

Ключевые слова: антропогенетика, антропология, А. С. Пушкин, Д. Н. Анучин, литературоведение, психогенетика, рукопись

ANTHROPOLOGICAL SKETCH OF ACADEMIC D. N. ANUCHIN ABOUT A. S. PUSHKIN AND ITS PREPARATORY HANDWRITTEN MATERIALS IN THE DEPARTMENT OF MANUSCRIPTS OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY

M. Krutova*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation**The Russian State Library**ul. Vozdvizhenka 3/5, Moscow 119019, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose is to identify to what extent the manuscript materials stored in the Department of Manuscripts of the Russian State Library of Economics (F. 10) reflect the content of the “Anthropological sketch” about A. S. Pushkin by D. N. Anuchin.

Methodology. Paleographic, archaeographic and descriptive methods were used in the study of hand-written materials. Historical-philological, comparative and biographical methods were used to analyze the text of the sources.

Results. It is concluded that the handwritten materials of D. N. Anuchin's personal fund are of different genres and correspond to the goal set by D. N. Anuchin here – to find out what are the features of the physical and mental personality type, hereditary traits and individual characteristics of the great Russian poet. The planned essay on the peculiarities of the mental type of A. S. Pushkin was not included in the publication but was preserved in draft handwritten materials. D. N. Anuchin's "Anthropological Sketch" about A. S. Pushkin is of great importance for literary studies.

Research implications. The material on D. N. Anuchin's archival Pushkin studies is summarized, and suggestions are formulated that the scientist conducted anthropo- and psychogenetic studies of the personality of A. S. Pushkin even before the official emergence of these scientific disciplines.

Keywords: anthropogenetics, anthropology, A. S. Pushkin, D. N. Anuchin, literary criticism, psychogenetics, manuscript

Введение

Творческий и жизненный путь великого русского поэта А. С. Пушкина никогда не перестанет волновать исследователей, которые неизменно обращаются к творчеству великого поэта как к объекту своих постоянных исследований, так и в связи с проведением сравнительного анализа. В качестве примера можно привести работы современных исследователей: Т. А. Алпатовой [1], И. А. Киселевой [9], И. С. Сидорова [13] и др., которые в последнее время обращались к различным аспектам биографии и творчества А. С. Пушкина.

Академик Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1823) – выдающийся русский учёный в области естественных наук, однако написавший и несколько историко-филологических работ, хотя и с позиций учёного-антрополога. К изучению личности и творчества этого талантливого исследователя в разное время обращались учёные разных специальностей [2; 7; 8; 11; 14; 15; 16; 17; 18].

Среди многочисленных трудов Д. Н. Анучина особое место занимает исследование «А. С. Пушкин. Антропологический эскиз», опубликованное им в 1899 г. в нескольких номерах «Русского Вестника». В нём он анализирует особенности физического и психического типа личности, наследственных черт великого поэта. В этом же году эти статьи

были объединены в одном издании, в том же издательстве и тоже на газетной бумаге [3]. Следует заметить, что теоретические положения для написания этого труда находятся в более ранних работах учёного [4].

Однако публикации «Антропологического эскиза» предшествовала кропотливая работа учёного по изучению истории родословной А. С. Пушкина, истории портретных и скульптурных изображений и др., о чём свидетельствуют хранящиеся в отделе рукописей РГБ материалы в личном фонде Д. Н. Анучина¹. В основном это черновые наброски, но есть и беловые записи.

Исследователи об архивной «пушкиниане» Д. Н. Анучина

К архивной «пушкиниане» Д. Н. Анучина обращались учёные разных гуманитарных специальностей. Так, в 1939 г. в «Трудах Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина» вышла небольшая книговедческая статья И. В. Фёдорова, предвещающая публикацию некоторых писем к Д. Н. Анучину от родственников и знакомых А. С. Пушкина [16, с. 157–167]. Там же была опубликована краткая обзорная статья Г. П. Георгиевского «Рукописи

¹ Анучин Д. Н. Материалы о А. С. Пушкине // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 1–70.

А. С. Пушкина во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина» с приложением частично аннотированного списка единиц хранения (правда, без указания шифров) под названием «Пушкиниана по архивным материалам Д. Н. Анучина» [5, с. 169–174]. Там же помещена ещё одна обзорная статья П. А. Попова «Новые шаржи и портреты лиц пушкинского окружения» [12, с. 189–193]. К сожалению, опубликованные тогда списки рукописей актуальны в настоящее время лишь частично, т. к. летом 1948 г. все рукописи с автографами поэта, его личные вещи и наиболее ценные архивные материалы в связи с празднованием 150-летия А. С. Пушкина были переданы из ГБЛ в Пушкинский Дом в Ленинграде.

Труд Д. Н. Анучина об А. С. Пушкине не остался без внимания исследователей. Так, вспоминает его в своей кандидатской диссертации искусствовед В. В. Кибовский в связи с портретом деда великого поэта Абрама Петровича Ганнибала [8, с. 22]. Несколько более подробно в связи с антропологическими разысканиями Д. Н. Анучина охарактеризовала это сочинение в своей монографии М. Могильнер [11], посвятившая одну главу своего исследования «Антропология имперского разнообразия Дмитрия Анучина, “Вирхов” русской антропологии» рассмотрению антропологических изысканий этого учёного об А. С. Пушкине. Автор дала высокую оценку тому, что «с тщательностью, достойной профессионального пушкиноведа-биографа, Анучин собрал все доступные тогда данные о наследниках Ганнибала, проанализировал все сохранившиеся корректы и описания», однако при этом заметила, что для учёного был важен «один вопрос: какая эта была кровь, к какой расе принадлежал, где была его родина» [11, с. 223]. Это замечание представляется неточным, т. к. Д. Н. Анучин во вступлении к своему исследованию несколько иначе определяет его цель, для него важно именно антропологическое изучение личности поэта, в крови которого течёт кровь разных национальностей, но русского по своей сути. Под антропологическим изу-

чением учёный понимает «выяснение типа личности, типа физического и психического, в анализе её наследственных черт и индивидуальных особенностей, наконец, в изучении тех прижизненных впечатлений, которые могли иметь влияние на духовный склад и творчество писателя» [3, с. 2]. Исходя из этого, он говорит, что ему «для полного выяснения личности Пушкина необходимо подвергнуть обстоятельному изучению как его наследственные черты, так и сумму тех прижизненных влияний, которые могли отразиться на складе и развитии его художественного таланта» [3, с. 2].

Следует отметить также современное исследование филолога Д. Н. Черниговского, который в статье «Об опыте изучения личности А. С. Пушкина в психологической науке дореволюционной России» [17] обратил к рассматриваемому сочинению Д. Н. Анучина и определил его значение в контексте работ современников учёного, и известных специалистов по психиатрии И. Ф. Чижа «Пушкин как идеал душевного здоровья» [18], И. А. Сикорского «Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина» [14].

О содержании

«Антропологического эскиза»

В предисловии, которым Д. Н. Анучин предваряет своё исследование, он говорит об огромном значении творчества великого русского поэта, даёт определение антропологическому методу исследования и объясняет стоящие перед ним задачи. Далее следуют озаглавленные части: 1) «Родословная А. С. Пушкина»; 2) «Абрам Петрович Ганнибал, арап Петра Великого»; 3) «Был ли Пушкин потомком негра?»; 4) «Где была пушкинская Африка (родина Ибрагима Ганнибала)?»; 5) «Природа и люди пушкинской Африки. Типы абиссинцев и тип Ибрагима Ганнибала»; 6) «Некоторые черты нравов и духовного облика абиссинцев. Народная поэзия в северной Абиссинии»; 7) «Догадки о происхождении фамилии Ганнибал»; 8) «Потомки Ганнибала: дети,

внуки и правнуки»; 9) «Физический тип поэта и африканские черты в нём».

В первой части своего исследования Д. Н. Анучин рассматривает генеалогическое древо А. С. Пушкина и приходит к выводу, что в крови поэта «слились семь родов»: Пушкиных, Головиных, Чичериных, Приклонских, Ржевских, Ганнибалов, Шёбергов. Поскольку «влияние рода Ганнибалов, несомненно, должно было играть видную роль в их потомстве на русской почве», то на нём он останавливается более подробно [3, с. 6]. Действительно, в структуре «Антропологического эскиза» преобладает информация об А. П. Ганнибале, африканском предке А. С. Пушкина. Во второй части «Абрам Петрович Ганнибал, арап Петра Великого» автор на основании известных ему исторических фактов и документов рассматривает биографию поэта. Третья часть посвящена поиску ответа на вопрос, «был ли А. С. Пушкин» потомком негра? Обратившись к документам и запискам потомков и современников Ибрагима Ганнибала, в частности, к «немецкой биографии», где сказано, что он был африканцем из Абиссинии, Д. Н. Анучин пришёл к выводу, что прадед великого поэта был негром, который попал в Константинополь в качестве «аманата», т. е. заложника. В четвёртой части своей работы Д. Н. Анучин задался вопросом, где в Африке находилась родина прадеда А. С. Пушкина. Будучи профессиональным географом и этнографом, он использовал всю доступную ему информацию, которая позволила ему сделать вывод, что Ибрагим Ганнибал был родом из местечка Логот (или Лого, но не Логон, как говорится в немецких источниках) в Северо-Восточной Африке.

В пятой части своего исследования Д. Н. Анучин размышляет о том, к какому типу абиссинцев принадлежит Ибрагим Ганнибал. По его мнению, абиссинцы относятся к хамитской, а не семитской расе, но с примесью таковой. Он попытался воссоздать внешний облик прадеда А. С. Пушкина: «Это был, по всей вероятности, довольно рослый, темнокожий,

шоколадного цвета субъект с чёрными курчавыми волосами, удлинённым черепом, овальным сухим лицом, высоким лбом без заметных выступов над бровями, слабой растительности на лице, чёрными глазами, полными толстоватыми губами и, может быть, несколько широким, но всё-таки не негритянским носом» [3, с. 23]. Учёный сожалеет, что не может привести доказательства своему описанию Ибрагима Ганнибала, т. к. его изображения на портретах и гравюрах либо не подписаны, либо эти подписи представляются сомнительными (как, например, портрет, хранящийся в Московском архиве министерства иностранных дел, поступивший туда от бывшего директора архива М. А. Оболенского). В шестой части Д. Н. Анучин рассматривает «черты нравов и духовного облика абиссинцев», а также фольклор Северной Абиссинии. По его наблюдениям, «темперамент абиссинцев сангвинический, живой, легко увлекающийся, страстный» [3, с. 24]. По своему этнографическому типу абиссинцы являются типичными африканцами, которые по уровню культуры находятся на «полудикой, полуварварской, но всё-таки родственной присредиземноморскому культурному циклу» [3, с. 26]. В седьмой части Д. Н. Анучин обращается к размышлениям о фамилии Ганнибал, но с уверенностью он лишь смог сказать, что она не связана с гипотезой о её карфагенском происхождении. С этимологической точки зрения его размышления об этом не представляют интереса для филологов. Восьмая часть «Антропологического очерка» посвящена потомкам Ганнибала, и в ней учёный обращается к известным ему фактам о первой жене Ибрагима Ганнибала Евдокии Андреевне, с которой пушкинский прадед развёлся по причине её измены. Учёный также анализирует данные о второй жене прадеда Христиане-Регине фон Шёберг, об их детях и правнуках, в которых прослеживаются черты рода. В девятой части Д. Н. Анучин анализирует физический тип поэта и определяет, какие именно африканские черты видны в его внешности.

Для этого он обращается к сохранившимся описаниям внешности поэта, к его портретам, рисункам и гравированным изображениям, бюстам и посмертным маскам.

В конце своей работы автор говорит о том, что он планировал после рассмотрения происхождения и физического типа А. С. Пушкина написать «очерк его психической личности» [3, с. 44], но не смог этого сделать в газетном формате, поэтому выразил надежду в дальнейшем вернуться к этому вопросу, но в другом издании. В архиве Д. Н. Анучина находятся его черновые материалы (наброски статей, черновые заметки и др.), которые подтверждают его слова.

Содержание архивной «пушкинианы» Д. Н. Анучина

Архивные материалы Д. Н. Анучина, находящиеся в его личном фонде в ОР РГБ, в соответствии с творческим замыслом учёного можно тематически разделить на 3 части: 1) происхождение поэта; 2) физический облик поэта и его родственников; 3) психический склад личности.

Основная часть архивной «пушкинианы» Д. Н. Анучина посвящена изучению истории родословной поэта, причём наибольший интерес у исследователя вызывали «африканские корни» поэта. Так, к *материалам о происхождении* поэта могут быть отнесены следующие документы, написанные рукой Д. Н. Анучина: «Материалы по изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина»¹; «Генеалогическая таблица «Ганнибалы»»²; «Авраам Петрович Ганнибал»³ – выписки биографических дан-

ных из различных источников на немецком и русском языках; «Выписки из писем Глинки Ф. Н., Гнедича Н. И., Греча Н. И., Катенина П. А., Бестужева А. П.»⁴; «Копии грамот Ибрагима Ганнибала»⁵. Есть также документ, написанный М. А. Веневитиновым «Шведские предки А. С. Пушкина»⁶.

Исследователь собственноручно сделал копию с письма Спафария к боярину Головину от 1704 г. В этом документе говорится о «трёх арапчёнках», «менший из них Аврам крещён от племянника господаря Мустянского, а больший ещё в басурманстве»⁷. Следует также отметить ещё несколько документов исторического содержания. Это выписка из сочинения И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» 1724 г. [6, с. 388]. Большое количество выписок из Остафьевского архива П. Я. Вяземского «Переписки князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1822–1829 гг. о А. С. Пушкине и его родственниках»⁸. Много выписок из генеалогических и биографических справочников, например, из «Русской родословной книги А. Б. Лобанова-Ростовского»⁹ [10].

Петра 1 с арапчонком»; фото «Портрет вельможи» (?) Б. д.. 4 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 70.

⁴ Анучин Д. Н. Выписки из писем Глинки Ф. Н., Гнедича Н. И., Греча Н. И., Катенина П. А., Бестужева А. П. Б. д. 7 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 69.

⁵ Анучин Д. Н. Копии грамот Ибрагима Ганнибала Б. д. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 24.

⁶ Веневитинов М. А. Шведские предки А. С. Пушкина. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 3.

⁷ Анучин Д. Н. Материалы по изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина. Б. д. 46 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 1. Л. 1–1 об.

⁸ Там же. Л. 14–14 а.; См.: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1820–1823 // Остафьевский архив князей Вяземских: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1812–1845. 744 с.; Шереметев О. Д. Архив князя Вяземского. Князь Андрей Иванович Вяземский. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 369 с.

⁹ Там же. Л. 22.

¹ Анучин Д. Н. Материалы по изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина. Б. д. 46 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 1

² Анучин Д. Н. Генеалогическая таблица «Ганнибалы». Б. д. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 2.

³ Анучин Д. Н. «Авраам Петрович Ганнибал» – выписки биографических данных из различных источников на рус., нем. яз. Б. д.. 16 л. Присоединено: 4 фото (статуетка работы Пушкина, предполагаемый портрет А. С. Пушкина; гравюра Шхонбека «Портрет

Дальний родственник А. С. Пушкина, историк, археолог, археограф, писатель М. А. Вeneвитинов прислал Д. Н. Анучину свои рассуждения по поводу небольшой статьи «Шведские предки А. С. Пушкина»¹, опубликованной в шведской газете «Стокгольмский ежедневный листок» (№ 265, 11 июня / 30 мая), в которой подробно рассматривается вопрос о происхождении второй жены Ибрагима Петровича Ганнибала Христины Шёберг, которую «считают у нас шведкой по происхождению, но родословные документы указывают на Германию как на коррект фамилии Шёберг», по его предположению, она была благородного происхождения, но была дочерью пленницы, из-за чего «впоследствии принуждена вступить в неравный брак и сделаться женой негра»². Интерес представляют и черновые копии с царских грамот, сделанные рукой Д. Н. Анучина, с указанием о пожаловании за усердную службу Аврааму Петровичу Ганнибалу: 1) чина майора императрицей Анной Иоанновной в 1737 г., февраля 7, с указанием о том, что она была подписана самой императрицей, а также генерал-лейтенантом, фельдмаршалом, графом Христофом фон Минихом; 2) чина генерал-майора императрицей Елизаветой Петровной в 1743 г., декабря 13, с указанием, что грамота была подписана самой императрицей и фельдмаршалом, князем Долгоруким³.

О *физическом типе* А. С. Пушкина содержится информация в следующих документах Д. Н. Анучина: «Материалы по изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина»⁴; «Материалы к вопросу о

маске А. С. Пушкина»⁵; «Материалы к вопросу о портретах А. С. Пушкина»⁶; «К вопросу исследования волос по степени их уплотнения у африканских народов»⁷ и др.

Выясняя особенности внешности А. С. Пушкина, Д. Н. Анучин собирает все возможные сведения об изображениях поэта: живописных портретах, рисунках, гравюрах, скульптурах и посмертных масках. Как антрополог, подробно описывает бюст А. С. Пушкина работы И. С. Гальберга, при этом приводит и статистические сведения. Например: «Волосы волнистые, закручиваются на концах, спускаются на шею... Лоб красиво открыт, надбровные дуги у него выражены...»; «135 [мм] – ширина лба сверху на линии непокрытых волос; 121–122 – наименьшая ширина лба; 193 – длина всего лица; 155 – ширина в скулах; 74 – лоб; 56 – длина носа по спинке; 54,5 – длина носа до корня; 62 – подбородок 40 – ширина носа; 14,5 – верх губы...; 17 – губы; 54 – рот; 95,5 – длина глазной щели; 37 – вообще длина. На висках заметны небольшие вдавления, а скулы слабо выражены. Щёки прямые, не впалы». При этом он делает вывод о том, что «физический тип Пушкина представляет явные следы африканского происхождения поэта (по матери)»⁸.

Ещё один интересовавший Д. Н. Анучина вопрос заключался в «исследовании волос по степени их уплотнения у африканских народов»⁹. В архиве Д. Н. Анучина

¹ Вeneвитинов М. А. Письма (4) к Анучину Д. Н. 6 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 14–17.

² Вeneвитинов М. А. Шведские предки А. С. Пушкина. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 3. Л. 4.

³ Анучин Д. Н. Копии грамот Ибрагима Ганнибала. Б. д. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 24.

⁴ Анучин Д. Н. Материалы по изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина. Б. д. 46 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 1.

⁵ Анучин Д. Н. Материалы к вопросу о маске А. С. Пушкина. Б. д. 13 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 5.

⁶ Анучин Д. Н. Материалы к вопросу о портретах А. С. Пушкина. 1899, января 30. 12 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 6.

⁷ Анучин Д. Н. К вопросу исследования волос по степени их уплотнения у африканских народов. Б. д. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 7.

⁸ Анучин Д. Н. Генеалогическая таблица «Ганнибалы». Б. д. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 2. Л. 1–2.

⁹ Неустановленное лицо. К вопросу исследования волос по степени их уплотнения у африканских народов. Б. д. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 7. Л. 1–2.

находится рукописный документ, написанный рукой неуставленного лица, в котором сравниваются образцы волос А. С. Пушкина (из медальона), европейца (г-на Монастырского), мулата и африканца, египтянина. В конце сделан вывод: «Таким образом, исследовавшиеся волосы по степени уплотнения стоят в таком порядке: Х (образец волос Пушкина) – 76% плотности, у г. Монастырского – 73%, у Mulatre – 70,7%, у Amhara – 67,4%, Krou – 51%, Egiptian modern – 50%»¹.

О психическом типе А. С. Пушкина находим сведения в таких материалах Д. Н. Анучина: «Материалы по изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина»²; «Несколько слов о психическом типе поэта (Пушкина)»³; «Речь об А. С. Пушкине»⁴.

В вариантах генеалогических таблиц рода Пушкиных находим комментарии Д. Н. Анучина⁵, содержащие описание внешности и особенностей характера того или иного родственника А. С. Пушкина. Например, Александру Петровичу Пушкину, деду поэта, он даёт такую характеристику: «Женат на меньшей дочери графа Головина. Родной прадед по отцу умер в молодости, с припадками сумасшествия, зарезав свою жену, находившуюся в родах»; Льву Александровичу: «Единственный сын... Живёт в Москве... человек пылкий, горячий»; прадеду со стороны матери: «Абрам (Ибрагим) Петрович

Ганнибал, учился в Париже, служил... Человек суровый, жесток и ревнив, своевольный, скупой...»; деду со стороны матери Осипу Абрамовичу: «Пылкий, непостоянный, ужасно легкомысленный, умер от невозддержанной жизни»; матери Надежде Осиповне: «Поглощена была выездами и успехом в свете, эксцентрична, вспыльчива, гневлива, мало вникает в дела семьи, красива; шея, грудь европейские, волосы спиралью на концах, брюнетка, глаза тесные, острого разреза к наружным углам, нос правильный, слегка с горбинкой, губы тонкие...». Отец поэта Сергей: «Светский, в совершенстве владеет французским языком, остр, хороший собеседник, скуп, труслив, не заботится о детях, любит искусство, не выскочка, одиозен (?), страсть к стихотворству», «нос довольно длинный, с горбинкой, тонкий, губы тонкие, глаза серые (?)...», «весел, добродушен», «несколько дочерей»⁶.

А. С. Пушкину даются такие комментарии. «В детстве толстый (?), угрюм, сосредоточен, предпочитал уединение. 7 лет в деревне Захарово. Здесь резвый, необузданные шалости... 12-ти лет в Лицей. Живой, быстроглазый, курчавый, глаза на выкате, губы несколько выпячены... Резв не по летам, раздражителен, необуздан, насмешлив, но и застенчивый»⁷. При этом учёный в хронологическом порядке прослеживает наиболее важные этапы жизненного пути поэта и даёт обобщённые характеристики его характеру, указывая фамилии тех современников, из воспоминаний или писем которых Д. Н. Анучин эти характеристики встретил.

В незаконченном очерке «Несколько слов о психическом типе поэта» Д. Н. Анучин пишет, что «какими бы чертами ни обладал поэт, представляла ли его физиономия отпечаток африканского типа или нет, не всё ли это равно – с точки зрения на него как на русского поэта, оказавшего такое мощное влияние на развитие нашей литературы и языка, бывшего "властителем дум" современного ему обще-

¹ Анучин Д. Н. К вопросу исследования волос по степени их уплотнения у африканских народов. Б. д. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 7.

² Анучин Д. Н. Материалы по изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина. Б. д. 46 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 1.

³ Анучин Д. Н. Несколько слов о психическом типе поэта (Пушкина). Б. д. 3 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 4.

⁴ Анучин Д. Н. Речь об А. С. Пушкине. 1899 г. 48 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 8.

⁵ Анучин Д. Н. Материалы по изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина. Б. д. 46 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 1. Л. 44.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ства. Пушкин важен для нас как художник и мыслитель, а не как человек с известными особенностями физического склада, и даже темперамента и характера. Если его жизнь, личность и представляют интерес для биографа (а биографии всех замечательных людей интересны и поучительны), то главным образом в смысле разъяснения тех духовных влияний, под которыми рос и развивался его гений, и реагируя на которые он проявлял своё творчество»¹. Исследователь пишет о том, как важно для истории развития творческой личности понимание особенностей характера и темперамента. Он считает, что во внешности могут содержаться «указания на особенности типа психического»². Д. Н. Анучин приходит к выводу о том, что «изучение творческой личности в её духовном складе представляет, однако, дело весьма сложное и трудное, это применимо и к личности Пушкина, и выступать с таким изучением на страницах газеты было бы и слишком смелым, и невозможным по условиям места и времени»³.

Самые разнообразные «антропологические» сведения находятся в письмах от разных корреспондентов к Д. Н. Анучину.

**Переписка Д. Н. Анучина
с родственниками, потомками
и знакомыми А. С. Пушкина, а также
с коллекционерами и исследователями**

В архиве Д. Н. Анучина находится переписка с родственниками, знакомыми, коллекционерами и архивистами, свидетельствующая о его глубоком профессиональном интересе к поиску «антропологической» информации о родословной А. С. Пушкина. Большая часть писем датирована 1899 г., часть без даты, одно письмо – 1900 г. Так, среди его корреспондентов находим письма от родственников А. С. Пушкина. Одна из них – троюродная

сестра поэта Анна Семёновна Ганнибал (1849–1925), педагог, историк, переводчица и литературный критик. В ответ на его письмо она сообщает известную ей информацию о своих родственниках со стороны прадеда Абрама Петровича Ганнибала, обещает прислать (и присылает) оригиналы и фотографии портретов членов семьи, а также рекомендует обратиться к её двоюродным сёстрам Марии Алексеевне Кисловщентко и Наталье Алексеевне Назаровой⁴. От них Д. Н. Анучин также получает в ответ два письма от Марии⁵, где она сообщает биографические сведения о деде И. А. Ганнибале, его дочери, своей матери Констанции Исаковне (в замужестве Хорошиловой), муже и детях и одно письмо от Натальи⁶ о том, что она выслала ему портреты Якова, Павла и Александры, детей своего деда Исаака Абрамовича.

Несколько писем от племянника поэта Льва Николаевича Павлищева⁷ (1834–1915), сына Ольги Сергеевны Пушкиной, сестры поэта, в которых он сообщает, что представил на Пушкинской выставке в 1880 г. портреты своих близких родственников: матери и дяди Льва Сергеевича. Корреспондентами Д. Н. Анучина были также дальние родственники поэта: Николай Николаевич Оболенский (1792–1857), троюродный дядя А. С. Пушкина (1792–1857)⁸, и Михаил Алексеевич Веневитинов, историк и археолог, который сообщил в письмах о своей родословной⁹.

¹ Анучин Д. Н. Несколько слов о психическом типе поэта (Пушкина). Б. д. 3 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 4. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Ганнибал А. С. Письма (6) к Анучину Д. Н. 1899. 11 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 19–23, 25.

⁵ Кисловщентко М. А. Письма (3) к Анучину Д. Н. 1899. 11 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 29–31.

⁶ Назарова Н. А. Письмо к Анучину Д. Н. [Б. д.]. 1 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 48.

⁷ Павлищев Л. Н. Письма (5) к Анучину Д. Н. 1899. 11 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 53–57.

⁸ Оболенский Н. Н. Письма (2) к Анучину Д. Н. 1899. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 51–52.

⁹ Веневитинов М. А. Письма (4) к Анучину Д. Н. 6 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 14–17.

Д. Н. Анучин получил также письма от друга семьи Пушкиных Юлия Михайловича Шокальского, который сообщает ему, что он «вырос в Тригорском, рядом с Михайловским, и приятель младшего сына [поэта] Григория Александровича; все мои родные по матери, родственники Осиповым и Вульфам»¹. Мария Григорьевна Раевская (урождённая Гагарина) написала, что у неё портретов поэта нет, но сохранились автографы поэта, в частности стихотворение «Когда по синеве морей...» и один лист из «Евгения Онегина», а также, что ей известно, что дядя её мужа Александр Николаевич Раевский «сжёг огромную переписку с Пушкиным»².

Закономерно, что среди корреспондентов Д. Н. Анучина находим историков и литературоведов. Среди них граф Сергей Дмитриевич Шереметев³, зять друга А. С. Пушкина П. П. Вяземского; Арсений Иванович Маркевич (1855–1842), член Таврической учёной комиссии, который собирал сведения о пребывании Пушкина в южной ссылке⁴. Юлий Михайлович Шокальский⁵ (1856–1940), председатель Русского географического общества, внук Анны Петровны Керн, кстати, в его воспитании принимал участие сын Пушкина Григорий Александрович, который помогал в этом Екатерине Ермолаевне, овдовевшей дочери А. П. Керн. Не случаен и такой корреспондент Д. Н. Анучина, как Леонид Николаевич Майков⁶ (1839–1900) – ли-

тературовед, внук друга А. С. Пушкина Аполлона Майкова. Алексей Петрович Бахрушин⁷ (1853–1904), известный коллекционер произведений искусства и архивных материалов, в своём письме высказал соображения о деревянной статуэтке А. С. Пушкина, его портретах и хранящейся у него миниатюре. Письма от известного психиатра того времени Осипа Ильича Фельдмана⁸ (1862–1912), являвшегося также коллекционером, о чём свидетельствуют материалы его личного фонда № 188, хранящегося в РГАЛИ)⁹, также вполне закономерны. В письмах к Д. Н. Анучину он сообщает о том, что выслал ему свою брошюру, каталог Пушкинского музея, и высказал своё мнение о бюсте поэта работы Жозефины Полонской и портрете работы И. Л. Линева, о медальоне с волосами А. С. Пушкина.

Заключение

«Антропологический эскиз» – это серьёзное и глубокое историко-филологическое и психологическое исследование, которое автор называет антропологическим этюдом, но, по сути, оно является и первым антропогенетическим исследованием. Предметом антропогенетики является наследственность и изменчивость.

Началом генетики как науки в мире, как известно, считается середина XIX в., со времени появления работ Чарльза Дарвина, Грегора Менделя, Жана-Батиста Ламарка. Начало генетики в России ведут с 1915–1916 гг. Однако работа Д. Н. Анучина о А. С. Пушкине даёт более раннюю точку отсчёта, и это не 1899 г., а 80-е годы XIX в. Изучая историю генетики, современный исследователь-биолог Р. А. Фандо выделил два этапа: 1) с древнейших времён до

¹ Шокальский Ю. М. Письма (3) к Анучину Д. Н. 1899. 7 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 66–68.

² Раевская М. Г. Письма (2) к Анучину Д. Н. 1899. 2 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 59–60.

³ Шереметев С. Д. Письмо к Анучину Д. Н. 1899. 1 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 65.

⁴ Маркевич А. И. Письмо к Анучину Д. Н. 1900. Симферополь. 1 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 28.

⁵ Шокальский Ю. М. Письма (3) к Анучину Д. Н. 1899. 7 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 66–68.

⁶ Майков Л. Н. Письма (7) к Анучину Д. Н. 1899. 11 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 36–42.

⁷ Бахрушин А. П. Письма (2) к Анучину Д. Н. о фотографиях с картин и миниатюры А. С. Пушкина. 1899 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 10–11. 3 л.

⁸ Фельдман О. И. Письма (3) к Анучину Д. Н. Б. д. 1 л. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 10. П. 45. Ед. хр. 62–64.

⁹ РГАЛИ. Ф. 188 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rgali.ru> (дата обращения: 29.05.2023).

1900 г., «когда знания о наследственности человека развивались в недрах филологии, естествознания, медицины»; 2) с 1900-х гг. до настоящего времени, когда генетика стала развиваться как самостоятельная наука [15, с. 17]. Важно отметить тот факт, что при этом исследователь отметил большое значение для становления генетики выдающегося русского антрополога Д. Н. Анучина [15, с. 349–350]. В настоящее время как отдельные научные дисциплины рассматриваются антропогенетика, изучающая закономерности наследственности и изменчивости у человека в ряду поколений, и психогенетика (или генетика поведения), «изучающая роль наследственности и среды в формировании психофизиологических свойств человека, соотношение генотипа (особенностей, которые передаются человеку генетическим путём) и фенотипом (приобретённых в процессе жизни личностных характеристик)»¹.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что «Антропологический эскиз» выдающегося русского учёного Дмитрия Николаевича Анучина о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине представляет собой далеко не ординарное многопрофильное гуманитарное исследование, в котором автор проявил себя как талантливый историк литературы и культуры, биограф, антрополог, психолог, географ и этнограф. В своём исследовании он шёл далеко впереди своего времени и, по сути, опубликовал антропогенетическое исследование о А. С. Пушкине, а в черновых архивных записях предстаёт как учёный, стоявший у истоков психогенетики. Сопоставление опубликованного и архивного материалов позволяет говорить о том, что исследование Д. Н. Анучина основано на тщательной работе с самыми разными источниками.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Читаем Пушкина вместе с «цифровым поколением» // Народное образование. 2019. № 3. С. 151–156.
2. Алымов С. С. Дмитрий Николаевич Анучин: «Естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М.: Наука, 2004. С. 7–48.
3. Анучин Д. Н. А. С. Пушкин: (Антропологический эскиз). М.: Русские ведомости, 1899. 44 с.
4. Анучин Д. Н. Антропология, её задачи и методы: (по поводу антропологической выставки). М.: Русские ведомости, 1879. 20 с.
5. Георгиевский Г. П. Рукописи А. С. Пушкина во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина // Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. Сборник IV: А. С. Пушкин, А. Н. Островский. Западники и славянофилы. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 175–188.
6. Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого: в 18 т. Т. 10. М.: В Университетской типографии, у В. Огорокова, 1792. 479 с.
7. Ефимова С. Г. Д. Н. Анучин – собиратель русской науки // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2009. № 1. С. 5–16.
8. Кибовский А. В. Историко-предметный метод атрибуции произведений портретной живописи России XVIII – 1-ой половины XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 217 с.
9. Киселева И. А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129.
10. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1895. 481 с.
11. Могильнер М. Номо imperii. История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 505 с.
12. Попов П. А. Новые шаржи и портреты лиц пушкинского окружения // Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. Сборник IV: А. С. Пушкин, А. Н. Островский. Западники и славянофилы. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 189–193.

¹ Мандель Б. Р. Психогенетика: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта, 2018. С. 7.

13. Сидоров И. С. О Пушкине и его современниках. М.: Регтайм, 2022. 448 с.
14. Сикорский И. А. Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1912. 35 с.
15. Фандо Р. А. Становление генетики человека в СССР в первой половине XX в.: теоретические и социокультурные аспекты: дис. ... д-ра биол. наук. М., 2011. 512 с.
16. Федоров И. В. Из материалов проф. Д. Н. Анучина о Пушкине // Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. Сборник IV: А. С. Пушкин, А. Н. Островский. Западники и славянофилы. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 157–167.
17. Черниговский Д. Н. Об опыте изучения личности А. С. Пушкина в психологической науке до-революционной России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: научный журнал. Филология и искусствоведение. 2012. № 2 (2). С. 87–89.
18. Чиж В. Ф. Пушкин как идеал душевного здоровья. Оттиск из «Учёных Записок Имп. Юрьевского ун-та». Юрьев: Маттисен, 1899. 24 с.

REFERENCES

1. Alpatova T. A. [Reading Pushkin together with the “Digital Generation”]. In: *Narodnoe obrazovanie* [Public Education], 2019, no. 3, pp. 151–156.
2. Alymov S. S. [Dmitry Nikolaevich Anuchin: “Natural History of Man in the Broad Sense of the Word”]. In: *Vydavushchiesya otechestvennye etnologi i antropologii XIX v.* [Outstanding Domestic Ethnologists and Anthropologists of the Twentieth Century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 7–48.
3. Anuchin D. N. A. S. *Pushkin: (Antropologicheskij eskiz)* [A. S. Pushkin: (Anthropological Sketch)]. Moscow, Russkie vedomosti Publ., 1899. 44 p.
4. Anuchin D. N. *Antropologiya, eyo zadachi i metody: (po povodu antropologicheskoy vystavki)* [Anthropology, Its Tasks and Methods: (Regarding the Anthropological Exhibition)]. Moscow, Russkie vedomosti Publ., 1879. 20 p.
5. Georgievsky G. P. [Manuscripts of A. S. Pushkin in the All-Union Library named after V. I. Lenin]. In: *Trudy Vsesoyuznoj biblioteki imeni V. I. Lenina. Sbornik IV: A. S. Pushkin, A. N. Ostrovskij. Zapadniki i slavyanofily* [Proceedings of the All-Union Library named after V. I. Lenin. Collection IV: A. S. Pushkin, A. N. Ostrovsky. Westerners and Slavophiles]. Moscow, Socekiz Publ., 1939, pp. 175–188.
6. Golikov I. I. *Dopolnenie k Deyaniyam Petra Velikago. T. 10* [Addition to the Acts of Peter the Great. Vol. 10]. Moscow, V Universitetskoy tipografii, u V. Okorokova Publ., 1792. 479 p.
7. Efimova S. G. [Dmitry N. Anuchin – “The Gatherer of the Russian Science”]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII: Antropologiya* [Bulletin of Moscow University. Series XXIII: Anthropology], 2009, no. 1, pp. 5–16.
8. Kibovsky A. V. *Istoriko-predmetnyj metod atribucii proizvedenij portretnoj zhivopisi Rossii XVIII – 1-oj poloviny XIX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Historical-Subject Method of Attribution of Works of Portraiture in Russia in the 18th – 1st half of the 19th centuries: Cand. Sci. Thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2000. 217 p.
9. Kiseleva I. A. [“The Prophet” (1826) by A. S. Pushkin and “The Prophet” (1841) by M. Yu. Lermontov: Comparative Semantics of the Motive Complex]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 111–129.
10. Lobanov-Rostovsky A. B. *Russkaya rodoslovnaya kniga* [Russian Genealogical Book]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1895. 481 p.
11. Mogilner M. *Homo imperii. Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Homo imperii. History of Physical Anthropology in Russia (late XIX – early XX centuries)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 505 p.
12. Popov P. A. [New Cartoons and Portraits of People around Pushkin]. In: *Trudy Vsesoyuznoj biblioteki imeni V. I. Lenina. Sbornik IV: A. S. Pushkin, A. N. Ostrovskij. Zapadniki i slavyanofily* [Proceedings of the All-Union Library named after V. I. Lenin. Collection IV: A. S. Pushkin, A. N. Ostrovsky. Westerners and Slavophiles]. Moscow, Socekiz Publ., 1939, pp. 189–193.
13. Sidorov I. S. *O Pushkine i ego sovremennikah* [About Pushkin and His Contemporaries]. Moscow, Regtajm Publ., 2022. 448 p.
14. Sikorsky I. A. *Antropologicheskaya i psihologicheskaya genealogiya Pushkina* [Anthropological and Psychological Genealogy of Pushkin]. Kiev, Tip. S. V. Kul'zhenko Publ., 1912. 35 p.
15. Fando R. A. *Stanovlenie genetiki cheloveka v SSSR v pervoj polovine XIX v.: teoreticheskie i sociokul'turnye*

- aspekty: dis. ... d-ra biol. nauk [The Formation of Human Genetics in the USSR in the First Half of the Twentieth Century: Theoretical and Sociocultural Aspects: Dr. Sci. Thesis in Biological Sciences]. Moscow, 2011. 512 p.
16. Fedorov I. V. [From Materials of prof. D. N. Anuchina about Pushkin]. In: *Trudy Vsesoyuznoj biblioteki imeni V. I. Lenina. Sbornik IV: A. S. Pushkin, A. N. Ostrovskij. Zapadniki i slavyanofily* [Proceedings of the All-Union Library named after V. I. Lenin. Collection IV: A. S. Pushkin, A. N. Ostrovsky]. Moscow, Socekiz Publ., 1939, pp. 157–167.
17. Chernigovsky D. N. [On Studying A. S. Pushkin's Personality in Pre-Revolutionary Russian Psychology]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta: nauchnyj zhurnal. Filologiya i iskusstvovedenie* [Herald of Vyatka State Humanitarian University], 2012, no. 2 (2), pp. 87–89.
18. Chizh V. F. *Pushkin kak ideal dushevno go zdorov'ya. Ottisk iz "Uchyonyh Zapisok Imp. Yur'evskogo un-ta"* [Pushkin as an Ideal of Mental Health. Reprint from the "Scientific Notes of the Emperor."]. Yurev, Mattisen Publ., 1899. 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крутова Марина Семёновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения; главный палеограф отдела рукописей Российской государственной библиотеки;
e-mail: mskrutova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina S. Krutova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Department of Russian and Foreign Literature, the Federal State University of Education; Chief Paleographer of the Department of Manuscripts of the Russian State Library;
e-mail: mskrutova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Крутова М. С. Антропологический эскиз академика Д. Н. Анучина об А. С. Пушкине и подготовительные рукописные материалы к нему в отделе рукописей РГБ // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 77–88.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-77-88

FOR CITATION

Krutova M. S. Anthropological Sketch of Academic D. N. Anuchin about A. S. Pushkin and its Preparatory Handwritten Materials in the Department of Manuscripts of the Russian State Library. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 77–88.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-77-88

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-89-95

К ВОПРОСУ О КАВКАЗСКОМ ПЕРИОДЕ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

Махмудова С. М.*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Дать характеристику кавказского периода творчества А. С. Пушкина, указать на значение темы Дагестана в его поэзии.

Процедура и методы. Использовались методы наблюдения, анализа, биографический, концептуальный.

Результаты. В ходе исследования обосновано, что *Пушкин и Кавказ* – это особая тема, которая волнует не только исследователей творчества Пушкина, но исследователей истории Кавказа, истории взаимоотношений России и Кавказа в XIX в. Показано, что период Кавказской войны имел судьбоносное значение как для Кавказа, так и для самой России: возникают новые и укрепляются уже имеющиеся русско-кавказские связи. В горниле войны сталкиваются две культуры, два миропонимания, которые взаимно обогащают друг друга.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает значимость кавказского периода в творчестве А. С. Пушкина, приводятся аргументы в пользу того, что Кавказ становится особым местом – местом, где обитает дух вольности и свободы для сосланных декабристов, местом, где сталкиваются две культуры, две цивилизации, два менталитета, что отражается в произведениях русских писателей конца XIX в.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Кавказ, кавказская война, кавказский период творчества Пушкина

ON THE QUESTION OF THE CAUCASIAN PERIOD OF PUSHKIN'S WORK

S. Makhmudova*Moscow State University of Psychology & Education
ul. Sretenka 29, Moscow 127051, Russian Federation*

Abstract

Aim. To characterize the Caucasian period of A. S. Pushkin's work, to point out the importance of the theme of Dagestan in his poetry.

Methodology. The methods of observation, analysis, biographical and conceptual methods were used.

Results. The study proves that Pushkin and the Caucasus is a special topic that worries not only researchers of Pushkin's work, but also researchers of the history of the Caucasus, the history of relations between Russia and the Caucasus in the 19th century. It is shown that the period of the Caucasian War had a crucial significance both for the Caucasus and for Russia itself: new Russian-Caucasian ties are emerging, and the already existing ones are strengthening. In the crucible of war, two cultures collide, two worldviews that enrich each other.

Research Implications. The study confirms the importance of the Caucasian period in A. S. Pushkin's works, arguments are given in favor of the fact that the Caucasus becomes a special place where the spirit of freedom for the exiled Decembrists dwells, a place where two cultures, two civilizations, two mentalities collide, which is reflected in the works of Russian writers of the late XIX century.

Keywords: A. S. Pushkin, the Caucasus, the Caucasian war, the Caucasian period of Pushkin's work

Введение

Основная веха знакомства русской интеллигенции с Кавказом и, в частности, с Дагестаном должна быть отмечена в XIX в., в период Кавказской войны, когда царь Николай I сослал декабристов на Кавказ, чтобы те доказали верность царю и отечеству ратными подвигами. В Кавказский корпус декабристы прибывали рядовыми солдатами.

На Кавказ был сослан М. И. Пущин (брат его, И. И. Пущин, друг А. С. Пушкина, был в ссылке в Сибири)¹, Н. Н. Раевский, В. А. Мусин-Пушкин, Н. Г. Огарёв, Александр, Пётр и Павел Бестужевы (Александр Александрович Бестужев-Марлинский становится здесь автором известных произведений «Аммалат-бек», «Мулла Нур») [2; 4] и многие другие известные декабристы.

А. С. Пушкин был на Кавказе дважды – в 1820 и в 1829 гг. Если первая поездка поэта была согласована с правительством, то вторая – самовольная, знак его внутренней свободы, которую не в силах было ограничить никакому правительству. Тем не менее, поэт оба раза был под секретным надзором властей.

Как пишет Г. И. Кусов, «Пушкин восхищался высокой духовной культурой горцев, гармоничным слиянием кавказской природы и людей, с уважением относился к суровым обычаям гор; он верил в то, что не военные действия, а глубокие экономические и культурные преобразования должны стать подлинным путём кавказских народов в составе России» [5, с. 4].

Первая поездка на Кавказ оставляет неизгладимое впечатление у великого поэта. Он заинтересовался необычной романтикой этой войны, в которой участвовали почти все сосланные декабристы, друзья Пушкина. Николай I ссылал сюда всех декабристов, кого не смог повесить, но хотел бы изгнать из России (кого прямо на Кавказ, кого – через ссылку в Сибирь). Ссылные декабристы начали прибывать на Кавказ с 1826 г., когда

Николай I смиловился и заменил многим вольнодумцам ссылку в Сибирь Кавказской войной. Это были в основном представители лучших аристократических фамилий России: их сослали, лишив воинских званий и привилегий, иногда и статуса, в должности простого солдата, с тем указанием, чтобы они заново заслужили отнятые звания и кровью доказали верность царю. А в некоторых случаях было приказано не замечать никаких подвигов, совершённых опальным декабристом, не давать новых званий и наград ни в коем случае и не разрешать им возвращения в Россию, что относилось, например, к А. Бестужеву, у которого там же оказались ещё два брата – Пётр и Павел. Если учесть, что декабристов на Кавказе оказалось более 2800, то становится понятным, что участниками войны со стороны России были представители цвета русской нации – носители лучших аристократических традиций, с дворянской честью, прекрасно образованные, бесспорно благородные, с передовыми взглядами и жадной политической перемен, вдобавок ко всему ещё и настроенные против Николая I. А. С. Пушкин глубоко переживал за своих друзей и их общие идеи, уезжая второй раз на Кавказ без разрешения царя, чем также показывал солидарность с декабристами.

О передовом русском обществе XIX в. на Кавказе

В такой ситуации русское передовое общество знакомится с Кавказом, где народы не знают гнёта царей, где они свободны, нет ни крепостничества, как в России, ни тем более власти одного над другими, где все важные решения общество принимает собранием старейшин, и данные решения выполняются неукоснительно. Это была интересная форма политического устройства, которое начало притягивать сюда не только лучшие умы России, но и угнетённых крепостничеством простых русских людей и преследуемых властью старообрядцев, большими массами уходивших на поселение на Кавказ, где принимали всех мирных, помогали с бытовыми проблемами. Так, например, А. Бестужев-

¹ Пущин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / сост. В. Э. Вацура. М.: Художественная литература, 1985. С. 97–103.

Марлинский, по некоторым данным, ушёл к горцам, взяв имя Искандер-бек, женился там и таким образом навсегда исчез из поля зрения царской жандармерии.

Некоторые передовые деятели русской культуры и после войны оставались на Кавказе, изучая быт, культуру, менталитет горских народов, предпринимая шаги по обучению горцев русскому языку, открывая русские школы, отправляя в Россию на учёбу способных горцев. Среди них такие известные имена, как П. К. Услар, Я. М. Неверов, Д. Д. Семёнов и др.

А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. Бестужев-Марлинский, М. Ю. Лермонтов, А. Дюма и другие известные деятели не только русской, но и зарубежной литературы дали миру образ настоящего горца, с прогрессивной и гуманной точки зрения рассматривали процесс сближения Кавказа и России [6; 7; 8].

П. К. Услар, генерал-майор русской армии, участвовавший в данной войне, после её окончания остался изучать языки и историю Кавказа и дал ряд капитальных грамматических описаний абхазского, чеченского, аварского, лакского, даргинского, лезгинского и табасаранского языков, актуальных до сих пор, попутно открывая русскоязычные школы для дагестанских учащихся.

Следует отметить слабо изученный факт жизни русской аристократии на Кавказе, обусловленный характером как горцев, так и русских военных, ставивших честь превыше всего: иногда русские могли сдружиться с кавказцами, причём гость, в качестве которого русский, едва переступивший порог сакли, входил в дом, оказывался, по горской традиции, под защитой не только хозяина дома, но и всей его семьи, всего его рода. Пока такой гость не выезжал за пределы селения, его никто не мог даже обидеть, его одаривали подарками как всякого другого гостя, кормили, с ним беседовали, пытались помочь в решении проблем. Второй – третий приход этого гостя поднимал дружбу хозяина и русского гостя на уровень куначества, по законам которого хозяин и гость обязаны помогать друг другу в любых ситуациях даже ценой жизни. Так, в селении Рутул известен случай, когда

связанные куначеством русский и рутулец оказались в битве при Ахтах в 1848 г. друг против друга. В конце сражения появились пушки, горцы начали проигрывать, и русский попытался спасти кунака: «Бежим!» Тот отвечает: «Сейчас! Подожди, я тут руку потерял!» А русский кричит: «Твоя рука в моём кармане! Бежим!» Оба ушли в Рутул по горам. Там русский оставил кунака и вернулся к своим. В этом маленьком эпизоде вырисовывается благородство обоих народов, сочувствие друг другу, взаимопонимание, поднимающие людей над враждой или политическими амбициями. К сожалению, такие факты, обусловленные законами чести, не освещены в литературе должным образом.

Мы в общих чертах рассмотрели особенности взаимоотношений русского дворянства и кавказских народов в период появления на Кавказе А. С. Пушкина, т. к. без этого анализа дух кавказских произведений великого поэта не может быть до конца понят, в то время как большинство произведений русского гения так или иначе оказывается связанными с кавказской проблематикой.

О пушкинских характеристиках Кавказа: образы и оценки

На подобном историческом фоне раскрывается роль «кавказских» произведений А. С. Пушкина не только для русской литературы, но и для истории русско-кавказских отношений исследуемого периода [3; 7]. В то время как царь надеялся, что после посещения Кавказа А. С. Пушкин напишет стихотворения и оды, восхваляющие действия России и её полководцев, Александр Сергеевич представил своё видение события: «Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения» («Путешествие в Арзрум») ¹.

¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Предисловие. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/483/p.1/index.html> (дата обращения 20.05.2024).

«Путешествие в Арзрум» – это произведение А. С. Пушкина, в котором глубоко осмысливалась война, роль России на Кавказе, было раскрыто его объективное отношение к кавказским народам. Пушкину гораздо приятнее оказалось писать о природе Кавказа, поразившей его поэтической красотой и величием. Её он описывает и в «Путешествии в Арзрум»: *«Стеснённый Терек с рёвом бросает свои волны чрез утёсы, преграждающие ему путь. Ущелие извиляется вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами»*¹. Всего три предложения, но столько в них поэтических фигур!

Изумительны по точности описания картины кавказской природы, подмеченные гениальным взглядом А. С. Пушкина: это, например, метафора **смелый мостик**. Только побывавший на Кавказе поймёт, почему мостик *смелый*: через бурные и опасные реки в ущельях горцы перебрасывают самодельные мостики из подручных материалов – брёвен, кустов, камней, под которыми в обыкновенно больших щелях грозно ревет река. И не каждый из числа неместных рискнёт перейти через подобное сооружение, тогда как местные жители не только перейдут, но и сделают маленький ремонт, если мостик того требует. А если нет мостика в нужном месте, то в течение нескольких минут его соорудят.

Ни разу не используя слово *страх*, поэт отражает чувство страха в описании опасностей путешествия иностранного консула через вершину горы: *«Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком»*². Читатель ещё не понимает почему. Но там же описывается состояние человека, незнакомого с подобными местами: *«Недавно проезжал какой-то иностранный консул: он был так слаб, что велел завязать себе глаза»*³. Читатель не понимает ещё, почему слабому завязывают глаза и при чём тут глаза, если человек слаб; но

дальше образ опасности усиливается: *«его вели под руки, и когда сняли с него повязку, тогда он стал на колени, благодарил бога и проч.»*⁴. Если иметь в виду, что описан консул, которому завязали глаза на такой высоте, потому что он испугался смотреть вниз, а когда его провели через опасное место, он упал на колени и стал молиться, то можно только восхититься пушкинским мастерством передачи впечатлений от горной местности. И это же предложение поэт завершает словами: *«что очень изумило проводников»*, – короткой фразой отображается привычка к подобным опасностям у горцев, даже не понимающих, чего тут можно бояться. Эти два предложения гениальны по простоте и глубине мысли: изображено обычное для Кавказа событие, которое может иметь место в любом селении, на любой горе. И такое умение схватить суть двумя предложениями свойственно только гениям пера (ср.: гора на рис. 1 имеет некоторое сходство с профилем поэта).

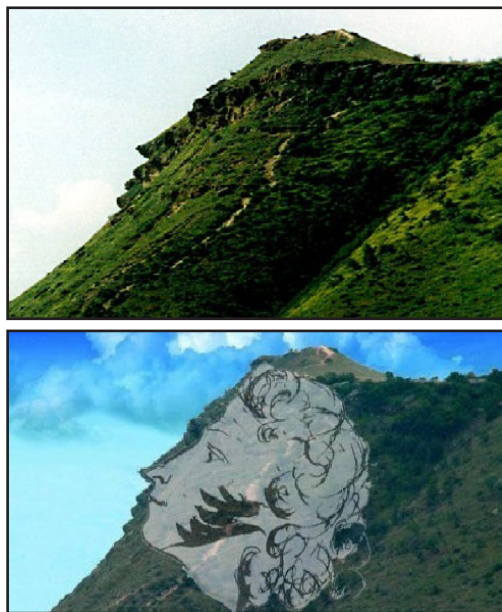

Рис. 1 / Fig. 1. Гора Пушкин-тау в Дагестане / Pushkin-tau mountain in Dagestan

Источник: Эта удивительная планета [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@bibldetky-eta-udivitelnaya-planeta27> (дата обращения: 20.05.2024).

¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Глава 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/483/p.2/index.html> (дата обращения 20.05.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

А. С. Пушкин осознавал связь Кавказа с мировой историей: «...Мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов»¹. В этой фразе обнаруживается образованность поэта: в XIX в. редко кто мог знать о походах на Кавказ Помпея, разбитого в тех местах в 61 г. н. э., и Александра Македонского, остановившегося около ворот Дербента.

Некоторые метафоры из описаний поэтом Кавказа бессмертны: определения *вещная Арагва* и *грозный Терек* до сих пор используются многими авторами и стали «паспортом» этих рек.

О различиях языковой картины мира в связи с проблемой перевода текстов А. С. Пушкина

Стихотворение «Из Гафиза», написанное на Кавказе, называется «*Шеер 1. Из Гафиза*». До сих пор остаётся загадкой для литературоведов, что означает слово «*шеер*». Предлагается перевести его как «полк» из турецкого языка. Между тем, *шеер* (/ишир/) – это «стихотворение» на некоторых языках Кавказа. По-видимому, поставленное поэтом число 1 означает, что это стихотворение первое из цикла, который А. С. Пушкин собирался создать.

В рамках поддержки национальных литератур стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (далее – «Памятник») было переведено на 30 языков народов России, в том числе на несколько языков Дагестана. Автору этих строк также было предложено перевести данное стихотворение на родной язык. Однако сделать вольный перевод глубокого стихотворения великого поэта не хотелось позволить себе, а сделать литературный перевод не представлялось возможным. Так, само понятие «памятник» в рутульском языке означает «надмогильный камень», и данная сема («надмогильный») содержится не только в исконном слове *сыл*, но и в

заимствованном из русского языка слове «*памятник*», в ранее пришедшем из арабского слова «*гъаїкал*», что выхолащивает философскую идею стихотворения – получается следующее: «я себе поставил надмогильный камень, я похоронил себя».

Далее, как отмечаем, предложенные и опубликованные переводы не выдерживают размер «Памятника» – шестистопный ямб стихотворения и рифма А-Б-А-Б передаются в зависимости от литературных традиций поэзии каждого народа, к которому принадлежит переводчик.

Славянизмы, употреблённые поэтом для придания тексту возвышенности, торжественности, невозможно перевести с тем же значением и стилистическими оттенками, что умаляет основной смысл стихотворения, а также семантическое сходство с греко-римской одой.

Проблемой для переводов становится понятие «Александрыйский столп», т. к. в национальных литературах и в сознании носителей дагестанских языков Александр I как-то не сохранился. Здесь под прецедентным именем *Александр* больше знают *Александра Македонского*, и в таком случае перевод отсылает именно к нему.

Тем не менее, поэты постарались передать основную мысль стихотворения «Памятник», что даёт возможность познакомиться с творением гения на родном языке².

Заключение

Следует отметить, что тема Кавказа была одной из главных в произведениях великого русского поэта.

Романтическая поэма «Кавказский пленник», написанная после первой поездки А. С. Пушкина на Кавказ в 1820 г., как итог общения с такими уже известными на Кавказе деятелями, как генерал Н. Н. Раевский и кавказовед С. М. Броневский (автор работы

¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Глава 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/483/p.2/index.html> (дата обращения 20.05.2024).

² «Памятник» А. С. Пушкина на 30 языках народов России [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/06/06/pamyatnik-a-s-pushkina-na-30-yazykakh-naro> (дата обращения 20.05.2024).

«Новейшие географические и исторические известия о Кавказе») [4], представляется произведением, впервые показавшим русским и европейским читателям реальный Кавказ, обычаи горцев, набросавшим первые черты их характера и отличного от других народов менталитета, что передано поэтом не без восхищения, правдиво, без ненависти к врагу.

Поэт пишет бессмертное стихотворение «Кавказ» («Кавказ подо мною. Один в вышине...») в 1829 г. и снова создаёт образы, заставляющие не только увидеть Кавказ, но как бы даже почувствовать его дух, силу и величие гор:

...Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне...
Здесь тучи смиренно идут подо мной,
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады...
Где Тёрек играет в свирепом веселье;
Играет и воет, как зверь молодой...¹

В этой связи поражает то, что один из первых исследователей творчества великого поэта К. Н. Бегичев мог написать: «Не одни военные подвиги, а вообще такой чудный край, как Кавказ, по-видимому, не произвели на Пушкина должного поэтического впечатления» [1, с. 19].

У стихотворения «Кавказ» есть ещё одна строфа, которую цензура до сих пор не представляет широкой публике, т. к. в ней содержатся раздумья о роли России в Кавказской войне.

Кавказская тема в творчестве А. С. Пушкина изучена достаточно подробно, однако тем и велик его талант, что произведения в каждый период истории России раскрываются с другой стороны, доказывая тем самым богатство граней его ума и гения.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегичев К. Н. Пушкин на Кавказе / сост. К. Н. Бегичев. Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1899. 39 с.
2. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. 721 с.
3. Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи, 1930–1970 гг. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. 231 с.
4. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: В типографии С. Селивановского 1822–1823.
5. Кусов Г. И. А. С. Пушкин и русско-кавказские историко-культурные связи: дис. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 1998. 306 с.
6. Скатов Н. Н. Русский гений [О А. С. Пушкине]. М.: Современник, 1987. 350 с.
7. Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. 106 с.
8. Шадури В. С. Пушкин и грузинская общественность. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1966. 229 с.

REFERENCES

1. Begichev K. N. *Pushkin na Kavkaze* [Pushkin in the Caucasus]. Tiflis, tip. K. P. Kozlovskogo Publ., 1899. 39 p.
2. Blagoi D. D. *Tvorcheskij put' Pushkina. (1826–1830)* [Pushkin's Creative Path (1826–1830)]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1967. 721 p.
3. Bondi S. M. *Chernoviki Pushkina. Stat'i, 1930–1970 gg.* [Drafts of Pushkin. Articles, 1930–1970]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1978. 231 p.
4. Bronevsky S. M. *Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The Latest Geographical and Historical News about the Caucasus]. Moscow, V tipografii S. Selivanovskogo, 1822–1823.
5. Kusov G. I. A. S. *Pushkin i russko-kavkazskie istoriko-kul'turnye svyazi: dis. ... d-ra filol. nauk* [Pushkin and Russian-Caucasian Historical and Cultural Connections: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Vladikavkaz, 1998. 306 p.
6. Skatov N. N. [About A. S. Pushkin]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987. 350 p.
7. Cherejsky L. A. *Pushkin i Severnyj Kavkaz* [Pushkin and the North Caucasus]. Stavropol, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986. 106 p.

¹ Пушкин А. С. Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине...») [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/689/p.1/index.html> (дата обращения 20.05.2024).

8. Shaduri V. S. *Pushkin i gruzinskaya obshchestvennost'* [Pushkin and the Georgian Public]. Tbilisi, Literatura da helovneba Publ., 1966. 229 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Махмудова Светлана Мусаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», и. о. директора института Иностранных языков, современных коммуникаций и управления Московского государственного психолого-педагогического университета;

e-mail: rutulsveta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Makhmudova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof.m Department of Linguodidactics and Intercultural Communication; Associate Director, Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management, Moscow State University of Psychology & Education;

e-mail: rutulsveta@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Махмудова С. М. К вопросу о кавказском периоде творчества Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 89–95.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-89-95

FOR CITATION

Makhmudova S. M. On the Question of the Caucasian Period of Pushkin's Work. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 89–95.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-89-95

УДК 82.09

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-96-105

ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА МАДОННЫ В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА

Яковлев М. В.^{1,2}¹Государственный гуманитарно-технологический университет
142611, Московская обл., г. Орехово-Зуево, ул. Зелёная, д. 22, Российская Федерация²Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Реконструкция динамики пушкинского восприятия и художественного воспроизведения образа Пречистой Девы.

Процедура и методы. Устанавливается эстетическая функция религиозного символа и его роль в формировании аксиологической системы поздней лирики А. С. Пушкина. Рассматривается трансформация средневекового жанра видений как источника поэтического вдохновения. Обнаруживается софиологическая перспектива любовной поэзии, сформировавшей позднее художественную мифологию Вечной женственности. С помощью генеративного и герменевтического анализа пушкинских стихотворений «Мадона» (1830), «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), «К*** («Я помню чудное мгновенье...»)» (1825) раскрываются смысловые пласты образности, связывающей русскую и европейскую поэзию о любви в религиозно-софийном контексте.

Результаты. Делается вывод о том, что в ряде стихотворений А. С. Пушкина присутствуют не только аллюзии на европейское искусство, но и выражается глубинный опыт духовного лирико-мистического переживания красоты, любви, женственности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют и дополняют представления о культурологических источниках, контексте и возможностях интерпретации классических стихотворений А. С. Пушкина в системе дискуссионности и феномена приращения смыслов.

Ключевые слова: вечная женственность, видение, Мадонна, роза, София

THE GENESIS AND TRANSFORMATION OF MADONNA'S IMAGE IN THE POETRY OF A. S. PUSHKIN

M. Yakovlev*State University of Humanities and Technology
ul. Zelenaya, 22, Moscow region, Orekhovo-Zuevo, 142611, Russian Federation**Federal State University of Education
ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reconstruct the dynamics of Pushkin's perception and artistic reproduction of the image of the Blessed Virgin Mary.

Methodology. The aesthetic function of the religious symbol and its role in the formation of the axiological system of Pushkin's late lyrics are established. The transformation of the medieval genre of visions as a source of poetic inspiration is considered. The sophological perspective of love poetry is revealed, which later formed the artistic mythology of Eternal Femininity. With the help of generative and hermeneutic analysis of Pushkin's poems "Madonna" (1830), "There lived a poor knight..." (1829), "To***

(“I remember a wonderful moment...”)” (1825), the semantic layers of imagery linking Russian and European poetry about love in a religious and sophistic context are revealed.

Results. It is concluded that in a number of Pushkin's poems there are not only allusions to European art, but also a deep experience of spiritual lyrical and mystical experience of Beauty, Love, and Femininity.

Research implications. The results of the study expand and complement the understanding of cultural sources, context and possibilities of interpretation of classical poems by A.S. Pushkin in the system of discourse and the phenomenon of increment of meanings.

Keywords: eternal femininity, vision, Madonna, rose, Sophia

Введение

Определяя своеобразие русско-го творческого менталитета на примере А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевский в «Пушкинской речи» 1880 г. указывает на универсализм мировоззрения великого предшественника. Образное понятие «всемирной отзывчивости»¹ предполагает не только интуитивную чуткость к многообразию меняющегося мира, душевную вовлечённость Пушкина в явления жизни, но и многообразные культурологические источники. Для Достоевского это подражания европейским поэтам, среди которых он выделяет Парни, Шенье, Байрона². В поэме Пушкина «Цыганы» Достоевский обнаруживает влияние философии Руссо³. Мистика западного протестантизма в стихах Пушкина, по мысли русского христианского писателя, аналогична духу ислама в «Подражании Корану». А монотеистические коранические мотивы не противостоят языческому многобожию «Египетских ночей»⁴. К этому добавляются проекции из рыцарской культуры и литературы. Достоевский пишет: «Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон-Жуана», и, если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец»⁵. К этому перечню стоит добавить многочисленные сти-

лизации под европейскую античность и Возрождение.

Цель статьи заключается в реконструкции динамики пушкинского восприятия и художественного воспроизведения образа Пречистой Девы, в выявлении особенностей его усвоения западноевропейской традиции и её трансформации, особенностей его личностного художественного опыта создания духовного женского образа. Конкретные задачи заключаются в уяснении некоторых жанровых и духовно-эстетических аспектов преломления западноевропейской традиции в отдельных произведениях, которые в связи с этим получают дополнительные коннотации. Данная статья не претендует на обобщающую полноту раскрытия этой многоаспектной темы в творчестве поэта «всемирной отзывчивости». Остановимся лишь на концептуально значимом для западноевропейских культуры и поэзии А. С. Пушкина образе Мадонны. В аспекте истолкования нас будут интересовать три текста: «Мадона» 1830 г.⁶, «Жил на свете рыцарь бедный...» 1829 г.⁷ и «К*** («Я помню чудное мгновенье...»)» 1825 г.⁸, а также ряд типологически сопоставимых произведений с доминирующим женским образом.

¹ Достоевский Ф. М. Пушкинская речь // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. В 2 кн.: кн. 2. М.: Астрель, 2004. С. 411.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Пушкин А. С. Мадона // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 268.

⁷ Пушкин А. С. Жил на свете рыцарь бедный... // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 433.

⁸ Пушкин А. С. «К.*** («Я помню чудное мгновенье...»)» // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 121.

Секуляризация образа Мадонны в западноевропейской культуре: пушкинская рецепция

Прежде всего, важно увидеть культурологическую маркированность слова «Мадонна» – от итальянского выражения «mia donna», т. е. буквально «моя госпожа». Во французской версии слово «донна» получило вариант «дама». Отсюда – наименование знаменитого Собора «Нотр-Дам-де-Пари» (фр. Notre-Dame de Paris), то есть буквально «наша дама» или «наша госпожа». В православном словоупотреблении земная мать Богочеловека Иисуса Христа именуется «Богоматерь» или «Богородица» (лат. Mater Domini – Матерь Божия). При этом акцент с семантической закономерностью ставится на идее «материнства». Для православных Святая дева – это прежде всего Святая мать.

Почитание Мадонны как госпожи и святой девы в средневековой и возрожденческой (постсредневековой) куртуазной культуре сформировало литературно-мистический культ Прекрасной дамы. В нём соединялись идеи власти, святости, красоты и любви. Религиозно маркированный образ Мадонны в придворной рыцарской поэзии проецировался на образ земной госпожи и возлюбленной. Любовь осознавалась как служение, имела возвышенно платонический смысл. Этому посвящён трёхтомный трактат XII в. «О любви» (лат. «De amore libri tres»)¹. Его автор, теоретик куртуазной любви Андрей Капеллан, священник, совмещающий службу в капелле-храме с другой должностью, являясь католическим монахом (отметим, что в католицизме все духовенство является монашествующим) – чётко противопоставлял духовное и физическое понимание любви, которое восходило ещё к Платону, указывавшему на два образа Афродиты – Афродита Урания (Небесная) и Афродита Пандемос (общенародная, простонародная). К этому добавляется христианское,

религиозно-апокалиптическое противопоставление жены, облечённой в солнце, и великой блудницы [8].

В секулярном искусстве сближение символики Мадонны и Прекрасной дамы имело двойственные последствия. С одной стороны, земная женщина возводилась в сакральный статус, приобретала неземные, ангелоподобные, «божественные» черты. Это происходило потому, что и католическая, и православная церковь чтит Пресвятую Богородицу как «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим» (молитва «Достойно есть...»)², т. е. ставит её выше ангельского мира. В католической догматике исключительность Девы Марии в созданном Богом мире закрепила в полемическом учении о «непорочном зачатии» Пресвятой девы. При физическом зачатии от земных родителей она была очищена Богом от общего первородного греха, т. е. согласно терминологической богословской логике, она является богом по благодати, Богочеловеком, почти в том же смысле, что и её сын – Богочеловек Иисус. Заметим, что в Ветхом Завете понятие «сыны Божии» относилось к тварным существам – к ангелам и людям: «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы» (Ср. Иов.38: 4-7; Пс.81:6; Ин.10: 34-36). В христианском богословии, сформированном во многом под полемическим влиянием греческой мифологии и философии (многие святые отцы и учителя христианской церкви были этническими и культурно образованными греками), произошло отождествление символических понятий «Сын Божий» и «Бог». Мир создан любовью Бога-Отца. Если именовать Всевышнего Творца – Отцом, то закономерно считать себя его сыном. И дочерью.

Однако очевидно, что в искусстве метафорическое смешение религиозного почитания Пресвятой девы и преклонения перед земной возлюбленной приводит к сложным духовно-эстетическим подменам, вызванным общим утасанием религиозного чувства, последовательным обмирщением

¹ Капеллан А. О любви [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XIII/Zizneop_Trubadur/101-120/108.phtml?id (дата обращения: 10.05.2024).

² Православный Молитвослов и Псалтирь. М.: Издательство Свято-Данилова монастыря, 1995. С. 22.

европейской и русской цивилизаций. Оно началось в эпоху Возрождения реставрацией дохристианского язычества с его культом обожествлённого тела и земного мира. Согласимся с К. А. Поташовой в том, что образ Мадонны переживался Пушкиным и Лермонтовым преимущественно эстетически, а не молитвенно-религиозно [3].

По заключению Павла Флоренского в статье «Обратная перспектива» (1919) именно из ренессансной «Флоренции» распространяется волна омирщения и «натуралистической живописи». Мыслитель отмечает, что «религиозный сюжет становится только предлогом для изображения тела и пейзажа» [7, с. 215]. Собственно, и сам многозначный термин «возрождение» по смыслу должен читаться как «возрождение язычества».

Следствие такой опасной секуляризации обнаруживается и в наследии Пушкина. К стилистике вольнодумного вагантского хулиганства относится и стихотворение 1826 года «К** («Ты богоматерь, нет сомненья...»)¹, где речь идёт о боге Амуре (или Эроте, Эросе, Купидоне) (античном боге страстной любви), считающемся сыном Афродиты. Амур оценивается 27-летним автором как бог лирических поэтов Парни, Тибулл, Мура и, конечно, его «богом» тоже. Причём в результате синтаксической игры самого себя он объявляет сыном той же божественной «матери». А в финале и вовсе называет её «богородицей». Шутливое сближение в духе современного постмодерна звучало провокационно: «Он весь в тебя – ты мать Амура, / Ты богородица моя!»² В словосочетании «богородица моя» в зависимости от логического ударения смысловой акцент может стоять и на слове «богородица», и на лирической самоидентификации притяжательного местоимения «моя», и на личном местоимении

«я». В таком контексте Пушкин шутливо отождествляет самого себя с Амуром.

Со времён концептуально значимых исследований Вл. Соловьёва «Судьба Пушкина» (1897) [5] и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899) [4] сложная духовная эволюция Пушкина исследована достаточно подробно. Отдельной проблемой для религиозных мыслителей и интерпретаторов было изменение отношения поэта к христианству и, разумеется, к русскому православью. Однако важно заметить, что этот путь к предсмертным покаянным дням и часам прошёл через усвоение западных христианских образов. Формирование женского поэтического идеала в лирике Пушкина во многом определилось символикой образа Мадонны как божественной красоты и небесной любви. Типологически символика некоторых женских образов у Пушкина сопоставима с атрибутами Софии как Вечной женственности в мифопоэтике самого Вл. Соловьёва, скажем, в книге «Россия и Вселенская Церковь» (1889)³, поэме «Три свидания» (1898)⁴, стихотворениях «Das Ewig-Weibliche» («Вечная женственность») (1898), «Знамение» (1898) и других произведений⁵. Исследователи посчитали, что Пушкин 23 раза останавливался в Новгороде Великом⁶, поэтому вполне можно предположить, что интересовавшийся историей поэт мог побывать и в старинном новгородском соборе Святой Софии с его знаменитой аллегорической иконой Софии премудрости с центральной фигурой теофанического ангела, сидящего на троне⁷. Женский грамматический род имени

³ Соловьёв В. С. Россия и Вселенская Церковь. М.: Амрита, 2024. 750 с.

⁴ Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе, и конце всемирной истории. Три свидания. М.: Карамзин, 2018. 186 с.

⁵ Соловьёв В. С. Полное собрание стихотворений. М.: Rugram, 2021. 262 с.

⁶ Смирнов В. Новгородские адреса Пушкина [Электронный ресурс]. URL: <https://53news.ru/novosti/68187-viktor-smirnov-novgorodskie-adresa-pushkina.html> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷ София – премудрость Божия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/11409/СОФИЯ (дата обращения: 10.05.2024).

¹ Пушкин А. С. Ты, богоматерь... // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 425.

² Пушкин А. С. К*** // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1974. С. 94.

София впоследствии повлияла на русскую мистику и мифопоэтику премудрости Божией как вечной женственности. На Киевской иконе Софии премудрости центральной фигурой является образ Богородицы, символически соединяющий ветхозаветный символ божественной мудрости (Прит. 8: 22–31) и апокалиптическое видение «Жены, облечённой в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звезд» (Отк. 12:1). В связи с этим вспомним многозначный образ царевны Лебедь из «Сказки о царе Салтане...» (1831), наделённый похожими астрономическими, софийными атрибутами: «Днём свет Божий затмевает, / Ночью землю освещает – / Месяц под косою блещит, / А во лбу звезда горит»¹. Та же многозначность присутствует и в стихотворениях, связанных у Пушкина с символическим образом Мадонны.

Возрожденческие источники стихотворения А. С. Пушкина «Мадона»

Литературоведческое размышление о стихах А. С. Пушкина хотелось бы начать в обратном хронологическом порядке, с произведения 1830 г. с программным названием – «Мадона» (у автора с одним «н»).

Как известно, оно посвящено невесте – Наталье Гончаровой. Автобиографический сюжет любви и сватовства получает у Пушкина культурологический характер. Изображение Мадонны, которым лирический герой хочет украсить свою «обитель», может считаться обозначением монастыря (в лексике Пушкина также встречается и слово «келья»), как на картине Рафаэля «Бриджутерская Мадонна».

В. А. Жуковский, ссылаясь на В. Г. Вакендорера, рассказывал легенду о том, что Рафаэлю, не удовлетворённому своими набросками лика Мадонны, Пресвятая Богородица явилась во сне сама [1, с. 28]. Ту же легенду о видении-сновидении Рафаэля приводит Флоренский в

фундаментальной богословской и искусствоведческой статье 1922 г. «Иконостас» [9, с. 58–60]. Рафаэль создавал свои полотна, изображающие Мадонну, под влиянием образа Святой девы, увиденного им во сне, или, как это называет Писание, в «тонком сне», в котором сознанию человека являются небесные силы (Ср. Мф. 1:20). Да и само имя художника «Рафаэль» («Рафаил») – это имя архангела, управляющего мыслью человека и его исцелением. Для современников и потомков художник воспринимался как визионер, как избранник самой Богородицы. Характерно, что могила Рафаэля находится в Риме, в Пантеоне, ставшем католическим собором, и располагается рядом со скульптурой царицы небесной, как бы покровительствующей мастеру. В 1828 г. Пушкин пишет стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...»², где Рафаэль упоминается как создатель образа Мадонны. И, вероятно, именно Мадонна именуется «богиней вечной красоты»³, приобретая не религиозный, а обобщённо-эстетический характер.

Нечто подобное возникает и в художественном сознании Пушкина. В письме невесте русский поэт отмечает её необычайное сходство с «белокурой мадонной», перед которой он «простаивает часами». Отметим, что в том же письме он называет своих светских петербургских приятельниц «прекрасными дамами»⁴. В сознании русского поэта как бы соединяются три ключевых образа-переживания: любовь к Гончаровой, светловолосая Мадонна на картине Рафаэля и символика почитания Прекрасной дамы (хотя множественное число в частном письме придаёт этому словосочетанию иронический оттенок). Представляется, что кроме Рафаэля, в подтексте присутствует ещё один католический (т. е. «вселенский») источник из эпохи раннего Возрождения – Данте Алигьери.

¹ Пушкин А. С. Сказка о царе Салтане // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1974. С. 298.

² Пушкин А. С. Кто знает край, где небо блещет... // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ Пушкин А. С. Письма. URL: <https://creativpodiya.com/posts/3506> (дата обращения: 10.05.2024).

Любовь Данте к Беатриче последовательно ввела в общеевропейский литературный контекст средневековый жанр видений. В данном случае, это видения возлюбленной, являющейся посланником Бога, ангелом-путеводителем, «одигитрией». Стихотворение Пушкина написано в жанре сонета, который активно использовался Данте в книге «Новая жизнь». В том же, что и стихотворение «Мадона», 1830 г., произведении «Сонет» упоминается имена поэтических учителей: «Суровый Дант не презирал сонета; / В нём жар любви Петрарка изливал...»¹. Дань итальянской традиции усиливается тем, что и произведение, посвящённое Гончаровой, также написано в жанре сонета.

Стихотворение Пушкина «Мадона» завершается своего рода лирическим трансом, видением нисхождения небесной красоты в земной мир. Очевидно, что Гончарова здесь оказывается лишь формой, вестником мира иного. Это не столько любовь к реальной женщине, сколько лирическое созерцание «образца», интуитивное переживание символа Вечной женственности: «Исполнились мои желания. Творец // Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, // Чистейшей прелести чистейший образец»².

Стихотворение А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» в контексте христианской культуры

Опыт переживания и восприятия Богородицы как Прекрасной дамы гениально воплотился в балладе 1829 г. «Жил на свете рыцарь бедный...», созданной в тот же напряжённый период жизни и творчества, что и стихотворение «Мадона». Стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» концептуально исследовано в книге И. З. Сурат «Жил на свете рыцарь бедный...» (1990) [6], где внимание сосредоточено по преимуще-

ству на биографической интерпретации и литературных истоках и контекстах этого произведения. Проводится интересный текстологический анализ вариантов текста, датируемых 1829 и 1831 гг., а также редакции 1935 г. Обнаруживаются параллели с произведениями В. А. Жуковского (хореическая метрика была наиболее органична для его баллад), в частности, с балладой «Путешественник»³, восходящей к произведению Шиллера «Пилигрим». Участие в войне с сарацинами развивается в балладе Шиллера-Жуковского «Рыцарь Тогенбург»⁴. Жанр видения сопоставим с балладами «Таинственный посетитель» и «Монах»⁵. Пушкинист справедливо отмечает образные и идейные параллели между пушкинской стихотворной легендой о рыцаре и произведениями «Пророк» и «Бесы» и в то же время подчёркивает её уникальность. В монографии Сурат отмечает: «Мотивы же "Легенды" больше в поэзии Пушкина не появляются: ни мистической эротики, ни идеи жертвенного служения идеальной любви больше нет в его стихах, как не было и до этого» [8, с. 112]. Думается, что уникальность произведения может быть связана не только с контекстными параллелями, а с раскрытием самих религиозных символов, как это было и в стихотворении «Пророк»⁶. Это не «вторичные» стилизации, а персоналистические лирические откровения. Библейские аллюзии и европейская христианская символика художественно переживаются русским гением как подлинная религиозная реальность, как следствие духовного трансценза его сознания в инобытие.

В рамках статьи нас интересуют непосредственно католические источники образности и лексики в стихотворении русского поэта. Прежде всего, это сло-

¹ Пушкин А. С. Сонет // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 158.

² Пушкин А. С. Мадонна // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 166.

³ Жуковский В. А. Путешественник // Баллады. М.: Детиздат, 1936. С. 137

⁴ Жуковский В. А. Рыцарь Тогенбург // Баллады. М.: Детиздат, 1936. С. 168.

⁵ Жуковский В. А. Баллады. М.: Детиздат, 1936. 336 с.

⁶ Пушкин А. С. Пророк // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 146.

ва латинских молитв. Обращение «Ave, Mater Dei...» – «Славься, мать Божия...» восходит к словам архангела Гавриила (Евангелие). По-славянски это «Песнь Пресвятой Богородице», начинающаяся словами: «Богородице дева, радуйся, благодатная Марие, Господь с тобою...»¹. Второе молитвенное восклицание, которое приводит Пушкин: «Lumen coelum, sancta Rosa!» – «Свет небес, святая Роза!»².

Святой Розе посвящён центральный витраж католического храма. Этот образ имеет и словесное выражение. Он связан с символикой «Розария» – цикла молитв «Венок из роз», восходящих к IX в. Так же называются и молитвенные чётки (или венчик), данные святому Доминику в 1214 г. Доминику явилась сама Пресвятая дева и объяснила важность чтения «Розария». Как и пушкинский герой и другие визионеры, этот католический монах «имел одно виденье, непостижное уму». Герой стихотворения Пушкина осознаёт необходимость почти монашеской чистоты, которая становится для него желанной потребностью, а не аскетическим подвигом веры. Вера переживается как любовная преданность Пресвятой деве, которая становится дамой, т. е. госпожой его сердца. Любовь и вера сливаются в одно чувство верности.

Незримое присутствие Мадонны определяет мистическую душу католической церкви. Однако эта же тайна согревает и молитвенную душу русского православия. У всей христианской церкви – одна душа, это душа Приснодевы-матери, Пресвятой Богородицы Марии.

Знаменательно, что старшим современником А. С. Пушкина был Серафим Саровский (1759 (54) – 1833), который, согласно его житию, многократно удостоился личных посещений Пресвятой Богородицы³. Это были не просто виде-

ния, «непостижные уму», а реальные духовные встречи. Любимой иконой преподобного Серафима стал образ «Умиления» (ныне Серафимо-Дивеевский), который по иконографическому канону ближе к католической традиции, в частности, к иконе «Остробрамская». В образе запечатлён сюжет «Невесты Божьей». На иконе Святая дева изображается без Богомладенца, с руками, сложенными крестообразно на груди, с закрытыми глазами, погружённая в молитвенное созерцание, – или видение. Можно предположить, что этот образ, прославленный преп. Серафимом под именем «Всех радостей радость», имеет наибольшее портретное сходство с реальной Пресвятой Богородицей, какой она пребывает в потустороннем мире.

Тем самым откровение Мадонны становится содержанием и русской религиозной жизни, и светского искусства. В западной рыцарской литературе символика красоты и любви как небесного цветка развивается в аллегорических романах, в частности, это французский «Роман о Розе»⁴, и поэзии трубадуров, сформировавших культ Прекрасной дамы в образах девы-розы и её служителя соловья. Соловей, как известно, – это устойчивая эмблема поэта. А вот вариант этой символики у Пушкина в стихотворении 1824 г. «О дева-роза, я в оковах...», где «соловей в кустах лавровых» «нежно песни ей поёт»⁵.

Уподобление женской красоты прекрасному цветку стало хрестоматийным ещё у пушкинских предшественников. К традиционной символике розы нередко обращается автор-лицеист. Готовя стихотворение к первой публикации, Пушкин добавил к нему подзаголовок «Подражание турецкой песне». Отметим, что восточная символика розы, вероятно, была привезена и канонизирована в европейском искусстве западными крестоносцами. Отсюда и более

¹ Православный молитвослов и псалтирь. М.: Издательство Свято-Данилова монастыря, 1995. С. 17.

² Пушкин А. С. Жил на свете рыцарь бедный... // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 114.

³ Саровский С. Духовные наставления и пророчества. М.: Эксмо, 2018. С. 42.

⁴ Гийом Лоррис. Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма. М.: Героика и спорт, 2007. 671 с.

⁵ Пушкин А. С. О дева-роза, я в оковах... // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 185.

поздняя символика розенкрейцерства – роза и крест.

Мы знаем, что Пушкин никогда не был в Европе, да и вообще за границей. Однако символика видения розы как Мадонны и розы как рая используется в «Божественной комедии» Данте, где возлюбленная становится ангелом и музой поэта-визионера. В 30 песне «Рая» читаем: «В желть вечной розы, чей цветок раскрыт / И виширь, и вывьс и негой благовонной / Песнь Солнцу вечно Вышнему творит, / Я был введён – как тот, кто смолк смущённый – / Моей владычицей...»¹ Здесь словосочетание «моя владычица» – как раз и предполагает в латино-итальянской версии слово «мадонна» («mia donna») – «моя госпожа».

Западная символика Мадонны угадывается в натурфилософских образах поэзии Гёте – стихотворении «Душа мира» и трагедии «Фауст», где, потеряв Маргариту-Жемчужину-Афродиту, герой ищет встречи с Еленой как воплощением Вечной женственности. Символика Маргариты как Афродиты формируется известной картиной Сандро Боттичелли «Рождение Венеры». Венера – это латинская версия Афродиты. И Венера-звезда сопоставляется с небесной жемчужиной.

Стихотворение А. С. Пушкина «К *»
(«Я помню чудное мгновенье...»)
как опыт создания духовно
преображённого образа**

А теперь вспомним всем известное стихотворение «К *** («Я помню чудное мгновенье...»)» 1823 г.², с которого мы начали размышление. Традиционно оно считается посвящением Анне Петровне Керн. Только современники и сам Пушкин отнюдь не сравнивали эту даму с Мадонной, а иронически называли Вавилонская Блудница – образ из Апокалипсиса, обозначающий анти-церковь, «блуд» не столько в физи-

ческом, сколько в духовном смысле как удаление от Бога (Откр.17:1– 18). Но это стихотворение не про отступничество, Пушкин преображает реальный образ, угадывает в нём «небесные черты»³, узревает «вестника духовного мира» [2, с. 44], раскрывая тем самым возможности земного грешного человека к духовному преображению.

Ключевыми словосочетаниями и словами здесь могут считаться выражения, пересекающиеся с балладой В. А. Жуковского «Лала Рук» (1821, опубликовано в 1827 г.), откуда заимствуется формула «гений чистой красоты»⁴. Слово «гений» в данном контексте обозначает «духа-покровителя». Говоря языком философии Платона, это сияние «идеи» красоты. Характерно, что у самого Жуковского есть стихотворение с расшифровывающим заглавием «Явление поэзии в виде Лала Рук» (1821)⁵. Первоисточником текста является баллада Томаса Мура «Lalla-Rookh», 1817 г.⁶ («возлюбленная», буквально «румяная» или «розовая» – от «розы»). Русский поэт посвятил своё произведение будущей императрице Александре Фёдоровне, жене Николая I.

Вслед за Жуковским ключевыми лирическими формулами в стихотворении Пушкина могут считаться «чудное мгновенье», «мимолетное виденье», «гений чистой красоты», «милые» и «небесные черты», глаголы «явилась» и «воскресли». Что же в итоге «воскресло»? – «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь». Хочется ещё угадать непроизнесённое слово «вера», вероятно, именно оно является основным источником вдохновения и невербальным содержанием стихотворного посвящения. Знаменитое, одновременно очень простое и многозначное произведение о вере в любовь, о любви как сути веры, о вере как содержании любви. Это и

¹ Алигьери Д. Божественная Комедия. М.: Правда, 1982. С. 504.

² Пушкин А. С. «К. *** (Я помню чудное мгновенье)» // Стихотворения Александра Пушкина / сост. Л. С. Сидяков. Ч. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 121.

³ Там же.

⁴ Жуковский В. А. Чудесный дар богов: Стихотворения. Баллады. М.: ТОО Летопись, 1998. С. 369.

⁵ Там же. С. 369.

⁶ Мур Т. Lalla-Rookh // Избранное / пер. Л. Володарской. М.: Радуга, 1986. С. 360.

есть формула вдохновения. И поэтического, и религиозно-мистического, и общечеловеческого.

Уже будучи женатым на Наталье Николаевне, Пушкин создал многозначный собирательный образ красавицы в стихотворении «Всё в ней гармония, всё диво...» 1832 г., записанном в альбом молодой графине Е. М. Завадской. Произведение заканчивается почти молитвенным предостоянием, софийной формулой божественной красоты в образе женщины. Так же, как и в других названных стихотворениях о любви=вдохновении=озарении, лирическое переживание напоминает молитвенный транс, видение небесной женственности, Мадонны=Софии: «Но встретишься с ней, смущённый, ты / Вдруг остановишься невольно, / Благоговея богомольно / Перед святыней красоты»¹. Здесь не хватает лишь соловьёвско-блоковского молитвенного местоимения «Ты» с большой буквы при обращении к героине, чтобы вступить в пространство мифопоэтики символизма.

Заключение

В контексте обозначенной в статье символики музыки как Мадонны это стихотворение звучит как гимн небесной красоте Святой девы, пережитой как видение. В этом хрестоматийном послании прочитывается неожиданный подтекст, вскрывающий тайные истоки женской образности в ряде стихотворений Пушкина. Предположим, что это видение Мадонны, которое переживали великие духовидцы – Данте, Рафаэль, св. Доминик и старший современник А. С. Пушкина преп. Серафим Саровский. Кому бы ни посвящались знаменитые строки, на наш взгляд, в них угадывается не столько конкретный адресат послания, сколько общая символика Святой девы, которая делает А. С. Пушкина не только национальным, но и европейским поэтом – поэтом всемирной отзывчивости, божественной любви и красоты, Святой Софии – поэтом Вечной женственности.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве / пер. с нем. С. С. Белокриницкой. М.: Искусство, 1977. 263 с.
2. Киселева И. А., Поташова К. А. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840): поэтика текста и образа // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463. EDN: ADSEMW.
3. Поташова К. А. Феномен Рафаэля в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: к проблеме родного и вселенского // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. URL: <http://science-education.ru> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Соловьёв В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. 527 с.
5. Соловьёв В. С. Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. 527 с.
6. Сурат И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...». М.: Московское культурологическое общество, 1990. 165 с.
7. Флоренский П. А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. 336 с.
8. Яковлев М. В. Между Мадонной и Великой Блудницей: уроки символизма в поэтическом мире Д. Андреева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. №6. С. 70–82.

REFERENCES

1. Wackenroder W. G. *Phantasien über die Kunst* (Rus. ed., Belokrinickaya S. S., transl. Fantazii ob iskusstve. Moscow, Iskuststvo Publ., 1977. 263 s.).
2. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Poem by M. Yu. Lermontov “To the Portrait” (1840): Poetic of the text and image]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of historical poetics], 2024, vol. 22, no. 2,

¹ Пушкин А. С. Красавица // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 226.

- pp. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463. EDN: ADSEMW.
3. Potashova K. A. [Raphael's phenomenon of in A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov's works: to the problem native and universal]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 4. Available at: <http://science-education.ru> (accessed: 10.05.2024).
 4. Solovyov V. S. [The meaning of poetry in Pushkin's poems]. In: *Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: konec XIX – pervaya polovina XX v.* [Pushkin in Russian philosophical criticism: The end of the 19th - the first half of the 20th century]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 527 p.
 5. Solovyov V. S. [The fate of Pushkin]. In: *Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: konec XIX – pervaya polovina XX v.* [Pushkin in Russian philosophical criticism: The end of the 19th - the first half of the 20th century]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 527 p.
 6. Surat I. Z. «*Zhil na svete rycar' bednyj...*» [“Once upon a time there lived a poor knight...”]. Moscow, Moskovskoe kul'turologicheskogo obshchestvo Publ., 1990. 165 p.
 7. Florensky P. A. *Ikonoostas: Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis: Selected works on art]. St. Petersburg, Mifril, Russkaya kniga Publ., 1993. 336 p.
 8. Yakovlev M. V. [Between the Madonna and the Great Harlot: lessons of symbolism in the poetic world of D. Andreev]. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Philological Sciences. Scientific reports of higher education], 2019, no. 6, pp. 70–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Михаил Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета; профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения; e-mail: 79104310619@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Yakovlev – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Russian Language and Literature of the State University of Humanities and Technology; Prof. of the Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education; e-mail: 79104310619@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлев М. В. Генезис и трансформация образа Мадонны в поэзии А. С. Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 96–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-96-105

FOR CITATION

Yakovlev M. V. The Genesis and Transformation of Madonna's Image in the Poetry of A. S. Pushkin. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 3, pp. 96–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-96-105

РЕЦЕНЗИИ

ПОЭТИКА БАТАЛЬНОГО ОБРАЗА В ЛИТЕРАТУРЕ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ (О КНИГЕ К. А. ПОТАШОВОЙ «ПОЭТИКА ЗРИМОГО В БАТАЛИСТИКЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА». М.: ПОСТАТОР, 2023. 240 С.).

Шевцова Л. И.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

THE POETICS OF THE BATTLE IMAGE IN THE LITERATURE OF THE PUSHKIN ERA (ABOUT THE BOOK BY K. A. POTASHOVA “THE POETICS OF THE VISIBLE IN THE MILITARY ART OF THE XVIII – FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY”. MOSCOW, POSTATOR PUBL., 2023. 240 P.).

L. Shevtsova

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Несмотря на, казалось бы, значительную изученность батальной поэзии первой трети XIX в. и постоянный научный интерес к словесной баталистике Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, говорить об исчерпывающей полноте и системности представлений о творческой работе поэтов над батальными образами было бы преждевременно. Тем более, как правильно отмечает К. А. Поташова, «поэтика зримого в словесной баталистике ещё не становилась предметом самостоятельного монографического исследования и по-прежнему нуждается в уточнении»¹. Следует отметить и отсутствие на данный момент обновлённых исследований, целостно раскрывающих особенности словесного претворения одной из основных тем мировой литературы, а именно героической темы, рассмотрение которой особенно значимо в связи с назревшей сегодня необходимостью актуализировать патриотическое воспитание подрастающего поколения. Именно поэтому своевременным и востребованным представляется монографическое исследование К. А. Поташовой «Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX века» (М.: Постатор, 2023), посвящённое поэтической образности русской баталистики рубежа XVIII–XIX вв.

Исконно, начиная ещё с древнерусской словесности, диалектика войны и мира являлась ведущей темой русской литературы. Не случайно в трагедии «Борис Годунов» А. С. Пушкина в словах монаха-летописца Пимена, вобравшего лучшие черты русских летописцев и служащего духовным центром произведения, акцентируются именно эти две стороны земного бытия как главные объекты словесного изображения: «Описывай, не мудрствуя лукаво, всё то, чему свидетель в жизни будешь: войну и мир»². В рецензируемой монографии предпринята попытка показать, с одной стороны, как эпохальные исторические события,

¹ Поташова К. А. Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX века. М.: Постатор, 2023. С. 6.

² Пушкин А. С. Борис Годунов // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 23.

в первую очередь Отечественная война 1812 г. и Кавказская военная кампания 1810–1830-х гг., повлияли на оформление укрепляющей ратный дух батальной поэзии, с другой – как влияла сама художественная литература на патриотические чувства русского народа, оформляла их на различных этапах его исторического развития. В монографии заслуживают пристального интереса и наблюдение исследователя над проникнутой общим патриотическим звучанием поэзией рубежа XVIII–XIX вв., и выявление им специальных художественных приёмов, способных при изображении истории с наибольшей силой воздействовать на читателя, и обращение к глубоким, стержневым размышлениям Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова о мессианском предназначении России.

Выбранный вектор исследования проблемы и исторический период, к которому обращается К. А. Поташова, не случаен. Именно на этом этапе истории русской словесности происходят кардинальные изменения поэтики: формируется новый взгляд на искусство в целом, его роль в общественной жизни, его соотносённость с действительностью. Напряжённые поиски новых форм связаны, как отмечает исследователь, с «переходом от патетической риторики к поэтической рефлексии»¹, который был обусловлен стремлением отыскать совершенную художественную формулу. В этой связи обращение автора к поэтике зримого, выявление основных форм создания художественного образа такой силы, которая способна возбудить в читателях эмоциональный отклик на исторические события, видится продуктивным направлением в изучении процесса развития баталистики рубежа XVIII–XIX вв., впитавшей лучшие традиции многовековой русской культуры и развивающей новаторские черты русской литературы.

Исследование К. А. Поташовой отличается широтой обзора проблемы взаимодействия вербального и визуального в

поэтике литературы, о чём свидетельствует сама структура монографии. От представленных в первой главе более широких наблюдений над особенностями эстетической мысли рубежа XVIII–XIX веков, воплотившихся в исторической живописи и словесности эпохи романтизма, автор переходит к более конкретным наблюдениям над закономерностями развития поэзии Отечественной войны 1812 г., скрупулёзно проанализированным во второй, третьей и четвёртой главах монографии. При том, что большая часть исследования посвящена непосредственно выявлению особенностей поэтической рефлексии прихода Наполеона на русские земли, пристальное внимание к которой безусловно связано с подъёмом национальной идеи, патриотизма и отваги, способствовавшим развитию документального начала, укреплению визуальности в русской поэзии, автор значительно расширяет горизонты своего исследования за счёт обращения к древнерусской культуре и фольклору. Особенно ценными в работе видятся сопоставления образов воина-росса и врага, сражения и победы, эсхатологической символики в поэзии первой трети XIX в. с топосами воинской повести периода Золотоордынского нашествия и героическими былинами, что позволило автору проследить традицию в поэтике зримости художественного образа, а также сделать убедительные наблюдения над новациями романтизма. Достоинством монографии является и то, что широта сделанных автором обзоров сочетается с конкретным анализом множества историко-литературных, культурных факторов и событий изучаемой эпохи.

Монография К. А. Поташовой отличается насыщенностью документальными источниками, в числе которых воспоминания, письма, заметки, статьи, большой объём художественных текстов, охватывающий как различные этапы развития словесности, так и многочисленные имена, среди которых К. Н. Батюшков, А. А. Бестужев-Марлинский, Ф. Н. Глинка, Н. И. Гнедич, Д. В. Давыдов, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, М. В. Ломоносов, М. Ю. Лер-

¹ Поташова К. А. Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX века. М.: Постатор, 2023. С. 226.

монтов, этот перечень имён дополняется и малоизвестными авторами второго и третьего ряда, а также неизвестными поэтами из церковной и военной среды, которые, будучи очевидцами и участниками Отечественной войны 1812 г., оставили о ней эмоциональные отклики. В кругу имён безусловное центральное место автор отводит А. С. Пушкину, в творчестве которого оформился «психологический портрет в батальном контексте»¹, заданы «нравственные меры оценки деятельности исторических лиц»², сам же батальный текст перестроился «в сторону углублённого психологизма»³. И в этом нельзя не согласиться с исследователем. Говоря о художественном мире А. С. Пушкина, стоит подчеркнуть особо, что сила его творчества заключается в создании галереи героических характеров, вобравших национальные черты всего русского народа и лучших людей поколения самого поэта. Национальный подъём 1812 г., лично прочувствованный Пушкиным, нашёл отражение в его произведениях, посвящённых русской истории. В своей монографии автор обращается и к ранним пушкинским «Воспоминаниям в Царском Селе», прославляющим героическое прошлое Руси и героину настоящего, связанную с победой над Наполеоном, и к впитавшей традиции классицистической батальной оды поэме «Полтава», центром которой стало изображение Полтавского боя, утвердившего Российскую Империю в одном ряду с европейскими державами, и к литературной критике А. С. Пушкина, в которой определяются художественные и эстетические принципы исторических сочинений, в том числе и по отношению к батальному образу. Автор отмечает, что именно А. С. Пушкин принципиально меняет художественную парадигму баталистики, провозглашая требования к достоверности как сочетание высокой патетики и ре-

алистичного образа, внимание к событиям «национально-исторического масштаба», необходимости «живописности образа мыслей и языка»⁴. Обращение к батальному тексту А. С. Пушкина в сопоставлении с военной поэзией Г. Р. Державина, В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова позволило автору заключить, что баталистика Пушкина «лишена постановочности»⁵ и «обнажает трагические судьбы героев»⁶, чем подготовила переход от батальной патетики к достоверности образа, достигнутой М. Ю. Лермонтовым, батальный текст которого перестал быть оторванным «от повседневной военной жизни», примером чему служит его «Бородино» и «Валерик».

Глубокому осмыслению К. А. Поташовой поэтики зримого в баталистике рубежа XVIII–XIX вв. предшествовал немалый труд по изучению научных работ, посвящённых теме исследования. Автор приводит широкий спектр научных материалов, среди которых и дореволюционные работы, и академические литературоведческие труды, и современные наблюдения, анализ которых позволил автору выявить новизну исследования, выбрать соответствующий методологический инструментарий, достоверно определить исторические особенности батального текста изученного периода. Научный стиль изложения анализируемого материала сочетается в монографии с ясностью и чёткостью мысли, дополняется примечательным иллюстративным материалом, в качестве которого использована аллегорическая графика современника А. С. Пушкина – А. Н. Оленина, – дополняющая изыскания исследователя, связанные с метафорикой, эмблематизмом и символизмом батального текста выбранного периода.

Книга К. А. Поташовой «Поэтика зримого в баталистике XVIII–первой трети XIX века» может быть адресована широкому кругу читателей: не только специалистам-литературоведам, но и всем интересующимся историей России и русской культурой.

¹ Поташова К. А. Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX века. М.: Постатор, 2023. С. 231.

² Там же. С. 231.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Там же. С. 231.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевцова Лариса Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: larisashev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa I. Shevtsova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: larisashev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шевцова Л. И. Поэтика батального образа в литературе пушкинской эпохи (о книге К. А. Поташовой «Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX века». М.: Постатор, 2023. 240 с.) // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 106–109.

FOR CITATION

Shevtsova L. I. The Poetics of the Battle Image in the Literature of the Pushkin Era (About the Book by K. A. Potashova “The Poetics of the Visible in the Military Art of the XVIII – First Third of the XIX Century”. Moscow, Postator Publ., 2023. 240 p.). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 106–109.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«МЫ РОЖДЕНЫ ДЛЯ ВДОХНОВЕНИЯ...»: ХРОНИКИ ПУШКИНСКИХ ДНЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Степченкова В. Н., Антропова А. О.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

“WE WERE BORN FOR INSPIRATION...”: CHRONICLES OF PUSHKIN’S DAYS AT THE STATE UNIVERSITY OF EDUCATION

V. Stepchenkova, A. Antropova

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

225-летие А. С. Пушкина в Государственном университете просвещения было отмечено масштабным мероприятием – кафедра русской и зарубежной литературы выступила инициатором и организатором Пушкинского фестиваля, который вобрал в себя серию научных, культурных и научно-популярных мероприятий. С 5 по 24 июня внимание факультета русской филологии было приковано к А. С. Пушкину, к тому, как знают и понимают его студенты из России и стран СНГ, к тому, как изучают его творчество в академической науке, чем занимаются литературные краеведы и музейные хранители.

5 июня в стенах университета состоялся интеллектуальный баттл «Пушкин: жизнь, творчество, эпоха», на котором юные филологи смогли продемонстрировать глубину знания жизни и творчества А. С. Пушкина, показать свою эрудицию в области рецепции произведений поэта в литературной критике и киноискусстве. Безоговорочным победителем стал студент 2 курса бакалавриата профиля «Русский язык и литература» Князева Алина.

6 июня – день рождения поэта – начался торжественным возложением цветов у памятника А. С. Пушкина около «Библиотеки-читальни А. С. Пушкина» в Басманном районе. Студенты читали пушкинские стихи, а преподаватели выступили со словами об А. С. Пушкине. Профессор И. А. Киселева говорила о Пушкине как о личностном образце каждого русского человека, о его душевном здоровье, гармоническом развитии и силе духа. Речь профессора А. В. Гулина была посвящена роли Пушкина в формировании русского национального самосознания и актуальности звучания стихов поэта для современности. Профессор О. В. Шаталова акцентировала значение Пушкина для развития русского литературного языка, доцент А. В. Шмелёва отметила, что пушкинское слово сопровождает нас на протяжении всей нашей жизни. После торжественного чествования Пушкина доцент К. А. Поташова провела интерактивную экскурсию по пушкинским местам Басманного района, с которым были связаны детские годы поэта.

В пушкинский день профессор Т. Е. Шаповалова и доцент А. В. Шмелёва организовали проведение «пушкинского диктанта», в котором приняли участие не только студенты Государственного университета просвещения, но и гости – воспитанницы пансиона при Министерстве обороны Российской Федерации. Профессор И. А. Киселева провела мастер-

класс по чтению рукописей Пушкина: студенты смогли познакомиться с пушкинскими автографами, совершить попытку разобрать пушкинский почерк, приобщиться к движению его поэтической мысли.

Пушкинский день закончился просмотром и обсуждением постановки студенческого театра факультета русской филологии по «Повестям Белкина». Особенно много сил в неё вложили студенты 3 курса Д. Анисимова, Я. Милосердова, В. Тахтаева. Театральная интерпретация пушкинских повестей опиралась на тщательное изучение трудов пушкинистов и статей литературных критиков о Пушкине.

7 июня в рамках Пушкинского фестиваля состоялся круглый стол «Лирика А. С. Пушкина 1820–1830-х годов в аксиологическом освещении», охвативший широкий спектр вопросов, связанных с методологией изучения творчества поэта. Дискуссионная площадка была организована преподавателями кафедры русской и зарубежной литературы – д. филол. н., профессором И. А. Киселевой и к. филол. н., доцентом К. А. Поташовой; участниками стали молодые исследователи, объединённые общим стремлением прикоснуться к гению Пушкина, погрузиться в историко-культурную атмосферу первой трети XIX в., возможностью продемонстрировать свои первые исследовательские опыты.

Прошедший круглый стол позволяет выявить несколько областей в современной пушкинистике, по сей день привлекающих внимание филологов. Одно из таких направлений связано с обращением к историческому контексту произведений Пушкина, данному в широком диапазоне – это и отражение древнерусской истории в поэзии (Е. Панкеева, «Древнерусские аллюзии в стихотворении А. С. Пушкина “Воспоминания в Царском Селе”»), и отклики на события Отечественной войны 1812 года (А. Рябова, «Образ Руси в стихотворении А. С. Пушкина “Бородинская годовщина”»), и патриотические стихи «Клеветникам России» (А. Руднева, «Акустика стихотворения А. С. Пушкина “Клеветникам России”»). Прослеживая историческую тему в творчестве Пушкина,

участники круглого стола обратились к особенностям историософии поэта, пониманию им мессианского предназначения России, говорили о торжествующей истине во взглядах Пушкина на историю.

Значительное внимание было уделено и мотивно-тематическому комплексу в творчестве Пушкина. Ведущее место здесь отведено мотиву творчества, обращение к которому обусловлено сформировавшимися в поэзии Пушкина новыми формами и принципами выражения природы гениальности, предназначения поэта и его слова, ещё требующими пристального внимания литературоведов. В процессе представления и обсуждения докладов были сделаны выводы о понимании юным Пушкиным поэзии как стимула для саморазвития, своего рода средства духовно-нравственного воспитания человека (Е. Корсунова, «Тема поэта и поэзии в стихотворении Александра Сергеевича Пушкина “К ней” (“В печальной праздности я лиру забывал...”»); М. Мягчилова, «Мотив вдохновения в стихотворении А. С. Пушкина “Недоконченная картина”»), о совершенно отличных от предыдущей поэтической традиции особенностях претворения мотива поэта и поэзии в зрелом творчестве, связанного с созданием образа поэта-пророка (К. Вдовина, «Концепция творчества в стихотворении Пушкина “Поэт”»). Представленные тонкие и частные наблюдения участников круглого стола позволили составить единое понимание динамики развития воззрений Пушкина на предназначение поэта.

Ещё одним направлением изучения творчества Пушкина явилось обращение к литературному контексту. Внимание к кругу современников поэта (Е. Камишкерова, «Мотив разлуки в творчестве А. С. Пушкина и В. К. Кюхельбекера»; Е. Шурмухина, «Образ древнего певца в стихотворении А. С. Пушкина “Гнедичу”»), в том числе к тем, чьё творчество не было отмечено особым вниманием специалистов-литературоведов, позволило проследить в поэтических откликах на одни и те же события влияние, какое Пушкин, Кюхельбекер, Гнедич оказали друг на друга. Результатом

выхода к более широкому русско-европейскому контексту (У. Сизых, «Стихотворение Байрона "Written in an album, at Malta" в переводе А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева и М. Ю. Лермонтова») стали наблюдения о переводческих особенностях Пушкина. В частности, на материале стихотворения «Что в имени тебе моём» и байроновского источника «Written in an album, at Malta» был сделан вывод, что Пушкин, хотя и сохраняет систему образов Байрона, но всё же значительно расширяет границы произведения, привнося оригинальные идеи и шире разворачивая мысль. Здесь же отметим и доклад, посвящённый выявлению особенностей перевода творчества Пушкина на болгарский язык (Я. Милосердова, «Стихотворение "Анчар" А. С. Пушкина в болгарских переводах: особенности понимания»), в котором отмечено, что переводчики по-разному понимали произведения поэта и, превращая их в свою интерпретацию, объясняли изменения в тексте сохранением единства ритма, пафосом произведения, спецификой болгарского языка и образа мира.

Говоря о методологических подходах к изучению творчества Пушкина, участники конференции сформулировали важность текстологического исследования его поэзии, открывающего возможность точно понять авторскую мысль, проследить за ходом идеи и приблизиться к пониманию художественного метода. Докладчики, усвоив методологические подходы старших коллег, продемонстрированные накануне, представили свои исследовательские пассажи, связанные с применением текстологического анализа при сопоставлении черновика и беловика стихотворений «К Чаадаеву» (Е. Моренинова, «Творческая история стихотворения А. С. Пушкина "К Чаадаеву"»), «Не пой красавица при мне...» (В. Скоблова, «Творческая история стихотворения А. С. Пушкина "Не пой, красавица, при мне..."»), «Красавица» (И. Супрядкина, «Поэтика портрета в стихотворении "Красавица"»), что показало преемственную связь поколений между опытными учёными и молодыми начинающими исследователями.

Ещё одним привлекающим принципом изучения творчества Пушкина для исследователей стал сравнительно-сопоставительный подход, результаты которого нашли отражение в целом комплексе докладов о пушкинской традиции в творчестве М. Ю. Лермонтова (Д. Анисимова, «Образ солнца в романе в стихах "Евгений Онегин" А. С. Пушкина и в романе "Герой нашего времени" М. Ю. Лермонтова»; В. Тахтаева, «Образ свечи в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова»; А. Якимовская, «Пушкинская традиция в стихотворении М. Ю. Лермонтова "Ветка Палестины"»). Наблюдения за поэтическим наследием Пушкина и Лермонтова, принадлежащим к единой сфере ценностного пространства и оттого содержащим в себе почти равные поэтические фигуры, стёрли некоторые стереотипы, к примеру, прочную ассоциацию Пушкина как дневного поэта и Лермонтова как ночного.

8 июля студенты и преподаватели факультета русской филологии посетили выставку «Друзья и современники Александра Сергеевича Пушкина», подготовленную сотрудниками Российской государственной библиотеки к 225-летию со дня рождения поэта. Увидели альбомы членов семьи поэта, автографы и рисунки людей, с которыми близко общался А. С. Пушкин. В музее книги Российской государственной библиотеки смогли ознакомиться с дарственными надписями Пушкина на его прижизненных изданиях.

15 и 16 июня магистранты программы подготовки «Филология и мировая художественная культура» вместе с профессором И. А. Киселевой и доцентом К. А. Поташовой посетили пушкинские места на Псковской земле. Возложили цветы на могилу Пушкина в Святогорском монастыре. Магистранты А. Андриашина, А. Антропова, А. Атласова, П. Карпова, А. Щербакова подготовили и провели интерактивные экскурсии по музею-заповеднику «Михайловское», рассказали об организации экспозиции в усадьбах Тригорское, Михайловское, Петровское, о связи семьи Пушкина со Святогорским монастырём.

Поездка позволила проникнуться духом, архитектурой, историей древнего Пскова и вместе с тем дала возможность погрузиться в пушкинское время: изучение студентами мест, названных поэтической родиной великого поэта, и произведений, связанных с писателем и Псковским краем, во многих из которых отражается память писателя о родных краях. Именно в Пушкинских горах возможно в действительности почувствовать подлинную народность Александра Сергеевича Пушкина, его бессмертие.

На протяжении всего времени пушкинского фестиваля в онлайн-режиме проходил организованный кафедрой русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения международный конкурс художественной декламации «Читаем Пушкина». Это было не только эстетически значимое событие, но и важный этап понимания Пушкина для тех молодых филологов, которые решились выразительно передать своё понимание его поэзии, ведь хорошо прочесть стихотворение можно, лишь поняв его идею

и прочувствовав уmonoстроение поэта. Победителем онлайн-марафона стал студент Государственного университета просвещения Мокроусова Александра (Россия), места призёров разделили между собой студент Государственного университета просвещения Егорова Мария (Россия), студент Евразийского национального университета имени Н. Л. Гумилёва Умарова Дильназ (Казахстан), студент Карагандинского университета имени академика Е. А. Букетова Малкенов Санжар (Казахстан). Обладателем приза зрительских симпатий стал студент Государственного университета просвещения Гаджиева Надежда (Россия).

Заккрытие Пушкинского фестиваля состоялось 24 июня: студенты получили памятные грамоты и дипломы, вместе с профессорско-преподавательским составом подвели итоги своего «вживания» в Пушкина и его эпоху, выразили желание продолжать читать и исследовать его литературное наследие. Мероприятие явилось важным событием как в жизни факультета русской филологии, так и для всех его участников.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степченкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: st_valentina007@mail.ru

Антропова Анна Олеговна – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: antropova.anyuta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina N. Stepchenkova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature of Federal State University of Education;
e-mail: st_valentina007@mail.ru

Anna O. Antropova – Master Degree Student, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: antropova.anyuta@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степченкова В. Н., Антропова А. О. «Мы рождены для вдохновенья...»: хроники пушкинских дней в Государственном университете просвещения // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 110–113.

FOR CITATION

Stepchenkova V. N., Antropova A. O. "We Were Born For Inspiration...": Chronicles Of Pushkin's Days At The State University Of Education. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 110–113.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2024. № 3. Т. 2

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,25, уч.-изд. л. 8,75.

Подписано в печать: 26.08.2024 г. Дата выхода в свет: 06.09.2024 г. Заказ № 2024/06-09.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А